

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ О ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сборник докладов белорусско-российского круглого стола
15 декабря 2022 г.

Минск
МГЛУ
2023

УДК 94(47) «1941/1945»
ББК 63.3(2)622
Э17

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2 (68) от 27.04.2023 г.

Рецензенты: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела современной истории *В. И. Мусаев* (СПБНИИ РАН); кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальных наук *С. Г. Лютко* (МГЛУ)

Эго-документы о повседневности периода Великой Отечественной войны : сб. докл. Белорусско-российского круглого стола, Минск, 15 дек. 2022 г. / отв. ред. Ю. З. Кантор, ред. С. Е. Новиков. – Минск : МГЛУ, 2023. – 152 с.

ISBN 978-985-28-0235-2

Сборник докладов круглого стола, проведенного МГЛУ и СПБНИИ РАН, включает авторские материалы, представляющие результаты исследований истории повседневности на территории отдельных регионов РСФСР и БССР в условиях нацистской оккупации, а также фиксирующие ее последствия в документах. Знание и глубокое понимание малоизвестных аспектов событий, введение новых документов в научный оборот двух стран содействуют переосмыслению сложных проблем Великой Отечественной войны и позволяют сохранить историческую правду о военном прошлом в памяти людей нынешнего поколения.

УДК 94(47) «1941/1945»
ББК 63.3(2)622



Электронная версия учебного издания доступна в электронной библиотеке МГЛУ по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0235-2

© Авторы статей, 2023
© Минский государственный лингвистический университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Часть 1. Военная повседневность

<i>Белов Д. А.</i> Сбор интервью у участников Сталинградской битвы учеными-историками Комиссии по истории Великой Отечественной войны в 1942–1943 гг.: цели, направления, итоги, значение	8
<i>Мох Е. Н.</i> Повседневная жизнь советских военнопленных в немецких лагерях на оккупированной территории Беларуси в отражении документов личного характера	16
<i>Корсак А. И.</i> Дневниковые записи советских партизан в контексте сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны	22
<i>Иванов В. А.</i> Воспоминания участников подпольной организации г. Саки как источник по истории Великой Отечественной войны.....	32
<i>Антонова К. А.</i> События Великой Отечественной войны в воспоминаниях ее участников (по материалам Народного музея боевой славы ГУО «Средняя школа № 2 г. Новополоцка»).....	41
<i>Хотянович Н. А., Волянец Н. М.</i> Эго-документ как музейный экспонат (из опыта работы ГУ «Лидский историко-художественный музей»)	49

Часть 2. Повседневность в оккупации

<i>Ковалев Б. Н.</i> Испанская «Голубая дивизия» в воспоминаниях новгородцев, переживших оккупацию	58
<i>Тукало С. Н.</i> Повседневная жизнь узников Минского гетто в воспоминаниях Михаила Трейстера	69
<i>Цымбал А. Г.</i> История Минского гетто в отражении эго-документов	76
<i>Новиков С. Е.</i> Воспоминания Анатолия Гарника как источник по истории массового уничтожения евреев в IX форте г. Каунаса.....	85
<i>Козак К. И.</i> Воспоминания белорусских остарбайтеров как источник по изучению истории использования рабского труда в Германии.....	97

Часть 3. Блокада Ленинграда в эго-документах

<i>Айдаров Н. Ж</i> Личные документы Ж. К. Айдарова как источник по истории блокадного Ленинграда	112
<i>Кантор Ю. З.</i> «Храню как реликвию пожелтевший листок тех далеких блокадных дней». Память об эвакуации в неопубликованных эго-документах отдела рукописей Российской национальной библиотеки.....	119
<i>Плауде В. Ф.</i> «...Хочется верить в возможность восстановления дворца и содействовать этому восстановлению...» Документы семейного архива Туровых.....	125
<i>Асташкин Д. Ю.</i> Эвакуация детей Ленинграда в дневниках 1941–1943 гг.	131
<i>Пянкевич В. Л.</i> «Пейзаж блокадного Ленинграда» в нарративных и изобразительных источниках – облик осажденного города.....	143
Сведения об авторах.....	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эго-документы – автобиографии, воспоминания, дневники, письма и т. п., – чаще малоизученные и малоизвестные, но незаменимые источники истории военных будней, оказались в центре внимания участников круглого стола «Эго-документы о повседневности периода Великой Отечественной войны». Он состоялся на паритетной основе 15 декабря 2022 г. в Минском государственном лингвистическом университете при участии Санкт-Петербургского института истории РАН, а также благодаря докладам, представленным на нем белорусскими и российскими историками, исследователями, научными и музейными сотрудниками.

Источники – интервью, дневники – долгое время не являлись базовыми, а, скорее, рассматривались как второстепенные или дополнительные при анализе исторических событий на фронтах Великой Отечественной войны и описании боевых действий в ходе наступления и/или обороны частей Красной Армии. Не всегда они содержали описание героических судеб красноармейцев, в том числе оказавшихся в немецком плену, раскрывали детали диверсионной деятельности участников подпольного антифашистского сопротивления и советских партизан. Как видно из материалов сборника, обращение к документам личного происхождения помогло авторам уточнить некоторые моменты из общей картины военных событий, ближе узнать отдельные малоизвестные страницы обороны Ленинграда, Лиды, Минска, Полоцка, Крыма, Сталинграда, а также восстановить в памяти как героические, так и трагические события военных будней на захваченной врагом советской территории.

Повседневность в условиях германской оккупации – второй важный элемент, определенный организаторами круглого стола в качестве отдельного диалогового поля для реконструкции малоизвестных страниц истории Великой Отечественной войны. По сравнению с традиционными источниками эго-документы исчисляются единицами. Существующая ныне библиография подтверждает такой печальный исторический факт. Документы личного происхождения чаще всего единственные в своем роде, посвященные узкому сюжету повседневной жизни в годы войны, что является особенно ценным в этом жанре документальных источников. Также обращает на себя внимание тот факт, что большинство известных документов подобного рода является частью воспоминаний людей, прошедших через жесточайшие испытания войны и оставшихся в живых, но не сразу обратившихся к перу, чтобы засвидетельствовать правду об ужасах нацистской оккупации на местах.

В настоящее время бесценными для исследования трагедии советских военнопленных в Минске, узников лагерей и гетто в Минске и Каунасе, гражданского населения Новгорода, а также мирных жителей, увезенных на

принудительные работы в Германию, являются воспоминания оставшихся в живых – это сумма наблюдений, переживаний и опыта как собственного, так и увиденного и услышанного. Как оказывается, именно в таких строках содержится большой эмоциональный контекст, часто остававшийся без внимания исследователей. Материалы показывают: несмотря на то, что эти документы носят субъективный характер, в определенном смысле говорят об одностороннем видении событий, они по глубине осознания увиденных и засвидетельствованных исторических фактов проникают глубже всего в память людей нынешнего поколения.

Время неумолимо. От бывших очевидцев, свидетелей и участников военных событий сохраняются только эго-документы, в редких случаях записанные в форме дневников воспоминаний. В конечном итоге остается только память, которая сильнее смерти. Над этим задумываются многие, особенно работники профильных музейных учреждений, сохраняющих в разных формах память о блокадном Ленинграде и его пригородах, стойкости и мужестве их жителей, вере в победу и мирное будущее. Из докладов видно, что в поисках правды и сведений о времени войны сегодняшние музейные работники Беларуси и России все чаще обращаются к эго-документам, в том числе дневникам, письмам, воспоминаниям, фотографиям, анкетам, работам живописи, графики, рисункам и т. п., ставшим убедительными свидетельствами прошлого.

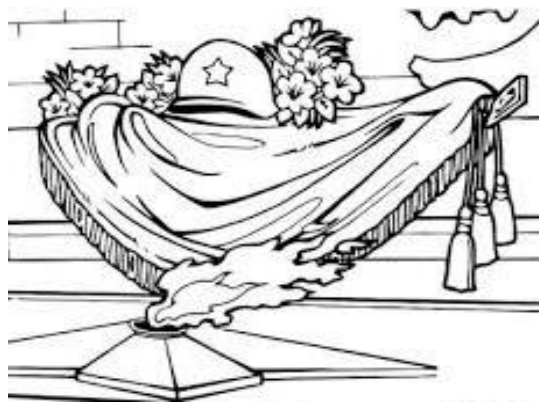
Важно учитывать, что многие эго-документы составлялись в сложной обстановке, иногда без учета их авторами других объективных факторов, что в итоге не исключало наличия в эго-документах неполной, непроверенной или даже ошибочной информации. В то же время дневниковые и прочие записи, а также личные письма и воспоминания, использованные белорусскими и российскими исследователями в сборнике, представляют собой особый научный интерес, поскольку воспроизведенные в таких документах сведения отражались непосредственными участниками исторических событий. Это позволяло им передавать не только свои эмоциональные переживания, но и особо важные детали того, что происходило в повседневной жизни людей. Таким образом, перед нами разного рода письменные свидетельства личного характера.

Выбор темы круглого стола обусловлен временем: углубленного изучения требуют вопросы личных судеб оставшихся в живых, не освоены в полной мере ресурс устной истории, звучит императивом требование о более активном использовании эго-документов в переосмыслении сложных проблем истории Великой Отечественной войны.

Участники белорусско-российского круглого стола выносят на суд читателей результаты проведенных исследований, представленные в рамках темы «Эго-документы о повседневности периода Великой Отечественной войны».

С. Е. Новиков

Часть 1.
ВОЕННАЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ



**СБОР ИНТЕРВЬЮ У УЧАСТНИКОВ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ
УЧЕНЫМИ-ИСТОРИКАМИ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1942–1943 гг.:
ЦЕЛИ, НАПРАВЛЕНИЯ, ИТОГИ, ЗНАЧЕНИЕ**

Д. А. Белов

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, касающиеся анализа вклада историков Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР в сохранение памяти о Сталинградской битве через организацию интервьюирования участников и очевидцев сражения в 1942–1943 гг. Публикация посвящена итогам первой в отечественной историографии уникальной, методически последовательной, системной попытки сбора материалов устной истории на примере Сталинградской битвы.

Ключевые слова: устная история; интервьюирование; Сталинградская битва.

***COLLECTION OF INTERVIEWS FROM THE PARTICIPANTS OF THE
BATTLE OF STALINGRAD BY HISTORIANS OF THE COMMISSION
ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN 1942–1943:
GOALS, DIRECTIONS, RESULTS, MEANING***

Annotation: In this paper we shall present some issues concerning the contribution of the historians of the Academy of Sciences of the USSR Commission on the Great Patriotic War history for commemoration work of the battle of Stalingrad through the medium of the organization of interviewing of participants and witnesses of the battle in 1942–1944. The article is devoted to the first national historiography, unique, methodologically consistent, systematic, large-scale attempt to collect materials of oral history.

Keywords: oral history; interviewing; The Battle of Stalingrad.

В настоящее время отечественными и некоторыми зарубежными историками предпринимаются усилия осветить вопросы, связанные с существованием и итогами работы Комиссии по истории Великой Отечественной войны, возглавляемой профессором Исааком Израилевичем Минцем. Автор данной статьи опирается на оригиналы интервью, собранные учеными-историками Комиссии среди участников и очевидцев Сталинградской битвы непосредственно во время и после сражения в 1942–1943 гг. и хранящиеся

в научном архиве Института российской истории Российской академии наук (ИА ИРИ РАН), а также на публикации коллег, получивших первые научные результаты в этой области.

Следует выделить некоторые значимые в советской историографии работы о деятельности Комиссии и анализе методики сбора интервью [5, с. 123–166; 2, с. 174–181]. Заметным событием в историографии стала изданная на нескольких языках монография профессора университета Ратгерса (США) Йохена Хелльбека, посвященная анализу интервью, собранных среди участников Сталинградской битвы [13]. Эта монография под названием «Сталинградские протоколы» была переиздана на немецком языке [1]. По мнению А. Борозняка, коллекция стенограмм И. И. Минца – «...не имеющее себе равных достижение oral history – устной истории, неограниченное поле для серьезных исследований», а монографическое исследование Й. Хелльбека является «...сознательным вызовом сохраняющейся и поныне в германской исторической памяти трактовке Сталинградской битвы – восприятию жертвенности немцев, но не их национальной ответственности за войну и военные преступления» [4, с. 63–64].

Коллективная монография сотрудников ИРИ РАН «Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне» посвящена истории учреждения Комиссии, первому опыту проведения бесед с участниками битвы за Москву, а также методике проведения опросов. Авторы попытались показать на примере единичных стенограмм их информационный потенциал, приводя интервью, имеющие отношение к восприятию участниками боевых действий событий войны, вызывающих в современной историографии неоднозначную оценку. В работе не анализируются события Сталинградской битвы, однако она представляет ценность с точки зрения изучения истории самой Комиссии и формирования методологических подходов ее представителями при проведении интервьюирования [4].

Чтобы обозначить вклад ученых-историков Комиссии по сбору интервью среди участников сражения под Сталинградом, автору данной статьи удалось выявить в разных фондах научного архива ИРИ РАН 236 интервью участников и очевидцев Сталинградской битвы, собранных в период с декабря 1942 г. по март 1945 г. Й. Хелльбек пишет об обнаруженных 215 стенограммах [11, с. 141]. Вполне возможно, что при продолжении научно-поисковой деятельности в других фондах Комиссии цифра стенограмм незначительно вырастет.

Среди опрошенных Комиссией выявлены интервью командармов, командиров дивизий, полков, батальонов, заместителей начальников штабов

всех уровней, Героев Советского Союза, представителей гражданского населения и руководства крупных предприятий. Учитывая продолжающуюся в историографии дискуссию относительно разных аспектов трагедии гражданского населения города, крайне ценными выглядят материалы опросов секретарей Сталинградского обкома, горкома и райкомов города.

Почти каждая стенограмма беседы содержит автобиографию опрашиваемого, сведения об уровне образования и рассказ о его участии в боевых действиях с интересными подробностями эмоционального восприятия событий, военного быта, анекдотические ситуации, осмысление роли и подвигов коммунистов, комсомольцев, агитаторов, Героев Советского Союза, затрагиваются случаи проявления как трусости, так и героизма в бою. Стенограммы несут ценную информацию об отношении интервьюируемых к предателям, военнопленным, гражданскому населению, разным формам проявления коллаборационизма, особенностям полевого быта и военного юмора, ошибкам командования, эвакуации гражданского населения и форм выживания в прифронтовой полосе – все эти аспекты крайне редко становились объектами исследования в отечественной историографии.

Сотрудник ИРИ РАН Д. Лотарева утверждает, что после войны к этим документам и материалам ученые «обращались, в основном, для наведения справок». Она выделяет три основные причины, по которым они не были введены в научный оборот. Определенную роль здесь сыграла кампания по борьбе с космополитизмом, а также, по ее мнению, «времена политизации и мифологизации истории войны, когда правдивый рассказ о реальных обстоятельствах событий... не отвечал целям советской идеологии». Третьей причиной является сложность работы с самими стенограммами, требующими всестороннего источниковедческого анализа [8, с. 129–130].

Сотрудники Комиссии были уверены, что после войны для послевоенной историографии собранный ими материал «блиндажной правды» будет иметь колоссальное значение и станет «летописью этой величественной эпопеи». Например, кандидат исторических наук П. И. Белецкий в беседе с участником обороны Царицына, народным ополченцем Сталинграда И. А. Бондаренко уговаривал его найти время и написать воспоминания, «ибо то, что с Вами было, имеет громадное значение для общества..., об этом будут знать миллионы людей» [3, с. 6].

К подобному крайне ответственно подошел историк, после войны ставший доктором исторических наук, майор П. А. Зайончковский из 66-й армии. Петр Андреевич поделился материалами допросов военнопленных, трофейными письмами, итогами анализа поведенческих реакций немецких

солдат и особенностей их эмоционального восприятия советских листовок. Например, он заметил, что «особое впечатление на них произвела следующая листовка: «Папа умер». На ней была изображена 4-летняя девочка. Она держит письмо, и лежит убитый немецкий солдат. Причем мне один военнопленный рассказывал, что его товарищ послал это письмо с оказией домой» [7, с. 3].

Будучи кандидатом исторических наук, П. А. Зайончковский часто читал лекции и в одной из них доказывал коллегам из политотдела армии важность изучения эмоциональных реакций немецких солдат для понимания эффективности советской пропаганды. Как старший инструктор политотдела армии он понимал важность изучения в практических целях настроения, веры в победу, дисциплины, отношения к офицерам – всех тех аспектов, которые он называл «моральным фактором», определяющим боеспособность противника. Не случайно как важное дополнение к интервью сотрудники Комиссии сохранили тезисы его лекции о методике проведения «политического опроса военнопленных» и 32 протокола допроса.

На всех фронтах Комиссия работала с установкой по сбору устного материала в первую очередь о «живом человеке», действуя согласно инструкциям проф. И. И. Минца, параллельно собирая официальные донесения и отчеты штабов. Сама методика интервьюирования сложилась, скорее всего, окончательно к концу 1942 г. [5, с. 159–160]. Интересно, что крайне мало сохранилось документов методического характера в архиве ИРИ РАН. Материалы (инструкции, опросники, методические пособия) по проведению интервью отложились в архиве г. Минска и пока не нашли должного отражения в научных публикациях, посвященных работе Комиссии, включая ее филиалы в Красноярске, Сталинграде, Севастополе и других городах. Это региональное направление исследования результатов и особенностей работы филиалов Комиссии представляется крайне перспективным и интересным.

Всего в Сталинград И. И. Минц командировал несколько групп ученых-историков. Сведения о них крайне фрагментарны и разрозненны, неизвестны сроки всех командировок и не все стенограммы интервью точно удается датировать. Тем не менее, можно утверждать, что прибывшей 30 декабря 1942 г. первой группе специалистов удалось собрать 10 интервью, за январь 1943 г. у второй группы на счету 24 интервью и уже после завершения сражения «по горячим следам» группе доктора исторических наук Э. Б. Генкиной удалось опросить 27 ценных свидетелей, многие из которых имели отношение к такому значимому историческому событию, как пленение фельдмаршала Фридриха Паулюса [10; 11].

Анализ дат и мест проведения интервью говорит о том, что первоначально ученые-историки, работающие в паре со стенографисткой, устанавливали контакт с высшим командованием фронтов и армий, а позднее по рекомендации заместителей по политической части или командиров дивизий, полков собирали интервью у отличившихся в бою. Пока значительная часть этих интервью не была подвергнута глубокому сравнительному анализу с послевоенными опубликованными воспоминаниями этих же участников пленения.

Крайне ценны интервью, собранные в марте 1943 г. среди представителей первых секретарей райкомов, горкома и некоторых секретарей Сталинградского обкома партии. Здесь ведущую роль сыграла группа П. И. Белецкого. К сожалению, по неизвестным причинам интервью с первым секретарем Сталинградского обкома ВКП(б) А. С. Чуяновым не было записано.

Тем ценнее итоги работы этой группы, поскольку собранные в 1943 г. интервью отражают мероприятия и эмоциональную реакцию гражданских властей на быстрое изменение военной обстановки, что спустя 20–30 лет будет подвергнуто серьезной редакторской правке. Например, Алексей Семенович Чуянов в 1966 г. представил для публикации свою версию видения обороны города на страницах «Сталинградского дневника» [15], но за два года его работы редактором Нижне-Волжского книжного издательства из первоначального текста будут убраны политически несвоевременные факты о прибывающих в Сталинград, вырвавшихся из окружения под Харьковом, «оборванных, голодных, а, главное, морально подавленных» бойцах и офицерах. Многие негативные оценочные суждения в адрес С. К. Тимошенко и В. Н. Гордова, ошибки верховного командования удалены, на полях остались замечания редактора: «Неужели была в такой обстановке армия?», «Разве можно говорить об этом сейчас?». С другой стороны, несколько предложений о «вере в успех» и «умелом управлении командования фронтом» редактор счел нужным добавить от имени автора [16, с. 60, 73, 85].

Последние дни апреля и весь май 1943 г. Комиссия сосредоточилась на фиксации вклада в победу под Сталинградом бойцов и командиров 308-й стрелковой дивизии. Можно только предполагать причины необычайно повышенного интереса Комиссии (24 стенограммы из 28) именно к этому воинскому подразделению. Такой объем работы по своим масштабам сравним только с интересом к участникам пленения Ф. Паулюса. На наш взгляд, единственным объяснением может быть популярность в прессе

дивизии, стойкость которой «на направлении главного удара» немецких войск в Сталинграде прославил на всю страну в своем очерке известный писатель Василий Гроссман [6]. Ученые Комиссии среди всех воинских подразделений 62-й армии обратили внимание именно на эту дивизию.

Известно, что задолго до начала работы представителей Комиссии над этим «направлением» инструктор политотдела 347-го стрелкового полка 308-й стрелковой дивизии М. Л. Ингор в феврале 1943 г. собрал и издал первый сборник очерков по истории боевого пути дивизии под названием «Сибиряки на защите Сталинграда» [12]. Наверное, в апреле 1943 г., будучи в Москве, он дал интервью проф. Э. Б. Генкиной и передал в архив Комиссии все черновики этого сборника, включая фотографии героев дивизии. Можно предположить, что «направление главного удара» представлялось Комиссии крайне интересным с точки зрения сбора интервью и увековечивания памяти его героев, но содержание черновиков и изданных о них материалов крайне разочаровывает, так как после глубокой литературной обработки последние потеряли научную ценность. По этой причине в мае 1943 г. ученые Комиссии застенографировали, согласно своей отработанной методике, воспоминания почти всех участников боев, упомянутых в этой брошюре. Помимо командира дивизии Л. Н. Гуртьева, который погибнет спустя три месяца, будут интервьюированы А. М. Свириин, А. С. Чамов, И. М. Брысин, Е. Е. Дудников, М. Ингор, В. П. Калинин, А. С. Смирнов, И. В. Максин [14].

Последний заметный вклад в фундамент будущей послевоенной историографии сражения внесла группа ученых Комиссии, специализирующаяся на сборе интервью по истории Волжской военной флотилии. Вклад экипажей канонерских лодок, бронекатеров, тральщиков представлен в 40 стенограммах. Важную роль в сборе интервью, журналов и отчетов о ходе боевых действий кораблей сыграли Н. Мазунин и В. А. Дивин. Судя по стенограммам, эти сведения собирались по всей Волге от Куйбышева до рейдов на южных окраинах Сталинграда. К сожалению, и этот пласт стенограмм после войны окажется не востребован. Например, Н. Мазунин в своей научной статье о вкладе флотилии в Сталинградской битве ни разу не упомянул свою работу в Комиссии и не использовал собранные им ценные материалы в качестве источников [9, с. 55–60].

Сбор последующих интервью носил случайный характер. Опросы производились в Москве в связи с командировкой или направлением на лечение очевидца либо участника сражения, часть интервью собиралась в дивизиях, воевавших в 1943–1944 гг. на территории Украины, отдельно опрашивались Герои Советского Союза.

Вклад сотрудников Комиссии по сбору эго-документов среди активных участников Сталинградской битвы огромен, а сам проект и его итоги можно считать уникальным опытом в историографии.

К сожалению, после войны собранная учеными-историками «блиндажная» сторона военной истории в историографии стала восприниматься как чрезмерно субъективная, не вписывающаяся в формирующуюся историческую парадигму при освещении событий коренного перелома в войне. Учитывая роль и влияние цензуры на формирование официальной послевоенной версии событий обороны Сталинграда, репрессивные меры по отношению к писателям и журналистам, непосредственно участвовавшим в сражении, можно согласиться с выводами Д. А. Лотаревой о причинах не востребоваемости этих интервью после войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hellbeck, J.* Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht / J. Hellbeck. – Frankfurt a. M. : S. Fischer Verlag, 2012. – 608 S.
2. *Архангородская, Н. С.* «Истории воинских частей» в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны / Н. С. Архангородская, А. А. Курносов // Археографический ежегодник за 1985 г. : сб. ст. / Археограф. комиссия АН СССР; редкол.: С. О. Шмидт (отв. ред.) [и др.]. – М., 1986. – С. 174–181.
3. *Бондаренко, И. А.* Стенограмма беседы с бывшим командиром 6-го Ворошиловского истребительного батальона Сталинградского корпуса народного ополчения (март 1943 г.) / И. А. Бондаренко // Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Р. 1. Оп. 5. Д. 40.
4. *Борозняк, А.* Земля Сталинграда дышала огнем / А. Борозняк // Родина. – январь 2013. – № 1.
5. *Гуськов, Г. А.* Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А. Г. Гуськов [и др.] ; редкол.: С. В. Журавлев (отв. ред.) [и др.]. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 383 с.
6. *Гроссман, В.* Направление главного удара / В. Гроссман // Правда, 26 ноября 1942 г. – № 330 (9101).

7. *Зайончковский, П. А.* Стенограмма беседы с майором, инструктором 7-го отдела политотдела 66-й армии (28 мая 1943 г.) / П. А. Зайончковский // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 5. Д. 54.
8. *Лотарева, Д. А.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы / Д. А. Лотарева // Археографический ежегодник : сб. ст. / Ин-т славяноведения РАН ; редкол.: С. О. Шмидт (отв. ред.) [и др.]. – М., 2014.
9. *Мазунин, Н.* Волжская военная флотилия в боях за Сталинград / Н. Мазунин // Военно-исторический журнал. – 1972. – № 11.
10. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 5.
11. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 14, 31, 33, 52, 55, 56, 60, 65, 71–72, 74–75, 79–80, 96, 103, 106, 117–119, 166, 236, 258, 262–263.
12. Сибиряки на защите Сталинграда. – Новосибирск : ОГИЗ, 1943. – 52 с.
13. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев : пер. с нем. К. Левинсона; редкол.: Й. Хелльбек (отв. ред.) [и др.]; послесл. И. Калинина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 672 с.
14. Стенограммы бесед, проведенных в 308-й стрелковой дивизии. – НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 5, Д. 29 (на 172 л.).
15. *Чуянов А. С.* Сталинградский дневник / А. С. Чуянов. – Волгоград: Ниж.-Волжск. кн. изд-во, 1968. – 367 с.
16. *Чуянов, А. С.* Сталинградский дневник (оригинал, 1966 г.) / А. С. Чуянов // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф-Р. 6281, Оп. 2, Д. 728.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ОТРАЖЕНИИ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Е. Н. Мох

Аннотация: В статье на основе текстов материалов личного характера (воспоминаний, дневников) рассмотрена повседневная жизнь советских военнопленных в немецких лагерях на оккупированной территории Беларуси.

Ключевые слова: советские военнопленные; эго-документы; лагерный режим; историческая память; лагерь

EVERYDAY LIFE OF SOVIET PRISONERS OF WAR IN GERMAN CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS IN THE REFLECTION OF DOCUMENTS OF PERSONAL ORIGIN

Annotation: Based on texts of materials of personal origin (memoirs, diaries), the article examines the daily life of Soviet prisoners of war in German camps in the occupied territory of Belarus.

Keywords: Soviet prisoners of war; ego-documents; camp regime; historical memory; camp.

Одной из форм, позволяющих вписать индивидуальные биографии советских военнопленных в общеисторический контекст и соотнести свидетельства очевидцев с официальным нарративом, являются эго-документы. Такой вид источников отражает самые разные социальные, общественные и духовные стороны жизни человека, позволяет осветить малоизвестные грани изучаемой проблемы: жизнь и быт в лагерях, взаимоотношения военнопленных с администрацией, друг с другом, с местным населением. Данные источники передают эмоциональное состояние бывших советских военнопленных, их внутренний мир, мысли, открывают новые перспективные направления исследования темы войны. Личные наблюдения, детали и факты, сообщенные бывшими военнопленными в своих мемуарах, письмах, являются ценнейшим источником.

В ретроспективном эго-источнике сочетаются индивидуальное восприятие прошлого и коллективные представления, которые рисуют картину понимания происходящего [1]. Использование материалов личного характера советских военнопленных остается особенно ценным для изучения внутрилагерной жизни и быта. Безусловно, разбросанные по мемуарным

текстам описания, относящиеся к лагерному быту советских военнопленных, охватывают как разные временные периоды, так и разные лагеря, отличавшиеся по типологии: сборные пункты, шталаги, пересыльные лагеря. Ю. Апель, вспоминая о годах неволи, справедливо заметил: «Плен, как и сама жизнь, очень многообразен. Лагеря военнопленных сильно разнятся по своему назначению, режиму, обращению и возможностям в них выжить» [2]. Это обстоятельство ограничивает в формулировании обобщающих выводов. Между тем, свидетельства очевидцев позволяют выявить типичность некоторых явлений.

Развернутые для содержания военнопленных лагеря и их филиалы в Беларуси представляли собой огороженную несколькими рядами проволоки территорию, на которой военнопленные находились под открытым небом либо размещались в непригодных помещениях: в конюшнях – дулаг № 121, Гомель; разбитых казармах – дулаг № 125, Полоцк; крепостях – дулаг № 131, Бобруйск.

Из отчета коменданта по делам военнопленных округа «J» полковника Маршалла за 1941 г. видно, какими были пересыльные лагеря на оккупированной территории Беларуси. «112-й пересыльный лагерь в Молодечно: 8 тысяч военнопленных под открытым небом, 341-й пересыльный лагерь в Бобруйске: под крышей только 6 тысяч пленных, остальные располагаются в укрепленных ямах в грязи, 220-й пересыльный лагерь в Гомеле: 8 тысяч пленных, из которых под крышей 3 тысячи могут лежать или 5 тысяч стоять» [3].

К таким суровым условиям размещения в лагерях военнопленные приспособлялись по-разному. Одни использовали старинный солдатский способ спать, не замерзая, – «кружком»: солдат подстилал шинель с растянутым хлястиком, ложился на правый бок, укрывался той частью шинели, на которой был воротник, и сгибал ноги в тазобедренном суставе градусов на тридцать. Следующий солдат ложился ниже, спиной к ляжкам, и ногами грел спину лежащему еще ниже. Другие умело спасались от блох: они тщательно вылавливали блох на себе, выносили одеяло и расстилали его на снегу, так как на морозе все блохи делали стойку на передних лапках и стояли неподвижно. После этого сметали блох на снег и быстро укутывались [2, с. 134].

Для поддержания дисциплины и порядка в лагерях создавалась внутренняя и внешняя охрана. Внешняя была представлена солдатами старших возрастов, входившими в охранные батальоны вермахта. Внутренняя охрана – лагерными полицейскими из числа самих военнопленных, они осуществляли контроль над военнопленными в лагере. Положение полицейских

в лагере описал бывший военнопленный шталага № 316 (Волковыск) К. И. Игошев: «Все полицаи носили командирское обмундирование, насильно снятое с пленных, яловые сапоги и кожаные командирские ремни, на левом рукаве носили белую повязку с разными черными нашивками – в зависимости от занимаемого положения. Оружия немцы им не доверяли и даже не выпускали в город. Оружием служили дубинки и специальные плетки с вшитыми в наконечники металлическими предметами» [4].

Предписания вермахта по обеспечению военнопленных продуктами питания на местах выполнялись по-другому. Очень часто некоторые перечисленные в рации продукты не выдавались, заменялись другими. По воспоминаниям бывшего военнопленного В. Н. Вахромеева: «Делили буханку эрзац-хлеба пополам с опилками на равные части. В бараке у нас были самодельные чашечные весы, на которых мы могли довольно точно взвесить маленькие кусочки хлеба. Если же не было весов, то поступали иначе. Резали буханку на примерно равные кусочки по количеству пленных в бараке. Раскладывали на чистую бумагу или платок. Один из группы поворачивался ко всем спиной и, указывая на первый кусок, спрашивал: «Кому?». Ему говорили имя или номер, и он передавал кусочек этому человеку. И так поочередно все кусочки. Считалось большим счастьем получить при дележе кусок горбушки...» [5, с. 49]. Комплексный анализ нормативной базы и практики организации продовольственного обеспечения советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси показывает, что этому вопросу в первый год войны не придавали особого значения. Только в 1942 г. в связи с активным использованием труда пленных в практику нацистского военного плена вошел принцип дифференциации норм продовольствия, по которому, с одной стороны, поддерживалось физическое состояние пленных, а с другой – использовался их труд.

Для каждого лагеря характерны своя «внутренняя жизнь», свой быт. Имеются единичные примеры организации в лагерях военнопленных «лагерной самодеятельности», проведения богослужений, совершения православными священниками церковных таинств (шталаги № 352, 337, 342). В лагере № 352 в бараке № 6 (известен как барак артистов) военнопленными был создан хор. «Задача деятельности артистов – сплотить группу, настроить на побег, на борьбу, спеть и показать такой материал, после которого не захочется даже раненому отсиживаться за проволокой», – вспоминал бывший военнопленный барака № 6 А. И. Мягков [6]. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны хранится его блокнот с записями песен.

Как правило, в каждом лагере существовал производственный отдел, который занимался организацией работ военнопленных в лагере и за его пределами. Этот отдел отвечал за ведение учета заявок на рабочую силу, заключал договоры с ними, распределял военнопленных на принудительные работы и представлял отчетность об их использовании. В некоторых лагерях военнопленные организовывали некое подобие рынка: осуществляли обмен продуктами между собой и военнопленными из числа полицаяев, например, одежду и сигареты меняли на хлеб и картошку. Торговля начиналась вечером, как правило, после возвращения в лагерь рабочих команд, которым удавалось пронести за колючую проволоку продукты либо сигареты. Нелегальный обмен вещей на продукты между военнопленными осуществлялся и в лагере № 337. По воспоминаниям бывшего пленного этого лагеря М. А. Жилина, лагерными умельцами выпускались такие изделия, как деревянные игрушки, шкатулки, предметы быта из соломки. Сапожники изготавливали тапочки, зимнюю стеганую обувь и галоши. Материалом для тапочек и стеганой обуви служило обмундирование. На подошву шли резиновые межвагонные тормозные рукава. Галоши клеились из автомобильных камер, резиновый клей поставляли команды, обслуживающие гаражи. Утром администрация лагеря забирала часть изделий для реализации, часть брали с собой работающие военнопленные, а остальное сдавалось в канцелярию, где была организована продажа товаров. Возле каждой вещи писалась «цена» в количестве продуктов, хлеба или табака, фамилия продавца и номер барака. На вечерней проверке унтер-офицер канцелярии раздавал «выручку» за проданные изделия [7].

Примером духовного сопротивления являлась нелегальная деятельность писателя С. П. Злобина в шталаге № 352 по подготовке рукописной газеты «Пленная правда» для военнопленных. Оказавшись в окружении, он был контужен и попал в плен. Злобин был секретарем подпольной коммунистической группы, писал песни, прокламации, статьи. Так, первый номер подпольной лагерной газеты появился 10 июля 1942 г. За три ночных дежурства в лагерном лазарете были подготовлены и размножены три экземпляра газеты. А затем она пошла с нар на нары в лагерных бараках, с койки на койку по лазарету. Один экземпляр рабочая команда вынесла в город. Девизом газеты послужили известные строки немецкого поэта Гете: «Лишь тот достоин чести и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Эти слова призывали пленных к активной борьбе за жизнь и свободу. По своей структуре газета была разбита на несколько разделов: «Наша правда», «На фронтах», «Пословицы, поговорки, загадки», «Объявления».

В издании особое значение уделялось последним событиям на фронте, в разделе шуток и юмора давалась «памятка беглеца», где указывалось, что задача военнопленных – это побег из лагеря и возвращение в ряды борцов против оккупантов. Безусловно, газета «Пленная правда» представляет исторический интерес, пример борьбы и нравственной силы военнопленных [8].

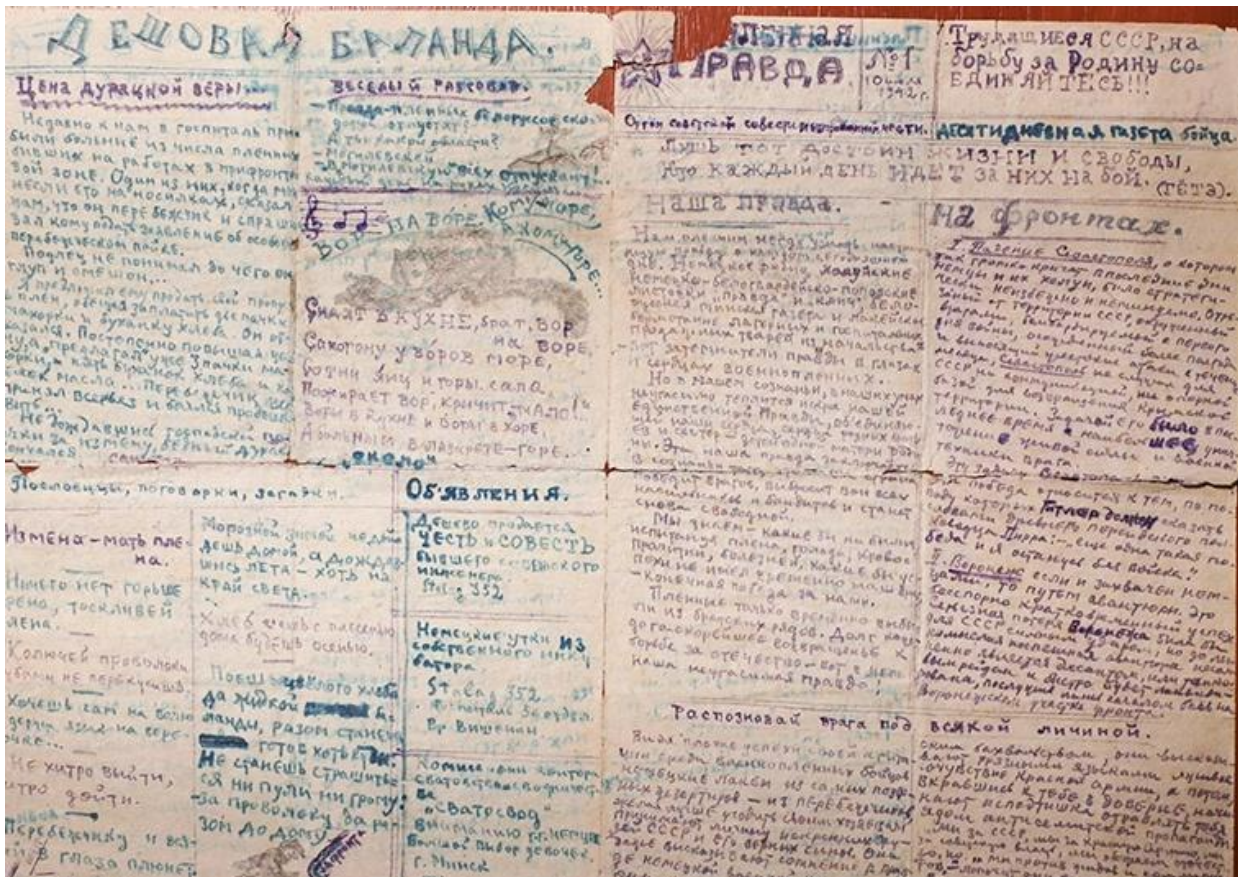


Рис. 1. Газета «Пленная правда»

Таким образом, изучение источников личного характера позволяет по-иному интерпретировать лагерный режим, реконструировать и понять через субъективное восприятие военнопленных переживания, чувства, детали, отсутствующие в официальных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов, С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти / С. В. Козлов // Библиосфера. – 2022. – № 4. – С. 5–11.
2. Апель, Ю. А. Доходяга: воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 г.–февраль 1945 г.) / Ю. А. Апель. – М. : Росспэн, 2009. – 254 с.

3. Bericht über die Besichtigungsfahrt vom 07.08.–12.08.1941 durch Oberst Marschall // Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA). – RH 22/251.
4. Воспоминания К. И. Игошева // Волковысский военно-исторический музей имени П. И. Багратиона. – Инв. № 777099.
5. *Вахромеев, В. Н.* Выжить и вернуться: одиссея советского военнопленного, 1941–1945 гг. / В. Н. Вахромеев. – М. : Центрполиграф, 2011. – 223 с.
6. Воспоминания бывшего военнопленного А. И. Мягкова // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Инв. № 43756.
7. В фашистской неволе. Лагерь военнопленных № 337. Воспоминания бывшего военнопленного М. А. Жилина // Барановичский краеведческий музей. – Инв. № 1976.
8. Газета бывшего военнопленного шталага № 352 С. П. Злобина «Пленная правда» // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Н/в № 17777.

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О СОБЫТИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. И. Корсак

Аннотация: В данной статье представлен критический анализ дневниковых записей советских партизан периода Великой Отечественной войны с использованием алгоритма действий программы Г. Янке по исследованию эго-документов.

Ключевые слова: эго-документ; дневник; дневниковые записи; советские партизаны; увековечение; Великая Отечественная война.

DIARY ENTRIES OF SOVIET PARTISANS IN THE CONTEXT OF REMEMBRANCE OF THE EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. This article presents a critical analysis of the diary entries of Soviet partisans during the Great Patriotic War, using the algorithm of G. Janke's ego-document research program.

Keywords: ego-document; diary; diary entries; Soviet partisans; immortalization; Great Patriotic War.

История Великой Отечественной войны в целом и партизанского движения в частности, казалось бы, изучена в полной мере. Концептуально решены многие проблемы. Но с течением времени появляются новые задачи, требующие под новым углом посмотреть на их решение.

Отметим, что ученые оперируют практически только архивными документами, которые анализируются, критикуются, но все равно им как источникам в той или иной степени доверяют. Отметим, что в отечественной историографии крайне мало исследований, которые бы использовали наряду с архивными источниками и эго-документы. Как правило, к данному виду материалов относятся с настороженностью. Можно согласиться с мнением, что, «некогда занесенные в ранг маргинальных, они стали незаменимыми источниками, которые позволяют обновить концептуальные и тематические направления исторических исследований именно благодаря ярко выраженной субъективности, а также вследствие содержащихся в них сведений о повседневной жизни, мировоззрении и эмоциональном мире авторов данных текстов» [1].

Предметом исследования выбраны дневниковые записи советских партизан в контексте сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны. В первую очередь автора интересовали факты гибели партизан и места их захоронения с целью последующего увековечения их памяти в случае неучтенности такового.

Но при изучении данной проблемы исследователь столкнулся с определенными трудностями.

Вначале разберемся с **терминологией**. Что такое дневник? Что такое дневниковые записи? И можно ли считать дневниковые записи партизанских отрядов эго-источником?

Согласно энциклопедическим данным, в широком понимании дневник – это записи личного, научного, общественного характера, ведущиеся день за днем [2]. Исходя из этого, в нашем случае, дневником могут считаться ежедневные записи отдельно взятого партизанского отряда, а дневниковые записи, в свою очередь, фрагментом дневника. В то же самое время «дневник» и «дневниковые записи» можно рассматривать и как слова-синонимы.

Прежде чем ответить на вопрос, можно ли считать дневниковые записи партизанских отрядов эго-источником, нужно обратиться к самому понятию «эго-документ». Если следовать тому смысловому наполнению, которое вложено создателем данного термина Э. Прессером, то это исторические источники, в которых исследователь сталкивается с «я» или иногда «он» как одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания [3]. Можно критически заметить, что данный вид дневниковых записей содержит в основном сведения боевого характера без ярко выраженного авторства. Но отметим, что начальник штаба партизанского отряда М. Ф. Шмырева (известный больше как Батяка Минай), как будто зная о нашем вопросе, разграничивает понятия «дневник» и «учет боевых действий», о чем свидетельствует последняя запись от 11 апреля 1942 г.: «Дневник отряда заканчивается. Учет боевых действий производит штаб бригады и ежемесячно отчитывается перед Витебским обкомом и опергруппой 4-ой ударной армии» [4].

В контексте нашего исследования дневниковые записи рассматриваются с точки зрения военного дневника, написанного не для себя, а с целью сохранения информации. В данном случае исследователю не столько важна личность автора эго-документа, сколько события, зафиксированные в нем. С этой точки зрения, дневник партизанского формирования не стоит рассматривать как эго-документ в классическом понимании Э. Прессера.

Второй вопрос, который встает перед исследователем: где искать дневники советских партизан? Если они вообще ими велись. В условиях военного времени и ведения партизанской войны, когда существует опасность быть схваченным и, соответственно, дневниковые записи с ценной информацией могли попасть в руки врагов. Командир бригады «Неуловимые» М. С. Прудников в своих мемуарах писал: «...я вынимаю продолговатую книжицу-дневник, разграфленную по месяцам и числам (она же служит одновременно и календарем), и пытаюсь хоть бы коротко зафиксировать события минувших суток. О чем писать? Когда, где перешли линию фронта? Нельзя. Ведь дневник может попасть к фашистам. По соображениям конспирации нельзя отметить и фамилии товарищей, особо отличившихся при первом серьезном испытании» [5, с. 23]. Хотелось бы обратить внимание, что в данном случае дневниковые записи были сделаны для того, чтобы на основе их воссоздать картину произошедшего, но уже в форме воспоминаний [5].

Итак, возвращаемся к дневнику отряда М. Ф. Шмырева. Не специально нарушив правила конспирации по причине неопытности, ведший дневник партизанского отряда начальник штаба П. Н. Голубев оставил его на месте дислокации. 11 октября 1941 г. немцы тремя группами вышли к лагерю, что было полной неожиданностью для партизан. В результате был захвачен дневник, который велся с самого начала существования отряда и до 11 октября 1941 г., а также списки личного состава всех групп партизанского отряда, в которых насчитывалось 105 бойцов [6, л. 25].

В поисках ответа на поставленный выше вопрос – где искать дневники советских партизан – при обращении в сеть Интернет оказалось, что кроме как разностороннего освещения дневника А. Н. Дзяковича [7], который попал в окружение под Смоленском, далее – в лагерь для советских военнопленных в г. Могилев, а затем оказался в партизанской бригаде «Железняк» [8], что действовала на территории Гомельской области, других данных о партизанских дневниках периода Великой Отечественной войны, связанных с событиями в Беларуси, не имеется.

Случайным образом при просмотре архивных материалов Комиссии по истории Великой Отечественной войны при ЦК КП(б)Б и СНК БССР, созданной в рамках деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. академика И. И. Минца, был найден дневник партизанского отряда Батки Миная [6]. Не менее интересной находкой среди протоколов допросов перешедших на сторону партизан бежавших из шталага № 354 в Боровухе-1 стал рукописный дневник 1-го Калининского отряда 2-й Дриссенской бригады [9, л. 15].

Буквально несколько слов посвятим дневнику 1-го Калининского отряда 2-й Дриссенской бригады. Дневник непосредственно фиксирует события с 5 по 16 июля 1944 г. Совсем непродолжительный срок. К тому же неизвестен автор. Дневник написан простым карандашом, довольно хорошим почерком без очевидных орфографических и пунктуационных ошибок, что свидетельствует о грамотности ведшего записи. В контексте исследования нами обращено внимание на запись от 9 июля 1944 г. о подготовке засады на дороге Казаково – Волки. Партизаны были обнаружены разведкой врага, обстреляны. В результате «смертью храбрых погиб командир 1-го взвода мл. лейтенант Лученовский Дмитрий Александрович» [9, л. 15]. Из базы данных «Партизаны Беларуси» известно, что Д. А. Лученовский, 1915 г. р., д. Княжицы Волынецкого с/с Дриссенского р-на (ныне Верхнедвинский р-н Витебская обл.), с 29 сентября 1942 г. находился в партизанском отряде в должности командира станкового пулемета, с 14 апреля 1943 г. – командира пулеметного взвода [10]. Данных о гибели нет. К сожалению, в дневнике отряда также ничего не сказано о месте первичного захоронения. В автоматизированном банке данных «Книга памяти» Республики Беларусь записи об увековечении памяти Д. А. Лученовского не имеется [11]. При всем том, что в историко-документальной хронике Верхнедвинского р-на есть информация о партизане отряда им. М. И. Калинина 2-й Дриссенской бригады Д. А. Лученовском (все данные совпадают с дневниковыми записями и личными документами), который погиб 9 июля 1944 г. и захоронен в д. Вересно (на данный момент не существует) [12]. После обращения к паспортным данным захоронения (братская могила № 4077) в д. Вересно (фигурирует как урочище) по заданным параметрам имени и отчества, даты рождения и гибели было выяснено, что имеется некто Ловчиновский Дмитрий Александрович [13]. Таким образом, в документах братской могилы и, вероятно, на мемориальной плите ошибочно написана фамилия партизана (вместо Лученовский указан Ловчиновский). Безусловно, неточность требует исправления. Это один из примеров, когда при элементарной не специально совершенной ошибке образуется системная проблема в увековечении памяти.

Не менее интересная, можно сказать, детективная история связана с дневником партизанского отряда М. Ф. Шмырева. У исследователя она начинается с ознакомления с фондами Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее НПИКМЗ), где находится, как

выяснилось, копия вышеуказанного дневника. В конце документа имеется информация о том, что его рукопись хранится в Витебском краеведческом музее¹.

При обращении в Витебский областной музей Героя Советского Союза М. Ф. Шмырева (что совершенно логично) оказалось, что там находится та же копия, что и в НПИКМЗ, но уже с подписью комиссара бригады Р. В. Шкредо.

На этом история не заканчивается. В ходе аналитической работы с документами вышеупомянутой Комиссии по истории Великой Отечественной войны при ЦК КП(б)Б и СНК БССР в отдельном деле был обнаружен дневник партизанского отряда в печатной версии (печатная машинка с западанием некоторых букв) на школьных тетрадных листах в линейку.

Вернувшись к информации, что рукопись находится в Витебском областном краеведческом музее (далее ВОКМ), удалось поработать с документом, который проходит как «Дневник партизанского отряда М. Ф. Шмырева за июль 1941 – апрель 1942 гг. Написан Голубевым Павлом Николаевичем, начальником штаба отряда. Бумага, рукопись, простой карандаш» [14]. Анализ данного документа позволяет говорить о том, что это и есть оригинал, с которого сделаны копии: одна из них хранится в НАРБ и сделана в период деятельности Комиссии (1942–1945 гг.), другая – в Витебском областном музее Героя Советского Союза М. Ф. Шмырева и третья – в НПИКМЗ (сделанная не с оригинала, а с копии) [15].

Обратимся теперь непосредственно к анализу самого источника.

В статье Ю. Зарецкого «Эго-документы советского времени: термины, историография, методология» [16] внимание обращено на методологию, в рамках которой показана программа Г. Янке по исследованию эго-документов. В частности, она рассматривает «всякий эго-документ в трех пересекающихся контекстах. Первый связан с **фигурой его создателя** (прежде всего социальным статусом и местом в иерархии общественных, политических и экономических отношений). Второй – с **конкретной ситуацией появления и существования эго-документа**. Здесь особенно важны мотивы, которыми руководствовался автор, использовавшиеся им нарративные стратегии, адресат, форма и способы распространения текста. Наконец, третий – это **повод изучения автобиографических** текстов: вопросы, с которыми обращаются к нему исследователи, их понятийный

¹ Название сохранено согласно написанию в документе

аппарат и аналитические приемы» [16, с. 197]. Несмотря на то, что этот алгоритм был применен для изучения документов Нового времени, по мнению Ю. Зарецкого, он может быть использован и для эго-источников советского периода. Хотя нами было указано, что дневники партизанских формирований не являются типичными эго-источниками. Но попробуем применить данный алгоритм к дневнику партизанского отряда М. Ф. Шмырева, полное название которого звучит следующим образом: «Дневник жизни и деятельности партизанского отряда Суражского района под командованием директора картонной фабрики им. Воровского тов. Шмырева Миная Филипповича». Начат 5 июля 1941 г. Окончен 11 апреля 1942 г.

Итак, кто является автором данного документа? Ответ удалось найти, с одной стороны, довольно просто, т. к. перед первой записью указано, что «дневник ведет начальник штаба отряда Голубев П. Н.» [6, л. 1], а с другой – нет, т.к. в оригинале дневника очевидно наличие двух почерков. При изучении биографии автора стало известно, что Павел Николаевич Голубев 1910 г. р., по национальности русский, член ВКП(б), семья проживала в г. Гороховец Владимирской области РСФСР. Также указано, что «по заданию Суражского РККП(б)Б до оккупации немцами района тот начал вести подготовительную работу по созданию баз вооружения для партизанской работы» [17]. С 12 июля 1941 г. в партизанском отряде в должности начальника штаба. Заметим, что дневник начат 5 июля 1941 г., а в ночь с 12 на 13 июля сформированный тремя днями раньше партизанский отряд ушел в лес [6, л. 4]. Таким образом, П. Н. Голубев начал вести дневниковые записи партизанского отряда с начала его нахождения в д. Пудоть, где и располагалась картонная фабрика, из числа рабочих которой был создан отряд в период до 26 декабря 1941 г. Из наградного листа следует, что в этот день начальник штаба «был окружен немцами и схвачен живым. Подвергся нечеловеческим пыткам, но партизан не выдал и 2 января 1942 г. публично казнен чрез повешение в райцентре Сураж Витебской области» [17]. В дневнике об этом не сказано ни одного слова. Последняя запись, сделанная П. Н. Голубевым, датируется 20 ноября 1941 г., а за декабрь дан месячный обзор произошедших событий. Следующая запись от 3 января 1942 г. сообщает о том, что фактически партизанский отряд М. Ф. Шмырева разбит, а 2 февраля создается новый отряд.

Вопрос в другом. Кто продолжил вести дальнейшие дневниковые записи? Можно предположить, что это был комиссар отряда Ричард Владиславович Шкредо (1910 г. р., по национальности в наградных документах 1943 г. поляк [18], а 1945 г. – белорус [19], член ВКП(б)). По крайней мере

в конце дневника под последней записью от 11 апреля 1942 г. стоит его подпись. Учитывая тот факт, что дневник был передан в музей на хранение также им 20 июля 1963 г. [20], можно предположить: он является тем самым автором, который продолжил ведение дневника и сохранил его.

Так или иначе, у дневника партизанского отряда М. Ф. Шмырева два автора (наличие двух разных почерков). Один из них – командир штаба отряда Павел Николаевич Голубев, погибший 2 января 1942 г. Второй – комиссар бригады Ричард Владиславович Шкредо. Он же был фактически правой рукой М. Ф. Шмырева на протяжении всего периода Великой Отечественной войны.

Второй аспект изучения дневника связан с условиями его появления. Безусловно, данный документ создавался явно не для того, чтобы записывать свои эмоции. Он создан с целью фиксации жизни и деятельности отряда (о чем говорит и название): момент создания партизанского отряда, его состав и боевые действия, а также локации, которые периодически менялись. Внимание уделялось и дальнейшим планам партизан и пониманию ими военной обстановки. К примеру, запись от 19 октября 1941 г. сообщает: «Командир принимает решение разбиться на мелкие группы 10–15 чел. ...В целях сохранения живой силы отряда – было дано указание разойтись... в глубины лесов, обзавестись продуктами на всю зиму и, не показывая следа по зимней ступе, – сидеть до прихода частей Красной Армии» [6, л. 126].

Таким образом, дневник создавался в условиях начала развертывания партизанского движения на территории Беларуси летом 1941 г. для того, чтобы фиксировать основные моменты функционирования партизанского отряда вплоть до реформирования его в партизанскую бригаду.

Третий аспект, обозначенный в программе Г. Янке: с какими вопросами обращаются исследователи к эго-источнику? На этот вопрос, в принципе, ответ дан в начале статьи – исследование проводится с целью увековечения памяти погибших советских партизан. При этом возникает много сопутствующих моментов. К примеру, в трех копиях дневника и в оригинале нас заинтересовала запись от 12 ноября 1941 г. (цитируем по копии НАРБ): «С утра восстановился легкий мороз. В Тимохах получили сведения, что старшая дочь ШМЫРЕВА 14 лет подвергается пыткам, ей выкручивали руки, изверги – как дикие звери, расправляются с малолетними детьми» [6, л. 31].

Всем известна история семьи Миная Филипповича Шмырева, ставшая трагедией всей его жизни [21]. Известно, что дети вместе с родными М. Ф. Шмырева были расстреляны 14 февраля 1942 г. Около четырех меся-

цев они были заложниками. Но в дневниковых записях отряда этому посвящена одна от 12 ноября 1941 г. Далее фиксируется запись от 10 февраля, затем следует 20 февраля 1942 г. Какие чувства были у партизанского командира – знает только он. Но очевидно, что эти дни нелегко дались и всему партизанскому отряду. При сравнительном анализе копий и оригинала автору статьи бросилась в глаза одна фраза в конце записи от 12 ноября 1941 г.: «Страшная весть» [14], которой нет в оригинале и копии, хранящейся в НАРБ. Из этого следует, что она появилась уже в послевоенное время. Кто и с какой целью это сделал? Вопрос открытый. Можно предположить, что это дело рук самого Р. В. Шкрето как автора второй половины дневника оригинала и как автора копии, который при ее создании осмысливал ситуацию, проявив в данной фразе свое отношение к случившемуся.

Вернемся к нашей цели – выявление имен погибших советских партизан отряда М. Ф. Шмырева и увековечение их памяти. Так, при внимательном изучении дневниковых записей оригинала и его копий была найдена одна запись за 12 октября 1941 г. «**Похоронили** вчера убитых немцами тов. **Вайтушко**, Боберева, Пономарева <...>» [14]. Соответственно, в копии НАРБ записано в следующей редакции: «**Хоронили** вчера убитых немцами **товарищей Вайтышко**, Боберева, Пономарева <...>» [6, л. 25]. Очевидно, что при перепечатке информации создателем копии были совершены ошибки, которые влияют на результат поиска и, соответственно, на процесс увековечения памяти погибших советских партизан. По предварительным данным, к сожалению, все три фамилии (в предложенных вариациях написания) не числятся ни в одной поисковой системе², связанной как с фиксацией первичного места захоронения, так и с увековечением памяти на современном этапе. Не имеется данных и среди документов группы потерь отдела кадров Белорусского штаба партизанского движения [23; 24; 25]. Имена сохранены только в дневниковых записях. Вопрос требует своей проработки.

Обобщая материал, можно говорить о том, что дневниковые записи советских партизанских формирований, безусловно, являются ценнейшим источником для увековечения памяти погибших. При этом дневник, как и любой другой источник, требует своей фактологической и текстовой верификации. Пример изучения дневника партизанского отряда М. Ф. Шмырева показывает, что даже неопубликованные оригинальные дневниковые материалы в период военных действий при создании копии могли подвергаться своей корректировке.

² Автоматизированный банк данных «Книга памяти» Республики Беларусь, ОБД «Мемориал», база данных «Партизаны Беларуси».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Старышкина, А. А.* Эго-документы как источник для изучения картины мира русских журналисток конца XIX – начала XX в. / А. А. Старышкина // Исторический курьер. – 2019. – № 2 (4). – Статья 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-13.pdf>. – Дата доступа: 13.11.2022.
2. *Дневник* // Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=дневник&from=ru&to=xx&did=ogegova&stypе>. – Дата доступа: 13.11.2022.
3. *Зарецкий, Ю.* «Свидетельства о себе “маленьких” людей: новые исследования голландских историков» / Ю. Зарецкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://visantrop.rsu.ru/article.html?id=1167089>. – Дата доступа: 13.11.2022.
4. Витебский областной краеведческий музей. КП-14260.
5. *Прудников, М. С.* Неуловимые / М. С. Прудников. – М.: Воениздат, 1961.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 750п. Оп. 1. Д. 129.
7. Дневники партизана Анатолия Дзяковича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/61410.html>. – Дата доступа: 20.11.2022.
8. *Дзякович, А. Н.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/94675>. – Дата доступа: 20.11.2022.
9. НАРБ. – Ф. 1403. Оп. 1. Д. 226. Л. 15.
10. Аттестационный лист Лученовского Д. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/212406/>. – Дата доступа: 20.11.2022.
11. Автоматизированный банк данных «Книга памяти» Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mil.by/base/>. – Дата обращения: 20.11.2022.
12. Памяць. Гіст.-дакум. хроніка Верхнядзвінскага раёна: у 2 кн. Кн. 2-я. – Мінск : «Паліграффармленне», 2000. – С. 51.
13. Паспорт братской могилы № 4077 // Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь.
14. Витебский областной краеведческий музей. КП-14260.
15. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. Фонды Музея боевой славы.
16. *Зарецкий, Ю.* Эго-документы советского времени: термины, историография, методология / Ю. Зарецкий // Неприкосновенный запас. – 2021. – № 03 (137). – С. 184–199.

17. Наградной лист на Голубева П. Н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/104477/>. – Дата доступа: 20.11.2022.
18. Наградной лист на Шкредо Р. В. на получение медали «Партизану Отечественной войны 1-й степени» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/30359/>. – Дата доступа: 20.11.2022.
19. Наградной лист на Шкредо Р. В. на получение ордена Ленина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/30359/>. – Дата доступа: 20.11.2022
20. Акт передачи № 1600 от 20.07.1963 г. // Витебский областной краеведческий музей.
21. *Бегунова, Е.* Побывали в партизанском краю, где не забыли страшную историю расстрела детей легендарного комбрига – батьки Миная / Е. Бегунова // Рэспубліка. – 8 мая 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/esli-nas-ubyut-ty-za-nas-otomstish.html>. – Дата доступа: 20.11.2022.
22. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. Фонды Музея боевой славы.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 6. Д. 293.
24. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 6. Д. 295.
25. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 6. Д. 296.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ г. САКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. А. Иванов

Аннотация: В статье рассматриваются и вводятся в научный оборот уникальные источники из архивных и фондовых хранилищ архивного отдела (муниципального архива) администрации г. Саки, а также городского Музея краеведения и истории грязелечения. Благодаря этим источникам выявляются новые подробности борьбы антифашистской подпольной организации г. Саки в период Великой Отечественной войны: структура, численный состав, боевые операции патриотов против гитлеровских захватчиков, причины провала и разгрома сакских антифашистов. Новые документы позволили автору не только детально изучить нацистский оккупационный режим в г. Саки с позиции современной отечественной историографии Великой Отечественной войны, но и выяснить обстоятельства, при которых формировалась и функционировала Сакская подпольная организация. Кроме того, с помощью вводимых в научный оборот источников впервые раскрываются имена пособников нацистских оккупантов, предавших сакских антифашистов.

Ключевые слова: город Саки; воспоминания; Великая Отечественная война; подпольная организация; антифашисты; Валентин Вячеславович Камлер; архивный отдел администрации города Саки; музей краеведения и истории грязелечения города Саки.

MEMOIRS OF MEMBERS OF THE UNDERGROUND ORGANIZATION IN SAKI AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation: In the article, unique sources from archival and stock repositories of the archival department (municipal archive) of the administration of the city of Saki and the Museum of Local Lore and History of Mud Treatment of the city of Saki are considered and introduced into scientific circulation. Thanks to these sources, new details of the struggle of the anti-fascist underground organization in Saki during the Great Patriotic War are revealed: the structure, strength, military operations of patriots against the Nazi invaders, the reasons for the failure and defeat of the Saka anti-fascists. The new documents allowed the author not to study in detail the Nazi occupation regime in the city of Saki, from the standpoint of modern Russian historiography of the Great Patriotic

War, but to find out the circumstances under which the Saki underground organization was formed and functioned. In addition, with the help of sources introduced into scientific circulation, for the first time, the names of accomplices of the Nazi occupiers who betrayed the Saka anti-fascists are revealed.

Keywords: city of Saki; memories; The Great Patriotic War; underground organization; anti-fascists; Valentin Vyacheslavovich Kamler; archival department of the administration of the city of Saki; museum of local lore and history of mud treatment of the city of Saki.

Жанр воспоминаний является важным историческим источником, отражающим понимание автором произошедшей действительности и его историческое самосознание, опирающиеся на его политические взгляды и отражающие политическую позицию. Уникальность этого вида источника заключается в том, что именно благодаря ему исследователям, занимающимся проблемами изучения движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, удастся буквально по крупицам воссоздать важные аспекты подпольной работы, провести оценку ее результатов. Воспоминания также позволяют реконструировать практически шаг за шагом события антифашистской борьбы (*так как подпольщики, в отличие от партизан, не вели почти никакой документации, соблюдая конспирацию.* – В. И.), помогают читателю создать психологический портрет как подпольщиков, так и противостоящих им нацистов и их сателлитов.

При этом важно не путать воспоминания с мемуарами. Главное отличие воспоминаний от мемуаров состоит в том, что первые, не известные широкому кругу читателей, хранятся, как правило, в архивах, фондах музеев или в личных коллекциях и редко публикуются; вторые же известны значительной части общественности, довольно часто издаются, благодаря чему у исследователей есть возможность тщательного изучения текста. Общее же между двумя жанрами состоит в том, что они выполняют социальную (познавательную-информационную и публицистическую) функции.

Одним из таких уникальных источников являются неопубликованные материалы из фондов Архивного отдела (муниципального архива) Администрации г. Саки и фондов Музея краеведения и грязелечения г. Саки. Эти документы проливают свет на историю создания, функционирования и участия в антифашистской борьбе местной подпольно-патриотической организации. В отечественной историографии вопрос о деятельности Сакской подпольной организации подробно не поднимался. Интересные научные

открытия принадлежат перу сакчан-краеведов, в первую очередь, занимающихся историей Сакского курорта, – В. Бартошина [1, с. 4], Л. Лосевой [2, с. 4]; [3, с. 4]; [4, с. 4], А. Коссовской [5, с. 3]; [6, с. 4]; [7, с. 3], А. Юрьева [8, с. 2], И. Лейберова и С. Кучинского [9, с. 4], Н. Новикова [10, с. 3], Г. Светловой [11, с. 2], Л. Степановой [12, с. 3]. Ответ на вопрос, почему так сложилось, на наш взгляд, состоит в нижеперечисленном:

- проблема изучения подпольного движения до 1991 г. была закрытой для большинства исследователей: доступ был только у партийной номенклатуры и сотрудников ведомственных служб;

- после распада Советского Союза Крым оказался в составе Украины, у крымских историков изменились приоритеты и говорить стали больше о трагедии войны, а не о ее жертвенности, как это было в советскую эпоху;

- украинская национальная историография, пришедшая на смену отечественной историографии Второй мировой войны, стремилась уравнивать нацистский и советский политические режимы, ставя их в один ряд, что полностью противоречило исторической правде. В свою очередь это дало почву для создания различных исторических фальсификаций и манипуляций, которыми так грешила украинская национальная историография. Естественно, подпольщики, как активная часть советского движения Сопротивления, попадали под этот критерий, и поэтому интерес к их изучению, несмотря на открытость архивов Украины, был весьма незначительный.

Цель статьи – посредством анализа воспоминаний участников Сакской подпольно-патриотической организации выявить наиболее важные тексты с точки зрения ретроспективного фактологического материала для восполнения недостающих сведений о борьбе жителей г. Саки против немецко-румынских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Реализация цели предполагает выполнение следующих задач: проанализировать воспоминания сакских патриотов, выявив при этом корпус значимых ценных с точки зрения фактологии текстов для анализа проблемы антифашистской борьбы в г. Саки; рассмотреть конкретные эпизоды подпольно-патриотической борьбы на основе воспоминаний, включающие в себя создание, функционирование и участие в антигитлеровском Сопротивлении жителей г. Саки.

Методы, которые использовал автор в настоящей статье, для анализа воспоминаний подпольщиков г. Саки: конкретно-исторический – рассматривать воспоминания как ретроспективную фактографическую информацию – и историко-типологический – как ретроспективную (выраженную), так и синхронную (косвенную, ненамеренную) информацию, что позволяет характеризовать не только самого автора, но и окружавшую его обстановку.

Анализ мемуарных источников из фондов Архивного отдела (муниципального архива) г. Саки и городского Музея краеведения и истории грязелечения позволил нам выделить три основных уникальных документа:

1. Воспоминания руководителя одной из подпольных групп Кузьмы Григорьевича Петриченко.

2. Воспоминания Софьи Павловны Трещевой – участницы Сакской подпольно-патриотической организации.

3. Отчет о деятельности Сакских подпольщиков.

Почти все перечисленные документы 1 и 3 группы хранятся в находящихся в Архивном деле (муниципальном архиве) г. Саки (ф. 27, оп. 1, д. 7) и представляют собой коллекции документов подпольно-патриотического движения в г. Саки и Сакском районе, собранные бывшей подпольщицей и партизанкой Н. И. Петровой. Источники, представленные в группе 2, хранятся в фондах Музея краеведения и истории грязелечения г. Саки.

Первый фактографический источник, представленный в настоящей статье, это **воспоминания** руководителя одной из подпольных групп г. Саки **Кузьмы Григорьевича Петриченко**, записанные в 1971 г. Такая же машинописная копия хранится в фондах Музея краеведения и истории грязелечения г. Саки. Как сотрудники горархива, так и сотрудники краеведческого музея г. Саки в общении с автором статьи утверждают, что заинтересованности в ее публикации у общественности не было и потому рукопись никогда нигде и никем не была опубликована.

В воспоминаниях К. Г. Петриченко содержатся важные материалы, раскрывающие следующие аспекты борьбы Сакской подпольной организации, включающие в себя:

– детские, юношеские годы К. Г. Петриченко, его уход добровольцем в Красную Армию (*несмотря на бронь, как преподавателя физической культуры в Крымском мединституте – В. И.*), боевые действия осенью 1941 г. на территории Крыма и попадание в немецкий плен [14, л. 1–5];

– обстоятельства пребывания в немецком плену, заключение в лагерях смерти на территории оккупированного Крыма (г. Симферополь (дулаг № 241 или «Картофельный городок»), Красногвардейский район («Трех Аблам»), Джанкой (Джанкойский лагерь для военнопленных), побег и прибытие в г. Саки для организации подпольной борьбы;

– создание в г. Саки собственной подпольной антифашистской группы [14, л. 6–7]. Первые акты саботажа, ведение диверсионно-подрывной работы, вовлечение новых членов группы в ряды антифашистской организации;

- поиск контактов для установления связей с партизанами, проведение операций по спасению советских военнопленных из нацистской неволи;
- разведывательные миссии подпольщиков (в частности, круглосуточное наблюдение за перемещением немецко-румынских войск);
- агитационно-пропагандистская деятельность среди жителей г. Саки и словацких военнослужащих т. н. «Рыхлой» («Быстрой») дивизии, с целью усиления в ней антигитлеровских настроений;
- установление контактов с В. В. Камлером и попытка создания объединений подпольной организации, закончившаяся провалом: предатели П. П. Афанасьев и И. Шилов раскрыли деятельность сакских патриотов, вследствие чего В. В. Камлер и ряд его соратников были схвачены и расстреляны в гестапо г. Евпатория 4 декабря 1943 г.;
- дальнейшая судьба К. Г. Петриченко после провала Сакской подпольной организации, стремление найти крымских партизан с намерением присоединиться к ним, избежание ареста и пребывание в Саках на нелегальном положении вплоть до освобождения курорта частями Красной Армии в апреле 1944 г.

Важность представленной информации заключается в том, что она не только отражает жизненную позицию К. Г. Петриченко, но и позволяет соотнести ее с общенациональными интересами – т. е. показывает антифашистские настроения сакчан и их стремление вести тайную подпольную борьбу против врага любыми средствами: с помощью диверсий, саботажа, пропагандистской работы.

Другой представленный вниманию источник – это переданные в начале 2000-х гг. в Музей краеведения и истории грязелечения г. Саки Валерием Трещевым *воспоминания* своей матери, **Софьи Павловны Трещевой**, активной участницы подпольной организации В. В. Камлера. Этот материал представляет собой набранный на четырех листах формата А4 текст. В них содержится весьма ценная информация, повествующая о следующих деталях, связанных с деятельностью сакского подполья:

- в первую очередь рассказ С. П. Трещевой посвящен тому, каким образом ее сестра Климентина Рутковская была привлечена к подпольной работе организации В. В. Камлера, а позже завербовала и первую в качестве подпольщицы;
- как в качестве члена подпольной организации сестра С. П. Трещевой К. П. Рутковская оказывала помощь бежавшим из Михайловского концлагеря советским военнопленным (*сам лагерь размещался в 3 км от г. Саки – В. И.*). Как участница подпольной организации она пекла для бежавших из

немецкой неволи красноармейцев хлеб и укрывала их на чердаке своего дома. Ночью патриоты-сакчане вывозили бежавших в Кутурские каменоломни, а оттуда переправляли в крымские леса – для усиления партизан Крыма;

– о том, как К. П. Рутковская, В. В. Камлер и Д. Хаджиев уговорили коменданта ВИКО взять на должность машинистки С. П. Трещеву. Немецким языком С. П. Трещева владела поначалу плохо, говорила весьма неважно. Однако настойчивость и упорство взяли свое, и вскоре она активно включилась в работу по оказанию помощи антифашистам г. Саки. Пользуясь своим статусом как машинистки комендатуры ВИКО, она набирала на печатной машинке сводки и другие материалы по указанию коменданта в качестве прикрытия, а для нужд подполья – справки бежавшим из нацистского заточения советским военнопленным для свободного передвижения по Крыму. Используя ключ, изготовленный с помощью слепка, от ящика, где лежали печати ВИКО г. Саки, С. П. Трещева мастерски подделывала документы, которые были в обороте в комендатуре. Кроме того, она изготавливала фальшивые накладные, по которым жителям города выдавались продуктовые пайки;

– последние страницы воспоминаний С. П. Трещевой раскрывают причины провала подпольной организации В. В. Камлера. Весьма подробно описывается, каким образом С. П. Трещевой удалось спастись от расстрела. Рассказывается и то, что ее сестра Климентина, Цезарь Рутковский (родственник), В. В. Камлер и другие патриоты были расстреляны гитлеровцами 4 декабря 1943 г. в г. Евпатория.

Сведения, почерпнутые в воспоминаниях С. П. Трещевой, позволяют нам соотнести ее антифашистскую позицию с позицией жителей г. Саки, не смирившихся с гитлеровской оккупацией и всяческими силами стремившихся к борьбе с ней, причем, следует отметить, не силой оружия, а силой слова и мысли.

И, наконец, собственно говоря, последний рассматриваемый нами документ – это детальный и весьма *подробный отчет о деятельности Сакских подпольщиков*. Этот текст носит название «Подпольно-патриотическое движение на территории п. Саки и Сакского района в годы Великой Отечественной войны» [16]. Напечатан документ машинописью на 51 листе. Согласно этому уникальному источнику, подпольная организация г. Саки была создана в 1942 г. и сначала состояла из двух групп. Первую возглавлял Валентин Вячеславович Камлер, вторую – Кузьма Григорьевич Петриченко. Главные задачи сакских антифашистов в борьбе против гитлеровских оккупантов состояли, согласно отчету, в следующем:

- нанесение существенного вреда нацистским оккупантам путем организации диверсий и саботажа;
- оказание помощи бывшим советским военнопленным, находящимся в концлагере в с. Михайловка;
- агитационно-пропагандистская работа среди местного населения и словацких военнослужащих «Рыхлой» дивизии;
- сбор оружия и боеприпасов, стремление установить связи с крымскими партизанами;
- причины раскрытия и ликвидации Сакской подпольной организации нацистскими спецслужбами, карательные операции гитлеровских захватчиков в г. Саки и Сакском районе после провала подпольной организации В. В. Камлера. В отчете также называются имена предателей, которые помогли гитлеровцам раскрыть и уничтожить сакских антифашистов, и говорится о суровой каре, что постигла провокаторов после освобождения г. Саки частями Красной Армии в апреле 1944 г. [16]

Этот источник не только дополняет сведения, полученные от К. Г. Петриченко и С. П. Трещевой, но и в значительной мере расширяет наше представление о повседневности жителей г. Саки в период нацистской оккупации. Как видим, не все советские граждане, оказавшиеся под гитлеровской пятой, демонстрировали всевозможное сопротивление врагу: были и те, кто стал ярким коллаборационистом и в силу различных причин помогал захватчикам. Эти данные вплоть до сегодняшнего дня не были доступны широкой общественности. Публикация же таких материалов позволит внести соответствующие коррективы в изучение событий Великой Отечественной войны на территории Крыма.

Напоследок пару строк хочется сказать о сохранении исторической памяти о подпольщиках г. Саки. Еще в 1986 г. благодаря ходатайству кружка юных следопытов, возглавляемых Л. И. Лосевой [17, с. 3], в Саках появились улицы, названные именами подпольщиков-комсомольцев Виктора Галушкина, Сергея Кулиды и Вениамина Ковалева. В 1986 г. одна из улиц получила имя Ивановой, в честь бывшей сотрудницы сакского курорта, связной подпольной организации К. Г. Петриченко – Ксении Ивановой [7, с. 3]. Вместе со своим супругом Федором она снабжала подпольщиков разведданными, продуктами, одеждой. Супруги Ивановы были выданы предателем и расстреляны в декабре 1943 г. [7, с. 3]. Также следует отметить, что в доме № 3 по Евпаторийскому шоссе в 1984 г. была установлена мемориальная доска, так как в годы Великой Отечественной войны там находилась явочная квартира подпольной организации В. В. Камлера [12, с. 3].

Таким образом, в настоящей статье нами были проанализированы неопубликованные воспоминания из архивных и музейных фондов г. Саки, посвященные деятельности подпольной организации курорта-грязелечебницы. В результате исследования выяснено, что благодаря воспоминаниям участников Сакского подполья исследователи могут реконструировать процессы становления, формирования и участия жителей г. Саки в антифашистской борьбе периода нацистской оккупации. Эти документы дают возможность более глубокого анализа действий преступного нацистского режима. Воспоминания позволяют получить ответ на многие дискуссионные вопросы, недостаточно освещенные в отечественной историографии. Определенный субъективизм авторов воспоминаний, на наш взгляд, наоборот повышает ценность последних как исторических источников, поскольку он дает возможность рассмотреть значительно более широкий спектр вопросов, чем это представлено в актуальной информации.

Эксклюзивность подобных материалов еще и в том, что по состоянию на сегодня Сакской подпольной организацией обстоятельно никто из отечественных исследователей не занимался. Однако, возможно, в этом и исключительность данной научной проблемы: воссоединение Крыма с Российской Федерацией дает ученым возможность всесторонне и более основательно изучить этот вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартошин, В.* Операция в подземелье / В. Бартошин // Красное знамя. – 1965. – 9 мая. – № 55 (513). – С. 4.
2. *Лосева, Л.* В дни суровых испытаний. Некоторые подробности о деятельности патриотов / Л. Лосева // Красное знамя. – 1963. – 3 декабря. – № 154 (292). – С. 4.
3. *Лосева, Л.* В дни испытаний / Л. Лосева // Красное знамя. – 1965. – 2 марта. – № 26 (484). – С. 4.
4. *Лосева, Л.* Партизанскими тропами. К 20-летию Великой Победы / Л. Лосева // Красное знамя. – 1965. – 18 марта. – № 33 (491). – С. 4.
5. *Косовская, А.* По велению сердца / А. Косовская // Красное знамя. – 1964. – 11 апреля. – № 44 (347). – С. 3.
6. *Косовская, А.* Друзья встречаются вновь / А. Косовская // Красное знамя. – 1965. – 13 мая. – № 57 (515). – С. 4.
7. *Косовская, А.* Именами героев. Навечно в памяти народной / А. Косовская // Красное знамя. – 1986. – 9 мая. – № 74 (7039). – С. 3.

8. *Косовская, А.* Листая страницы истории. ...От меча и погибнет / А. Косовская, А. Юрьев // Красное знамя. 1989. – 9 мая. – № 74 (8321). – С. 2.
9. *Лейберов, И.* Умирают героями / И. Лейберов, С. Кучинский // Красное знамя. 1977. – № 91 (5208). – 28 июля. – Ч. 4. – С. 4.
10. *Новиков, Н.* На темы морали. Мать / Н. Новиков // Курортная газета. – 1971. – 3 сентября. – № 175 (7644). – С. 3.
11. *Светлова, Г.* Ценой жизни. Никто не забыт, ничто не забыто / Г. Светлова // Красное знамя. – 1990. – 4 декабря. – № 192 (8447). – С. 2.
12. *Степанова, Л.* Документы рассказывают. По материалам фонда городского горархива / Л. Степанова // Красное знамя. – 1984. – 13 апреля. – № 59 (6609). – С. 3.
14. Архивный отдел (муниципальный архив) администрации города Саки Республики Крым (далее АО АГС). 1. Фонд 27. – Оп. 1. – Д. 7. Воспоминания организатора и руководителя подпольно-патриотической группы Петриченко К. Г. 1971 г.
15. Фонды МБУ «Музея краеведения и истории грязелечения» г. Саки Республики Крым. Фонд 1. «Документы. Фотографии». – Д. 6. Участники Сакского подполья. Воспоминания Трещевой (Ровинской) Софьи Павловны. Без даты.
16. АО АГС. 2. Фонд 27. – Оп. 1. – Д. 1. Подпольно-патриотическое движение на территории п. Саки и Сакского района в годы Великой Отечественной войны (Отчет подпольщиков. Машинопись). 1942–1944 гг.
17. *Лосева, Л.* Ты же мой друг, газета! / Л. Лосева // Красное знамя. – 1985. – 26 января. – № 16 (6774). – С. 3.

**СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕЕ УЧАСТНИКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАРОДНОГО МУЗЕЯ БОЕВОЙ СЛАВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
«СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 2 ИМ. Е. А. ТРАПЕЗНИКОВОЙ
г. НОВОПОЛОЦКА»)**

К. А. Антонова

Аннотация. Воспоминания фронтовиков и партизан в настоящем исследовании рассматриваются как сложившийся региональный комплекс источников и, соответственно, как историко-культурное явление. Выявлена роль воспоминаний воинов Красной армии и партизан о Великой Отечественной войне, их место в формировании общей картины войны, их влияние на создание системы ценностей и идеалов, особенностей исторического сознания и каналов формирования исторического образа Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Партизанская бригада «Неуловимые»; «Красные следопыты»; Полоцк, Народный музей боевой славы.

EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MEMORIES OF ITS PARTICIPANTS (BASED ON THE MATERIALS OF THE NATIONAL MUSEUM OF MILITARY GLORY OF THE STATE EDUCATIONAL INSTITUTION «SECONDARY SCHOOL NO. 2 NAMED AFTER E. A. TRAPEZNIKOVA, NOVOPOLOTSK»)

Abstract: In this study, the memoirs of front-line soldiers and partisans are considered as an established regional complex of sources and, accordingly, as a historical and cultural phenomenon. The paper reveals the content and dynamics of the ideas of spacecraft soldiers and partisans about the Great Patriotic War, their place and role in shaping the overall picture of the war, their influence on the creation of a system of values and ideals, features of historical consciousness and channels for forming the historical image of the Great Patriotic War.

Keywords: Partisan brigade «Neulovimyye»; «Red Pathfinders»; Polotsk; National Museum of Military Glory.

Великая Отечественная война – самая масштабная и ожесточенная битва советского народа против немецко-фашистских захватчиков. В этой войне Беларусь потеряла каждого третьего гражданина. Война отразилась на судьбе

как всей страны, так и каждой семьи в отдельности. Она разделила жизнь на периоды «до» и «после», став важным событием личной биографии.

Осмысление событий войны на основе воспоминаний ветеранов, с одной стороны, и свидетельства о боях на этой территории, с другой – позволяют детализировать события, одновременно расширяя глобальную картину войны.

Письма, дневники, листовки времен Великой Отечественной войны, посмертные записки, солдатские треугольники, фотографии, мемуары, вырезки из газет, собранные воедино, воссоздают страницы недавнего героического прошлого, ставшего историей. Эта история всегда остается живой в народной памяти.

В Народном музее боевой славы государственного учреждения образования «Средняя школа № 2 им. Е. А. Трапезниковой г. Новополоцка» хранится около тысячи анкет, писем с воспоминаниями, фотографии, которые на протяжении нескольких десятилетий собирались учениками поисковой группы «Красные следопыты».

В канун 40-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. «Красными следопытами» была разработана анкета, предназначенная для заполнения солдатами, выжившими при освобождении г. Полоцка летом 1944 г. Школьники разослали анкету по всему Советскому Союзу, а также странам ближнего зарубежья.

Ответы были присланы в 1985 и 1986 гг. Общее их количество – 271. Исходя из имеющихся заполненных анкет, можно выявить:

- национальный состав: русский – 173 человека, украинец – 42, белорус – 16, еврей – 6, казах – 4, татарин – 4, армянин – 3, мордвин – 2, немец – 1, поляк – 1, грузин – 1, коми – 1, башкир – 1;

- возраст (по дате рождения): 1895 г. – 1 человек, 1899 – 2, 1904 – 3, 1906 – 4, 1907 – 6, 1908 – 1, 1909 – 2, 1910 – 5, 1911 – 4, 1912 – 5, 1913 – 4, 1914 – 7, 1915 – 8, 1916 – 5, 1917 – 3, 1918 – 26, 1919 – 12, 1920 – 13, 1921 – 17, 1922 – 37, 1923 – 39, 1924 – 32, 1925 – 25, 1926 – 10, 1927 – 1, 1928 – 2, 1930 – 1. Исходя из приведенных данных, самому старшему участнику освобождения города Полоцка было 45 лет, а самому младшему – 14 лет. Большинство участников к лету 1944 г. имело возраст 20–21 год;

- места службы респондентов: 67-я гвардейская Витебская Краснознаменная стрелковая дивизия; 51-я ордена Ленина, ордена Суворова стрелковая дивизия; 71-я гвардейская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия; 51-я гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия; 47-я ордена Ленина, ордена Суворова II степени стрелковая дивизия.

Среди тем, часто затрагиваемых ветеранами в разделе анкеты «Краткое описание наиболее памятных эпизодов периода Великой Отечественной войны, перечень военных операций, в которых участвовал», можно выделить следующие:

- 1) «Описание боя»;
- 2) «Фронтная повседневность»;
- 3) «Осмысление подвига»;
- 4) «Коммунистическая партия»;
- 5) «Награждение»;
- 6) «Ранение».

Так как в самой формулировке есть вопрос о военных операциях, в которых участвовал боец, то данный аспект раскрыт более полно и подробно. Примечательно, что большинство ветеранов упоминают свое участие в самых значимых сражениях Великой Отечественной войны, среди которых Московская (1941–1942 гг.), Сталинградская (1942–1943 гг.), Курская битвы (1943 г.), Белорусская операция (1944 г.). Одну из последних стратегических операций советских войск на европейском театре военных действий – Берлинскую (16 апреля – 8 мая 1945 г.) – назвали около 8 % респондентов.

Если данные о крупных операциях в списке перечисляемых идут первыми, то подробности часто не описываются. Так, Михаил Мифодьевич Чумаков (ветеран 67 гв. с/д, с. Спасское, Оренбургской области) называет следующие операции, в которых он принимал участие: оборона Киева, Сталинградская битва, Курская дуга, освобождение Белоруссии, освобождение Прибалтики.

Схожие перечисления дают Иван Васильевич Шевченко (ветеран 67 гв. с/д, г. Белгород): Сталинградская операция, Курская дуга, операция «Багратион» по освобождению Белоруссии и Прибалтики, разгром Курляндской группировки немецко-фашистских войск; Василий Александрович Шепетов (ветеран 67 гв. с/д, г. Батуми): Кавказский фронт – битва за Кавказ (1942 г.), Калининский фронт, Белорусская операция «Багратион», разгром и ликвидация Прибалтийской группировки немецких войск в Литве и Латвии; Ншан Очалесович Карапетян (47 с/д, г. Ереван): с начала войны участвовал в боях на Юго-Западном фронте, на Сталинградском фронте, на Калининском, затем на Первом Прибалтийском фронте – и многие другие.

Благодаря такой выборке информации сохранился пласт воспоминаний о защите и обороне деревень, сел и городов, которые не так растиражированы в научно-исследовательской и мемуарной литературе. Для многих

воинов Красной Армии запоминающимся был момент боев за малую родину. Мария Яковлевна Беседина, медсестра 51 гв. с/д, писала, что она принимала участие в военной операции на Курской дуге с первого до последнего дня. Много населенных пунктов встречалось на ее пути. Но ей показалось, что под родным Белгородом происходило самое страшное, т. к. было много раненых и рядом страдали родные и близкие [1].

Василий Сергеевич Гусев, ветеран 47 с/д из г. Ульяновск, отмечал: «Вели успешные бои за Великие Луки – окружили их и уничтожили фашистскую группировку – эти бои подробно описал Борис Полевой, тот самый, что написал «Повесть о настоящем человеке». Не вспомню, как называется произведение о Великих Луках» [2].

Благодаря личным переживаниям ветеранов, в архиве Народного музея боевой славы имеются воспоминания о боях под Прохоровкой, Курском, Ржевом, Себежем, Невелем, на Калининской земле и на Псковщине, об освобождении Витебской области, Украины, городов Латвии, Литвы, Курляндии, Калининграда и многих других.

В своих воспоминаниях участники Великой Отечественной войны в очередной раз осмысливают свой вклад в Победу, значение своего подвига в контексте событий. Практически каждый ветеран помнит дату и место своего награждения, а предшествующие события – в подробностях. При этом респонденты отмечают, что без друзей и боевых товарищей им бы было не справиться.

О героизме, проявленном в боях, пишет ветеран 47 с/д Семен Прокофьевич Гулин: «В упорном бою за освобождение ж. д. станции и поселка Оболь великий подвиг совершил комсорг стрелкового батальона, лейтенант Зуев Алексей, который под сильным огнем противника первым поднялся в атаку и увлек за собой батальон, первым ворвался во вражескую траншею и уничтожил 17 гитлеровцев, пулемет, миномет противника вместе с их расчетами. За это и другие боевые действия Алексей Зуев был удостоен звания Героя Советского Союза, а дивизия была награждена за указанную операцию и освобождение Витебска орденом Ленина. Многими бойцами был проявлен подобный героизм» [3].

Отдельной строкой хотелось бы отметить воспоминания об обороне города Полоцка. Алексей Петрович Ветчинкин, ветеран 67 гв. с/д из Курска, вспоминал: «Отбив танковую атаку противника, полк перешел в наступление и занял оборону на дальней окраине Полоцка.

Под утро 1-й батальон стал двигаться вперед в сторону противника. Шли мы осторожно по земле, на которой еще вчера хозяйничал враг. Шел

и я с ручным пулеметом. Редкий туман позволил батальону незаметно подойти почти вплотную к вражеским траншеям. Солдаты залегли. Наша артиллерия открыла огонь по обороне врага. Бойцы ринулись вперед и ворвались в траншеи врага. Во время рукопашной я заметил: раненый командир роты упал на землю. Я подбежал к нему, взвалил раненого к себе на спину и отнес в безопасное место и вернулся к товарищам. Враг был выбит из траншеи и отступил. Подвиг мой был по достоинству оценен. Меня наградили орденом Славы III степени» [4].

Воспоминания указанных выше авторов содержат богатый материал для характеристик боевых путей частей, где они служили. Вкупе материалы многих очевидцев представляют гораздо большую источниковедческую ценность, чем взятые в отдельности, так как описываемые в них факты и явления предстали перед исследователем в объемном, многоплановом и беспристрастном освещении.

Многие анкеты содержат теплые и трогательные воспоминания и о встречах с мирными жителями.

Павел Федорович Безбородов, ветеран 47 с/д из г. Курган, вспоминал, как во время операции «Багратион» «...взяли к себе в роту разведчика Володю, ему было лет 12. Затем отправляем его — в Суворовское училище (1944г). Был у нас и дядя Миша. Это местный житель (из с. Козловки на берегу р. Дрисса). Он был постарше нас, потому мы его звали «дядя», был у него всего один глаз. Но очень умный и толковый человек. Он ходил с нами в операциях по захвату «языков» и награжден орденом Красной Звезды. Случай исключительный, когда гражданский человек награждался военным орденом «За боевые заслуги» [5].

Василий Германович Яковенко, ветеран 47 с/д из Кировоградской области, вспоминает форсирование р. Оболь и такую встречу с местными жителями: «При взятии т. у. ст. Оболь мы прочесывали населенный пункт, было это где-то в последних числах июня (точно не помню). С одного из этих домов вышла семья: женщина, мужчина и мальчик 3–4-х лет, который спросил: «Папа, это русские, теперь мне можно играть на улице?» Мы ответили, что мы русские, и только солнышко подымится, выходи и играйся себе весело и спокойно (мы вступили в этот населенный [пункт – К. А.] ранним утром). Хотелось бы увидеть этого мальчика спустя 40 лет». И после заполнения анкеты, на последних строчках В. Г. Яковенко оставил такую запись: «P. S. Разговор с мальчиком описал кратко потому, что в его детской головке, при встрече с русскими солдатами, родилась умная и ясная мысль о том, что с приходом русских он будет играть на улице весело и задорно

со своими друзьями. Да, русский солдат приносил не только освобождение нашему народу, но вместе с тем и веселую игру детям. Пусть всегда будет Мир и Счастье!» [6].

Таким образом, анкеты являются специфической формой передачи индивидуального опыта авторов, их наблюдений, переживаний, и вместе с тем это своеобразный отчет перед современниками и потомками. Представленные воспоминания отразили многие переломные моменты войны, ее будни через призму простого человека, попавшего в чрезвычайную ситуацию.

Нередко эти свидетельства изобилуют грамматическими и стилистическими ошибками, в них содержатся описания отдельных боевых эпизодов, часто в памяти авторов не сохранились названия населенных пунктов либо они даны в искажении. В силу причин идеологического характера, а также внутренних убеждений источника информации подача информации может быть искажена в разной степени. В анкетах отмечено, что собственное видение очевидцев событий менялось со временем, шла переоценка произошедшего по мере того, как менялся сам человек. В то же время записи анкет позволяют увидеть события глазами их непосредственных очевидцев и участников.

Одним из самых важных материалов, который был получен и ныне хранится в фондах музея, являются письма участников партизанского движения, присланные «Красным следопытам» на адрес школы начиная с 1967 г. Известно, что «Красными следопытами» была отправлена не одна сотня писем партизанам и воинам КА из СССР и ближнего зарубежья. В своих письмах они писали о желании создать музей партизанской бригады «Неуловимые», просили рассказать о боевых действиях, которые запомнились, назвать фамилии тех, с кем воевали рука об руку, по возможности указать их адреса, выслать личные вещи для музейной коллекции.

Такая инициатива была тепло встречена бывшими партизанами: они с охотой отвечали на письма, делились контактами, личными вещами. Надо отдать должное тому, что «Красные следопыты» и после получения необходимой информации продолжали общаться с ветеранами и даже стали друзьями по переписке. Многие ветераны приезжали на встречи со школьниками, посещали музей, ждали их к себе в гости.

Общение с ветеранами стало традиционной формой патриотической работы в школе. В 1970–1980-е гг. на каждый класс приходилось около 35–40 адресов. Учащиеся поздравляли ветеранов с памятными датами

календаря и с нетерпением ждали ответ. Время неумолимо, и к 2017 г., когда таких адресов оставалось 27 на всю школу, ответы с обратной стороны практически прекратились.

Самыми ранними являются письма от партизан бригады «Неуловимые» в адрес «Красных следопытов», полученные в 1967–1971 гг. Количество оригинальных писем – 159 единиц, имеется около 50 ксерокопий писем без сохранения оригинала, часть писем утрачена.

На основании данных писем представляется возможным отразить историю создания бригады, ее боевой путь, командный состав.

Таким образом, знакомясь с письмами партизан, можно прийти к выводу, что на территории Полоцкого района к лету 1942 г. была создана бригада «Неуловимые», которая впоследствии включала в свой состав 15 партизанских отрядов. Она была сформирована специальной диверсионной группой, заброшенной в апреле 1942 г. на территорию Полоцкого района из Москвы. За период нахождения в Полоцком районе бригада «Неуловимые» участвовала в значительном количестве боевых операций, ею нанесен внушительный урон нацистским захватчикам, оказана помощь местному населению.

Каждая операция проводилась специально подготовленной группой, и иногда подготовка шла в течение не одного дня, о чем свидетельствуют письма-воспоминания ветеранов, которые хранятся в Музее боевой славы.

После войны ни о бригаде «Неуловимые», ни о ее участниках почти ничего не было известно. В 1962 г. в ЦК КПБ обратились бывшие партизаны бригады «Неуловимые», и Комитетом Государственной безопасности при Совете Министров БССР было отправлено обращение к Секретарю ЦК КПБ К. Т. Мазурову. Установили, что одна из причин – то, что во время войны бригада не подчинялась БШПД. Все материалы, касающиеся бригады «Неуловимые», засекречены и сданы в архив НКГБ.

Благодаря школьникам-следопытам удалось по крупицам собрать информацию о бригаде «Неуловимые». Первоначально сведения содержалась в мемуарах командиров бригады, позже была налажена переписка, организованы юбилейные встречи с партизанами. В 1977 г. режиссер Игорь Беляев на киностудии «Мосфильм» выпустил двухсерийный документальный фильм «Частная хроника времен войны», в котором приведены воспоминания «Неуловимых».

В письмах партизан бригады «Неуловимые» о Великой Отечественной войне, написанных в 1960–1970-х гг., с одной стороны, прошедшая война представлена как событие всемирно-исторического значения, с другой

стороны, респондент понимал, что, описывая свое участие в Великой Отечественной войне, он становился органической частью ее истории. Главными чертами этих воспоминаний является высокая коммунистическая идейность, подход к оценке всех событий с партийных позиций, героизация и идеологизация конкретных боев и их участников, социологизация нарратива, замена индивидуальных портретов и событий романтизированными героизированными образами, призванными дать подрастающему поколению пример для подражания – идеализированный образ защитника Отечества. Выделенные направления романтизации картины и героев Великой Отечественной войны на примере местной истории дают возможность увидеть общие закономерности в создании исторического образа Великой Отечественной войны 1960–1970-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из анкеты Бесединой М. Я., ветерана 51 гв. с/д, 1924 г. рождения, собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 им. Е. А. Трапезниковой г. Новополоцка» 23 октября 1985 г., хранящейся в школ. музее.
2. Из анкеты Гусева В. С., ветерана 47 с/д, 1907 г. рождения, собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 им. Е. А. Трапезниковой г. Новополоцка» 24 октября 1985 г., хранящейся в школ. музее.
3. Из анкеты Гулина С. П., ветерана 47 с/д, 1915 г. рождения, собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 им. Е. А. Трапезниковой г. Новополоцка» 1 ноября 1985 г., хранящейся в школ. музее.
4. Из анкеты Ветчинкина А. П., ветерана 67 гв. с/д, 1916 г. рождения, собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 им. Е. А. Трапезниковой г. Новополоцка», хранящейся в школ. музее.
5. Из анкеты Безбородова П. Ф., ветерана 47 с/д, 1924 г. рождения, собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 им. Е. А. Трапезниковой г. Новополоцка» 17 октября 1985 г., хранящейся в школ. музее.
6. Из анкеты Яковенко В. Г., ветерана 47 с/д, 1923 г. рождения, собранной учащимися ГУО «Средняя школа № 2 им. Е. А. Трапезниковой г. Новополоцка» 17 октября 1985 г., хранящейся в школ. музее.

ЭГО–ДОКУМЕНТ КАК МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ГУ «ЛИДСКИЙ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ»)

Н. А. Хотянович, Н. М. Волынец

Аннотация: В статье рассматривается использование эго-документов как экспонатов при построении временной музейной экспозиции в Лидском историко-художественном музее. Показана особая роль документальных источников и воспоминаний очевидцев при раскрытии событий Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: эго-документ; воспоминания; дулаг 155; город Лида; Лидский историко-художественный музей.

EGO-DOCUMENT AS A MUSEUM EXHIBIT (FROM THE EXPERIENCE OF THE STATE INSTITUTION «LIDA HISTORICAL AND ART MUSEUM»)

Abstract: The article discusses the use of ego-documents as exhibits in the construction of a temporary museum exhibition in the Lida Museum of History and Art. The special role of documentary sources and eyewitness memories in the disclosure of the events of the Great Patriotic War is shown.

Keywords: ego-document; recollections; temporary exposition; Dulag 155; Lida city; Lida Historical and Art Museum.

В фондах Лидского историко-художественного музея хранится большое количество документов личного происхождения, иначе говоря, эго-документов. В настоящее время это понятие прочно вошло в лексикон ученых-гуманитариев.

К эго-документам мы относим воспоминания жителей, которые являлись очевидцами и участниками описываемых событий.

Документы этой группы обладают специфическими чертами и свойствами. Автобиографии, дневники, записные книжки, письма становятся фактическим материалом не только для написания мемуаров и воспоминаний.

Эго-документы содержат уникальную информацию о ряде аспектов повседневной истории обычного человека в условиях трудных периодов военного времени.

В музее хранится информация о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по следующим темам: «Начало Великой Отечественной войны», «Оккупация города Лиды и Лидского района», «Партизанское и подпольное движение», «Освобождение», «Ветераны Великой Отечественной войны». В свою очередь каждая тема делится на подтемы.

Большая часть эго-документов этих фондов поступила в музей в 1960–1980-е гг. в ходе переписки сотрудников с участниками событий и их родственниками. В коллекции представлены автобиографии, краткие биографические справки, воспоминания, письма. Несмотря на небольшой объем источников этой группы, историческая ценность информационного ресурса весьма значительна.

Эго-документы, хранящиеся в Лидском историко-художественном музее, напечатаны на машинке либо рукописные. Все источники имеют авторов и их личную подпись, однако не все документы датированы.

Большая часть авторов воспоминаний проживала на территории Лидского района. По характеру содержания тексты воспоминаний можно условно разделить на четыре информационные группы: повествование о начале и окончании войны, описание военных событий, освещение бытовых условий в армии, оккупации, плену, рассказ о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников.

Источники этой группы очень разнообразны и разнохарактерны, каждое написанное в них мнение индивидуально, хотя и не лишено воздействия на автора социальной среды.

В пространство экспозиции включаются другие механизмы и требования к письменному источнику. Он начинает конкурировать с вещественным и изобразительным материалом. И если по способности сразу привлекать внимание зрителя, легкости восприятия письменные источники уступают другим видам, то по своей информативности и силе эмоционального воздействия они часто на порядок выше.

Временная экспозиция «Грозно грянула война», на которой представлены эго-документы, построена по тематико-хронологическому принципу. В ней каждая тема основывается на воспоминаниях очевидцев и участников тех событий.

Так, тема «Начало Великой Отечественной войны» раскрыта с помощью воспоминаний М. Рунт, в которых она рассказывает о событиях 22–23 июня 1941 г.: *«Было раннее утро, но все работники были уже на местах.*

Отдавались распоряжения о патрулировании на улицах города, чтобы на улицах было как можно меньше народа, чтобы все имели противогазы. Решено было продолжить работу конференции, никто не думал, что началась война, все думали, что это крупная провокация. Бомбы падали совсем близко, содрогалась земля, дрожало здание, мы выбегали, падали под кусты и в канавы, после налета продолжали работу. И только в 12 часов, когда было передано правительственное объявление о том, что началась война, работа конференции приняла иной характер» [3, л. 4].

В июне 1941 г. в г. Лида проходил фестиваль художественной самодеятельности воинских частей Белорусского военного округа, о чем вспоминает его участник, ветеран Воронеж: *«Помню, меня удивило большое количество присутствовавших на вечере летчиков и технического персонала из 11-й смешанной авиадивизии. В разговоре они рассказывали, что сначала им отказали в увольнительных. Но потом разрешили идти на вечер, приказав предварительно слить бензин из заправленных самолетов, т. к. выяснилось, что этот бензин «вредительский», в который засыпана крошка резины. Бензовозы же с новым бензином подойдут лишь под утро. Но утром все должны быть на своих местах. Нам же, участникам самодеятельности, было разрешено утром поспать подольше. Так мы собирались встретить воскресенье, 22 июня» [3, л. 5].*

Рассказ Анны Сапего, жены Виктора Сапего, председателя Радивонишского сельского совета, раскрывает историю музейного предмета «Знамя». Анна Францевна вспоминает: *«В начале Великой Отечественной войны, в июне месяце, Виктор сжег какие-то документы, а знамя начал прятать. Свернул в сверток и положил в керамический кувшин. Подкладку пришлось отпороть, ибо знамя не умещалось в горшке вместе с подкладкой. Затем кувшин обернул бумагой, обмазал жиром. Закопал в лесу между двух сосен над окопом» [3, л. 8].*

Самому Виктору Сапеге вернуть знамя в сельсовет было не суждено. Он был расстрелян 2 февраля 1944 г. 35 лет знамя находилось в земле. Долгие годы сын, Даниил Викторович, моряк Одесского торгового флота, и жена Виктора Сапегги находились в постоянном поиске, и их усилия увенчались успехом. Знамя было спрятано в глиняном горшке, который разбился от удара лопаты (рис. 1).



Рис. 1. Знамя Радивонишского сельского совета.

Экспозиция раскрывает тему злодеяний немецко-фашистских захватчиков на Лидчине, которую сопровождают выдержки из воспоминаний свидетелей зверств. Элияху Демесек рассказывает: *«Ранним утром мы вдруг обнаружили, что полностью окружены тесным кольцом польской и белорусской вооруженной полиции. Время от времени мы слышали стрельбу. Те, кто нас окружал, выглядели злыми, подобно ведьмам и идиотам, они выполняли свои обязанности без мысли и вопроса. Они получили приказ расстреливать всякого, кто покидал дом без разрешения... Уже рано утром они убили много евреев, чьей виной было лишь то, что они выглядывали из дверей, чтобы посмотреть, что происходит, и чтобы поздороваться.*

6 часов утра. Нацисты начали выгонять евреев из домов на улицу. Тех, кто сразу не повиновался, избивали с невероятной жестокостью. Мы выходили из домов, прижимались друг к другу, как испуганные овцы. Приказ: “Стройтесь в колонны, семья за семьей!”. Пьяные гитлеровцы... бегали туда и сюда, избивая всех на своем пути. Для массового убийства прибыли специальные отряды СС и СД. Альтман бегал вокруг, чтобы найти способ спасти некоторых рабочих от смерти» [3, л. 17].

Эго-документы активных участников подпольного и партизанского движения помогли воссоздать партизанскую землянку и быт военнослужащих. Из воспоминаний А. М. Репникова: *«С этого дня мы находились вместе с капитаном в течение 1,5 месяцев у берегов Немана вблизи Докудово, где также была сделана землянка по типу капитанской, а вырытая земля сброшена в Неман. Ночевали в этой землянке до 5 ночей» [3, л. 44].*

Из воспоминаний П. Я. Слеткова: «Однажды мне пришло в голову вырезать штамп, в детстве я любил вырезать на школьной резине-стерке свою фамилию и имя, и вот я берусь за эту работу. Много испробовал вариантов, много изрезал старых резиновых подошв. Но все же вырезал равнобедренный треугольник с оттиском «штаб партизанских отрядов» [3, л. 32].

О том, как проходило освобождение Лидчины, мы узнаем из переписки с воинами-освободителями (рис. 2).

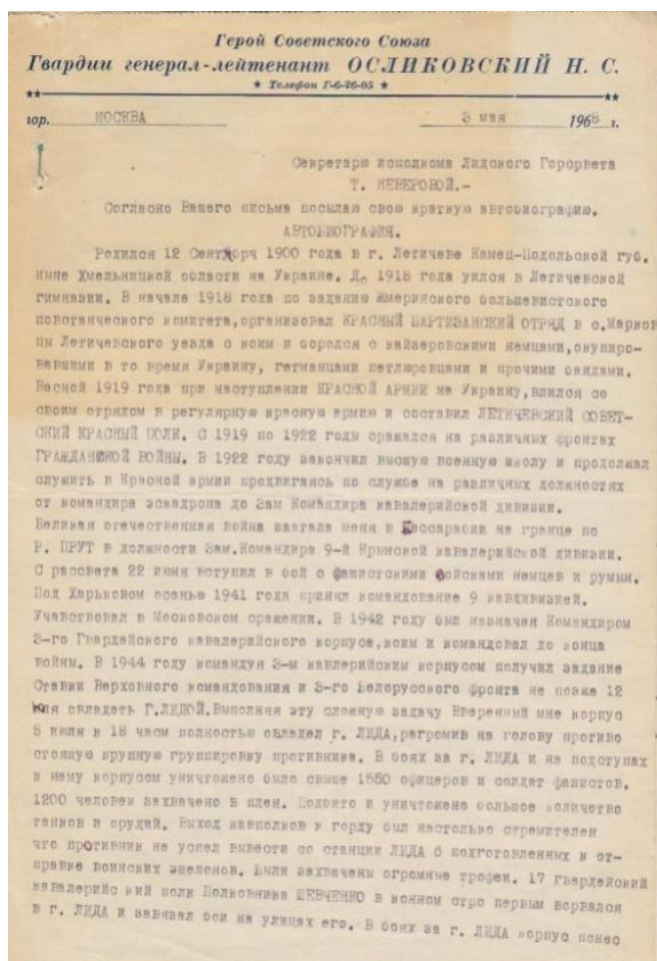


Рис. 2. Автобиография Н. С. Осликовского

Д. С. Добрушин, бывший начальник политотдела 3 кавалерийского корпуса: «В 17.00 на самом высоком здании Лиды, где в течение трех лет размещалась канцелярия гебитскомиссара, взвился красный флаг. В то же самое время в Лиду вошли и подразделения 17-го кп. 28-й гвардейский полк устремился к реке Дитва западнее города, смял заслоны противника на ее берегу и захватил переправы. Пути отхода вражеского гарнизона были отрезаны.

Бой за город прошел в таком головокружительном темпе, так согласованно и в полном смысле этого слова синхронно действовали эскадроны, полки и дивизии корпуса, что на станции нетронутыми остались эшелоны, в городе – склады, дома, заводы, словом, все, что по приказу Гитлера фашисты обязаны были сжигать и взрывать» [2, с. 44].

Почетное место в экспозиции занимают письма-треугольники. Самыми убедительными документами, рассказывающими о Великой Отечественной войне, считаются простые письма фронтовиков, столкнувшихся с войной лицом к лицу. Ценность писем как исторического документа еще и в том, что их авторы были непосредственными участниками событий. Поэтому письма насыщены разными фактами о боевых делах, успехах в армии, о буднях и трудностях фронтовой жизни, о подвигах боевых друзей.

В Лидском замке организована выставка «Дулаг 155. Трагедия плена». Именно в замке в начале июля 1941 г. разместился пересылочный, транзитный лагерь для советских военнопленных под номером 155. Тут содержались красноармейцы и офицеры воинских частей и соединений, которые не смогли сдержать у границы фашистские войска и под усиленным напором гитлеровцев вынуждены были отступить. На выставке представлены выдержки из воспоминаний узников. Обожженные листы с рукописным текстом закреплены на колючей проволоке. Такое художественное решение демонстрации эго-документов оказывает сильное эмоциональное воздействие на посетителя. По воспоминаниям выживших узников известно, что люди спали на земле. В меню заключенных, кроме отрубей, входила и соленая треска. А. А. Багмут вспоминает: *«Однажды в замок вкатили несколько бочек с соленой треской. Голодные военнопленные оперативно вскрыли бочки и начали хватать треску, жадно есть – обкололи губы, щеки, бороду. Засовывали ее в карманы, за пазуху. Треска очень соленая. А воды-то нет!!! Такое кормление оказалось еще большим испытанием, чем сам царь-голод» [3, л. 20].*

Выставка-инсталляция «Искусство видеть артефакт» (см. рис. 3), которая была представлена на V Национальном форуме «Музеи Беларуси», является демонстрацией музейных предметов как аутентичных источников информации и эмоций.

Собранные вещественные и письменные источники, а также воспоминания (эго-документы) являются как музейными экспонатами, так и мемориальной ценностью. С их помощью удалось создать инсталляцию, передающую образы войны, трагедии и смерти.

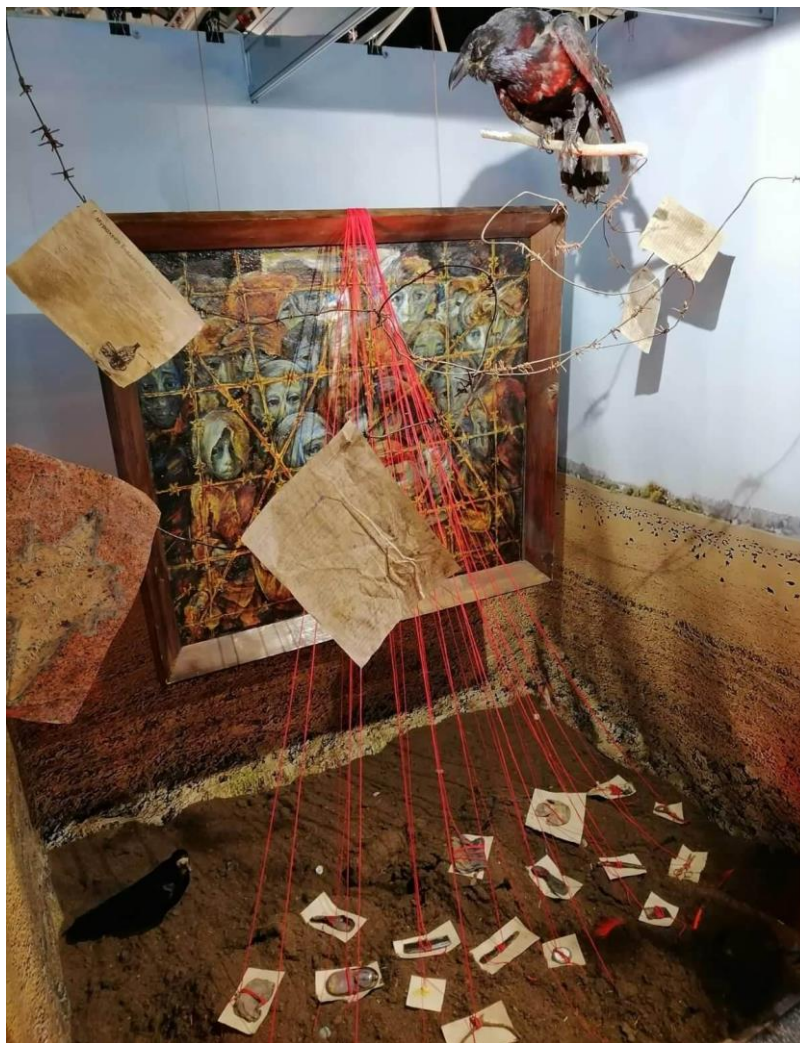


Рис. 3. Выставка-инсталляция «Искусство видеть артефакт»

Таким образом, использование эго-документов в экспозиционно-выставочной деятельности позволяет более тонко и полно отразить исторические события войны. Документальная информация, которая была собрана и сохранена сотрудниками музея, является не только напоминанием о тех далеких днях, но и ценным источником. Выставочная деятельность ГУ «Лидский историко-художественный музей» направлена на сохранение памяти и воспитание граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акт Лидской городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 17.08.1944 г. // Лидский историко-художественный музей (ЛИХМ). – КП-000257

2. *Добрушин, Д. С.* От Волги до Эльбы: Худож.-докум. Повесть [о боевом пути 3-го гвард. Кавалер. Корпуса] / Давид Добрушин. – 2-е изд., доп. – Киев : Дніпро, 1978. – 312 с.
3. Лидчина в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания // Лидский историко-художественный музей (ЛИХМ). – Ф. 27. Д. 1–4.
4. Памяць: Ліда і Лідскі раён: Гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі / Рэдкал.: В. Г. Баранаў [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2004. – 566 с.
5. Память – главный свидетель: воспоминания очевидцев-лидян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Анастасия Колодяжная. – Лида : Лидская типография, 2018. – 432 с.

Часть 2.
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
В ОККУПАЦИИ



ИСПАНСКАЯ «ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ» В ВОСПОМИНАНИЯХ НОВГОРОДЦЕВ, ПЕРЕЖИВШИХ ОККУПАЦИЮ

Б. Н. Ковалев

Аннотация: В 1941–1943 гг. на Восточном фронте в качестве союзника нацистской Германии находилась добровольческая испанская «Голубая дивизия». С октября 1941 по август 1942 г. она дислоцировалась в районе озера Ильмень, около Новгорода. Затем ее перевели под Ленинград. В этой статье в качестве фактического источника используются как акты Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), так и образцы интервью с очевидцами, которые провел автор данного исследования. Виды документов ЧГК (1945 г.), в которых упоминаются испанские военнослужащие, достаточно разнообразны. К ним относятся опросы свидетелей, заявления пострадавших, акты о нанесенном ущербе, установление лиц, повинных в совершении преступлений. Интервью с очевидцами проводились через 70 лет. Большинство респондентов – женщины 75–80 лет, а также младшие родственники лиц, переживших оккупацию.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; оккупационный режим; испанская «Голубая дивизия»; воспоминания мирных жителей; переживших оккупацию.

SPANISH BLUE DIVISION IN THE MEMORIES OF NOVGORODIANS WHO SURVIVED THE OCCUPATION

Abstract: In 1941–1943, the volunteer Spanish Blue Division was on the Eastern Front as an ally of Nazi Germany. From October 1941 to August 1942, it was deployed in the area of Lake Ilmen near Novgorod. Later it was deployed in Leningrad. This article analyzes both the reports of the Extraordinary State Commission (ESC) and interviews with eyewitnesses conducted by the author of this study. The types of documents of the ESC (1945), in which the Spanish military personnel are mentioned, are quite diverse. These include interviews with witnesses, statements of victims, reports on damage, identification of persons guilty of crimes. The author conducted interviews with eyewitnesses 70 years after the ESC reports were made. Most of the respondents are women aged 75–80, as well as younger relatives of survivors of the occupation.

Keywords: The Great Patriotic War; the occupation regime; the Spanish Blue Division; memories of civilians who survived the occupation.

В условиях оккупации у людей несколько смещается планка в понятиях «добро» и «зло». Когда ты привыкаешь к тому, что жизнь может закончиться в любую минуту, несколько глупо и наивно выглядит то, что называется «долгосрочное планирование».

Градация доброты оккупантов, их отношение к мирному населению весьма специфичны: эти, например, могут беспричинно убить, а другие – этого себе почти никогда не позволяют. Кто-то зимой может выгнать на мороз, а эти солдаты не будут возражать, чтобы вы остались в собственном доме. Можно долго рассказывать (а таких случаев было немало, хотя бы по теории больших чисел) о конфетах и шоколадках, врученных детям, помощи по хозяйству и тому подобное.

Через несколько месяцев после освобождения Северо-Запада России от немецкой оккупации ЧГК приступила к сбору материалов об ущербе, нанесенном региону. Здесь необходимо понимать специфику акта ЧГК как исторического источника. Членов комиссии особенно интересовали факты преступлений на оккупированной территории, уровень понесенного страной ущерба. Естественно, никакая информация о гуманном отношении к мирным жителям не фиксировалась. В этих условиях многие новгородцы вспомнили обо всех преступлениях и обидах, нанесенных им в 1941–1942 гг. находившимися здесь испанскими солдатами. Что-то повторялось, что-то преувеличивалось, но картина их поведения рисовалась достаточно объемная.

Виды документов ЧГК, в которых упоминаются испанские военнослужащие, достаточно разнообразны. К ним относятся опросы свидетелей, заявления пострадавших, акты о нанесенном ущербе, установление лиц, повинных в совершении преступлений (с дальнейшей передачей материала в органы государственной безопасности). Сложность определения вины той или иной национальной категории военнослужащих заключалась еще и в том, что испанцы покинули этот район летом 1942 г. – за полтора года до освобождения, за два с половиной года до начала работы здесь ЧГК. Большинство местных жителей не видели существенной разницы между немецким и испанским языком оккупантов, тем более, военная форма у тех и у других была практически одинакова. Конкретно про испанцев говорили те жители, которые достаточно тесно общались с ними на протяжении нескольких месяцев. Так, Анастасия Дмитриевна Мухина из деревни Большое Замощье 11 ноября 1944 г. показала: «Когда испанцы гнали зимой 1942 г. русских пленных красноармейцев, трех человек, то немцы в нашей деревне их расстреляли у церкви».

В феврале месяце 1942 г. наш деревенский парень Шалавин Сергей Федорович 1925 г. р. был повешен за то, что испанцы подозревали его в краже колбасы, когда он был подвозчиком. Но разломали ящик с колбасой сами немецкие обозные солдаты, а обвинили в этом Шалавина. Его повесили, даже заставили самого влезть в петлю» [1, л. 13].

Как видно из этих эпизодов, в преступлениях обвиняются не столько испанцы, сколько немцы. Но так было далеко не всегда. В чем обычно обвиняли местные жители солдат «Голубой дивизии»? В первую очередь, в воровстве и грабежах. Естественно, испанцам было холодно и они хотели есть. Но русские деревни сами жили впроголодь, а отнятые теплые вещи часто были единственной одеждой сельчан. Тем более, что нежелание добровольно отдать свои вещи или скот часто заканчивалось весьма печально. Так, «в деревне Лукинщина в январе 1942 г. за отказ отдать корову испанским солдатам был расстрелян из винтовки старик Григорий Изотович Изотов 1881 г. р.

В январе 1942 г. в деревне Бабки был расстрелян из винтовки в своем доме 70-летний старик Василий Иванович Пикалев, когда он оказал сопротивление испанским солдатам, которые отбирали у него валенки прямо с ног» [1, л. 230].

Анна Васильевна Соцкая из деревни Лукинщина рассказала членам комиссии о том, что «в нашей деревне периодически стояли немцы и испанцы из «Голубой дивизии»... Зимой испанцы отнимали все теплые вещи и валенки, независимо, где и от кого, лишь бы нашли. У меня также забрали с печки пару валенок» [1, л. 239].

Иногда кража валенок представлялась как борьба с партизанами. В. М. Иванов вспоминал: «В нашем районе партизан не было, но испанцы их постоянно искали. Зимой было холодно. Приходили испанские солдаты. Искали партизан на печке, а потом у нас из избы пропали все валенки, которые там были» [2].

Александр Петрович Яшин, 1937 г. рождения, в 1941–1943 гг. проживал в деревне Стипенка под Новгородом. Хотя он был маленьким ребенком, ему запомнилось следующее: «Испанцы появились у нас, когда начались первые холода. Они сразу же стали отбирать теплую одежду у местного населения. Причем отбирали не только мужскую одежду, но и женскую. Очень любили большие пуховые платки. Заматаются ими и идут, как большие куклы. Под этими тряпками у них было даже не видно военной формы.

Солдаты были весьма вороватые. Но боялись немцев и, особенно, военную комендатуру. Как-то моя бабушка испекла хлеб, такой круглый, как лепешка, форм-то не было. На всякий случай спрятала его за зеркало. Тут пришли испанцы и стали шарить по избе. Хлеб нашли и потащили его с собой. Тут бабушка стала кричать и угрожать, что будет жаловаться в комендатуру. Испанцы испугались, мол, matka, не кричи, не ругайся. После этого каравай они оставили, а сами ушли» [3].

Одна и та же информация в некоторых показаниях повторяется. Это говорит о том, что описываемые события были известны достаточно широкому кругу лиц. Так, из протокола опроса свидетеля Варвары Александровны Жучковой, 1913 г. рождения, деревня Лукинщина, следует: «В августе 1941 г... я была очевидцем следующих злодеяний, учиненных немцами и испанцами. С августа 1941 г. до января 1944 г. в нашей деревне стояли немцы и испанцы пехотной части. С первых дней они стали отбирать теплую одежду, валенки, шубы, шапки, скот, птицу.

У меня испанец отобрал валенки. При этом население облагалось налогами на мясо, зерно, овощи и картофель. Они разоряли колхозные постройки, скотные дворы, хлебные амбары на дрова.

Избивали и арестовывали без причин мирное население. Так, в январе 1942 г. испанец арестовал Изотова Григория Изотовича 1881 г. р. и по дороге из винтовки убил его за то, что он не отдал испанцу свою корову» [1, л. 241].

Никитина Александра Павловна, 1897 г. рождения, из деревни Курицко дополнила эти показания: «В середине августа 1941 г. немцы, а затем испанцы стали грабить население, переловили и перебили всех кур. Они сразу отобрали целое стадо коров. Зимой 1942 г. испанцы сдирали прямо с ног валенки, теплые вещи. У меня в доме двое испанцев, угрожая оружием, отобрали валенки» [1, л. 258].

Протокол опроса 17 марта 1945 г. свидетеля Николая Васильевича Храмова 1895 г. р., Моисеевский сельский совет: «В ноябре 1941 г. меня испанский солдат в моем доме избил кулаком по лицу, когда от меня другие солдаты отбирали сено, а я их просил не отбирать...

Зимой 1942 г. от моей жены и сына испанцы силой содрали с ног валенки» [1, л. 274].

Из акта № 171 по Новгородскому району от 3 апреля 1945 г.: «В ноябре 1941 г. испанский солдат избил кулаком Жохова Федора Ивановича за то, что испанец отобрал у его дочери гитару, а он просил ее отдать обратно» [1, л. 289].

Заявление в ЧГК Василия Ивановича Антонова, 26 лет, житель города Новгорода: «...у меня в конце 1941 г., зимой, отобрали корову, кур и 4-х овец. Все это забрали в несколько приемов...

Испанцы больше хулиганили в доме. Из вещей у меня испанцы отобрали шапку, сапоги, варежки. Испанцы ходили с ножами, а немцы – с огнестрельным оружием» [4, л. 36 об.].

Севернее от Новгорода, на Волхове, и южнее – в Поозерье, на берегах озера Ильмень, преступления солдат «Голубой дивизии» весьма однотипны: «Зимой 1941 г. испанцы избили 84-летнего старика Гаврилова Василия в деревне Яровицы в его доме, когда тот пытался сопротивляться, – у него отбирали валенки.

Осенью 1941 г. сильно избили прикладами винтовок Архипову Анастасию в той же деревне, когда она пыталась оказать сопротивление при отборе ее коровы. Корову отобрали, а Архипову заперли в доме» [5, л. 165].

Протокол опроса Анны Ивановны Гараховой, 1919 г. рождения, Заболотский сельсовет: «...с наступлением холодов зимой 1941 г. испанцы стали отнимать у населения теплые вещи, валенки, шапки. От меня из дома отобрали валенки и валенки моего дедушки, Гарахова Василия 84-х лет, на которого кричали и наставляли винтовку за то, что он не хотел отдавать валенки. Его избили по лицу до крови кулаками. При этом напугали моих двух малолетних детей и бабушку.

Отобрали валенки у Архиповой Анастасии 70-ти лет, от Гороховой Анисьи и других жителей деревни. Когда в 1941 г. забирали корову у Волковой Анны, а она оказала сопротивление, то ее испанские солдаты сильно избили прикладами, а затем заперли в избу и тогда угнали корову» [5, л. 178].

Из протокола опроса Ивана Ивановича Андрианова, 1888 г. р., деревня Заболотье: «С наступлением холодов, зимой 1941 г., испанцы от меня отобрали валенки, теплую рубашку, перчатки. Весной 1942 г. у моей сестры, Парасковьи Григорьевны, испанский солдат сорвал валенки с ног, так что обратно в город ей не в чем было идти. Отбирали валенки и теплую одежду у всех» [5, л. 168].

Названия деревень в показаниях свидетелей разные, но ситуации очень похожи друг на друга. Так, Прасковья Степановна Серова, 1890 г. рождения, из деревни Десятина Заболотского сельсовета, вспомнила следующее: «Испанцы часто ходили в нашу деревню. Они отбирали у населения валенки, теплые вещи, коров, кур, овец, даже керосин. Брали все, что попадет. У меня

испанский солдат отобрал валенки, снял валенки с ног моей дочери. От Серова Виктора с головы прямо на улице сорвали шапку. С Серовой Марии – платок, у Серовой Акулины увели корову» [5, л. 197].

Из опроса Андрея Матвеевича Мазанова, 1887 г. рождения, деревня Островок Заболотского сельсовета, следует: «...Из нашей небольшой деревни испанцами было отобрано 2 коровы, 2 свиньи. От меня испанцы стащили с ног валенки зимой 1942 г. у меня в доме. Когда я попытался сопротивляться, то на меня испанец наставил пистолет, угрожая убить. В тот же раз с ног моей жены они сняли валенки. Были еще отобраны валенки от многих других жителей. От подростка Кушина Петра, когда он зимой шел по дороге, испанец снял шапку» [5, л. 171].

Иван Алексеевич Митрофанов из деревни Гвоздец с возмущением рассказывал: «В ту же зиму 1942 г. испанцы содрали с ног в поле на дороге у идущего Гришина Михаила Алексеевича, и он босиком, избитый, едва прибежал в деревню. Много отняли валенок у живущих в деревне инвалидов из инвалидских домов. От гражданки Филипповой Прасковьи Алексеевны испанцы отобрали все валенки, при этом избили ее очень сильно ручными гранатами, мне тоже угрожали гранатой.

Гражданку Прошину Марфу зимой 1942 г. испанцы сильно избили за то, что она заявила в комендатуру, когда от нее испанцы отобрали козу. Козу не возвратили» [5, л. 215 об.].

В своих воспоминаниях испанцы часто пишут о том, как их поразила нищета России, убогость в одежде местного населения. Но, судя по всему, они были сами повинны в этой «излишней скромности в одежде». Рассмотрим протокол опроса Дмитрия Степановича Гаврилова 1891 г. р. из деревни Любояжа Заболотского сельсовета: «В нашей деревне немцы и испанцы стояли не всегда. Они проявили здесь себя как грабители, как самые мерзкие негодяи. С наступлением холодов испанцы стали отнимать у населения теплые вещи. Народ вынужден был ходить кое-как, в тряпье, а эти вещи подальше прятать. У меня из дома испанцы отобрали валенки. Также отняли валенки от Федорова Андрея, едущего зимой на подводе, и домой он пришел босиком. От моей матери Гавриловой Агафьи они отобрали все, что у нее было: три пары валенок» [5, л. 205].

Рассказывая членам комиссии об оккупации, люди, безусловно, воспринимают испанцев и немцев как союзников. Василий Иванович Кононов так описывал первую военную зиму: «В нашей деревне стояла часть связи, состоящая из испанцев. Испанцы, находящиеся здесь, ограбили практически

все. У нас было отобрано три коровы, большой бык, телята, овцы и куры были отобраны у всех. Сдирали прямо с ног валенки, отнимали теплые и другие вещи – все, что найдут.

Они вместе с немцами пригнали все общественное стадо коров в деревню осенью 1941 г. и стали из оружия стрелять по коровам. При этом убили и корову Тюлевой Марины.

У старушки Костиной Натальи, идущей в церковь, испанцы содрали с ног валенки зимой 1942 г. в поле за нашей деревней. Зимой 1942 г. у меня испанцы в доме отняли две пары валенок и подушку. Народ уже не смел обуваться в теплые валенки и одеваться в хорошую одежду» [5, л. 212].

По этим эпизодам можно отметить следующее: испанские солдаты отбирают теплую одежду, дерутся с людьми, которые сопротивляются, когда их раздевают, при краже коров предпочитают хозяев запирают дома, чтобы те не мешали им уводить их «боевой трофеей».

Мяукающий «зайка» на столе испанских солдат хорошо запомнился многим новгородцам. В 80-х гг. информацию о сражении на Волхове в 1941–1942 гг. собирал московский историк Б. И. Гаврилов: «По рассказам местных жителей, испанцы находились в Замошье как бы на отдыхе. В отличие от немцев, больших безобразий себе не позволяли, общих реквизиций не делали. Армейского пайка им не хватало, и они съели в деревнях всех кошек, употребив на жаркое вместо кроликов» [6, с. 111].

Но и гораздо позднее, в сентябре 2013 г., Виктор Михайлович Иванов из деревни Ракомо вспоминал: «В деревне Ращеп испанцы украли у моей бабушки ее кота, которого они зажарили. На обед была приглашена и ничего не подозревающая владелица. Собрав косточки от съеденного «зайчика», она решила угостить свою кису, стала говорить: “мяу, мяу, мол, иди ко мне, я тебя угощу!”. Солдат это очень развеселило, и они объяснили ей, кому принадлежат остатки от обеда» [2].

Если в краже пищи, теплых вещей, икон есть хоть какая-то логика, то для чего испанцы, походя, прихватывали нехитрое, но часто крайне громоздкое крестьянское имущество? Так, зимой 1941 г. они сильно избивали кулаками и носками сапог Анну Мицихину, отбирая у нее шкаф в деревне Курицко. Объяснение этому весьма прозаично. То, что воровалось в одной деревне, часто становилось предметом продажи в другой. Из заявления Данилы Фроловича Кузнецова, Новгородский район, следует: «...кроме немцев, тут стояли еще испанские части. Солдаты этих частей очень часто воровали по домам, а потом перепродавали или меняли в других деревнях награбленное имущество» [5, л. 105].

Любовные похождения испанцев – это тема для отдельного разговора. Но даже по прошествии более чем семидесяти лет местные жители в Новгородском Поозерье вспоминали про них. Образ любвеобильного «мачо» был следующим: голодный, замерзший и крайне вороватый. Жительница деревни Хотяж Валентина Федоровна Петрова описывает их так: «Испанцы нам настолько въелись в душу, что мы после войны обычно говорили не про немцев, а про них. Мама, бывало, с кем-то встретится и они говорят: «А помните испанцев-то...».

Деревня наша лежит в стороне от дороги. Может быть, поэтому немцев и испанцев у нас на постое и не было. Но испанцы нас часто навещали.

Если в хлев попадали, а там еще курочка какая-нибудь недобитая, они ее ликвидировали: сразу сажали в мешок. Я думаю, что им все время хотелось есть. Они одеваться хотели. Валенки снимали. Как приходили, то сразу просили печку затопить. Не могли нагреться.

Если испанцы появлялись в деревне, а они приезжали на лыжах или на санях, сразу все жители прятали свои валенки по домам. Знали, что если испанцы валенки найдут, то обязательно отнимут.

А еще они с осени к молодежи приходили (в деревне тогда много молодых было, не то что сейчас), а потом они девчонок ловили. У меня сестра была, 16 лет. И был такой чернявый, как сейчас его вижу, Хуан его звали, и он полюбил мою сестру Анну. Он говорил, что обязательно заберет ее с собой в Испанию, как только кончится война. Мама-то, конечно, ее прятала, говорила, что она молоденькая, должна подрасти. Но он ее не трогал. Говорил, что Ньюшетту заберет в Испанию.

А у мамы была в подвале вырыта ямка, она Анну в подпол, а на крышку от него накатывала бочку с огурцами. Вот так она и прятала свою девчонку, и испанцам ее было не найти. И так каждый раз.

Но уж очень они хулиганистые были, эти испанцы. Идет деда Сережа с колодца. И эти три испанца, которые ходили к моей маме, отобрали у него шапку, а морозы были страшные...» [7].

Рассказ В. Ф. Петровой несколько дополняется воспоминаниями жительницы той же деревни Хотяж, Т. П. Сониной: «От испанцев мы худобы не видели. Но они-то не жили у нас! Они к нам на вечеринки, на танцы ходили. У нас крайний дом пустой стоял. И немцы, и испанцы приходили из Клопского монастыря, в Липицах тоже жили они.

Из хулиганства их помню, что все им подавай: яйца, куриц, молоко. Сапоги с людей снимали. Вот идут в церковь наши люди, а хороши вещи не надевали. Надевали всякое старье. Вот что значит война!» [8].

Серьезные конфликты возникали между русскими и испанцами из-за тепла в доме. Хозяева отлично знали возможности своих печек, сильно боялись пожаров в деревянных домах, тем более, что после прибытия непрошенных гостей они заметно участились. Так, зимой 1942 г. испанцы сильно избili прикладами и кулаками Ивана Васильевича Алексеева из деревни Лукинщина за то, что хозяин их попросил меньше топить во избежание возможного пожара, что было принято испанцами с крайним возмущением [1, Л. 230 об].

Этот случай не был единичным. Никитина Александровна Павловна из деревни Курицко заявила: «В феврале 1942 г. испанский солдат ударил меня кулаком по лицу за то, что я попросила поменьше топить печь в доме» [1, Л. 258].

Если вдуматься в смысл русского слова «немцы» – немые, т. е. не понимающие русского языка, – еще более станет понятно, что весьма часто конфликты возникали из-за взаимного непонимания. Мало кто из испанцев в 1941 г/ говорил по-русски, да и испанский язык на новгородчине не был распространен. Так, в августе 1942 г. комендант деревни Самокража, испанский офицер Анхель (*так в актах ЧГК. – Б. К.*), избил палкой старика Савельева Ивана Савельича 1884 г. р., угрожал ему пистолетом за то, что тот не сразу понял его приказ [1, л. 231].

Сам пострадавший так описал этот случай: «В августе 1942 г. меня испанский офицер – комендант Анхель – избил палкой за то, что он приказал мне привязать ремни к седлу, а я сразу его не понял. Затем он угрожал мне пистолетом. Он часто избивал людей и славился своей жестокостью» [1, л. 248].

Ивана Андрианова испанский солдат стукнул за ругань на лошадь. Животное остановилось посреди лужи, а возчик использовал при обращении к нему слова с определенным смыслом. При этом испанец, явно уже выучивший эти выражения, принял их на свой счет [5, л. 168 об.].

Испанцы били русских, а немцы иногда вымещали свою злобу на своих союзниках: «Кулакова Николая, Кулакова Матвея испанские солдаты не пустили рано утром выехать на работу по направлению военной комендатуры, а за это их в комендатуре немецкий комендант избил резиновой палкой по лицу и по голове» [1, л. 277].

Чувство безнаказанности часто порождает если не преступление, то нарушение общепринятых норм морали. Василий Иванович Кононов из деревни Липицы 25 января 1945 г. сообщил членам ЧГК: «...В нашей

деревне многих граждан немцы и испанцы избивали беспричинно. Меня испанский офицер в январе 1942 г. избил кулаком по лицу за то, что я не пустил дочь к нему на вечер. Также гражданку Тюлеву Анну испанский солдат избил за то, что она не дала солдату дочку для офицера. Гражданку Баринову Марию испанский солдат ударил кулаком по лицу за то, что она не сразу открыла ему дверь. Пелину Екатерину солдат-испанец избил за то, что она ему плохо приготовила пищу» [5, л. 212].

Жизнь в оккупации – это состояние полного бесправия. И пусть кто-то из немецких или испанских офицеров иногда жалел местных жителей: стариков, женщин или детей, но когда возникал вопрос, кого он больше ценит, за кого отвечает: за русских или за своих солдат, – его ответ был, конечно, однозначным – за своих.

За долгие месяцы нахождения в России некоторые добровольцы «Голубой дивизии» стали понимать, что страдания простого русского населения мало компенсируют потери испанцев во время гражданской войны. Хотя и новгородец В. М. Иванов в своих воспоминаниях 2013 г. отметил: «Я не помню, чтобы испанцы хоть кого-либо обидели [*кроме, конечно, кражи валенок и съеденного кота. – Б. К.*], как, например, латыши. Этим ничего не стоило просто так избить человека палками, выстрелить» [2].

Собрав материал о поведении испанцев на оккупированной территории новгородчины, ЧГК лишь двух военнослужащих «Голубой дивизии» определила как военных преступников:

1) Муньос Грандес – командир 250 испанской «Голубой дивизии», принимавший непосредственное участие в злодеяниях над гражданами Новгородского района;

2) Баско Антонио – старший лейтенант, офицер «Голубой дивизии» – организатор неоднократных расстрелов мирных граждан и военнопленных [5, л. 286].

На фоне злодеяний других оккупантов в количественном отношении подобное выглядело весьма скромно. Но все это было преступлениями по отношению к мирному населению в экстремальных условиях войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Новгородской области, Ф. 173. Оп. 1. Д. 23.
2. Интервью с Ивановым Виктором Михайловичем. Интервью взято 12 сентября 2013 г.

3. Интервью с Яшиным Александром Петровичем. Взято 14 октября 2013 г.
4. Государственный архив Новгородской области, Ф. Р -1793, Оп. 1, Д. 24.
5. Государственный архив Новгородской области, Ф. Р -1793, Оп. 1, Д. 25.
6. Гаврилов Б. И. Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й Ударной армии // Б. И. Гаврилов // Дубрава – М., 2006. – С. 480.
7. Интервью с Петровой Валентиной Федоровной. Взято 26 октября 2013 г.
8. Интервью с Сониной Татьяной Петровной. Взято 26 октября 2013 г.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УЗНИКОВ МИНСКОГО ГЕТТО В ВОСПОМИНАНИЯХ МИХАИЛА ТРЕЙСТЕРА

С. Н. Тукало

Аннотация: В данной статье рассматривается повседневная жизнь узников Минского гетто через призму уникальных воспоминаний Михаила Трейстера.

Ключевые слова: Михаил Трейстер; воспоминания; война; повседневная жизнь; узники гетто; облавы и погромы

THE DAILY LIFE OF PRISONERS OF THE MINSK GHETTO IN THE MEMOIRS OF MIKHAIL TREISTER

Abstract: This article examines the daily life of prisoners of the Minsk ghetto through the prism of the unique memories of Mikhail Treister

Keywords: Mikhail Treister; memoirs; war; everyday life; ghetto prisoners; roundups and pogroms

Михаил Абрамович Трейстер родился в многодетной еврейской семье в апреле 1927 г. в городе Витебск. Мальчику не исполнилось и года, когда семья Трейстеров переехала в Минск. Отец, Абрам Трейстер, работал главным бухгалтером на машиностроительном заводе. Мать, Рахиль Пастернак, занималась домашним хозяйством. Свое детство Михаил вспоминает с теплотой и любовью: «...не припомню, чтобы в семье соблюдали религиозные обряды. Вероятно, среди госслужащих это не было принято. Родители говорили между собой на идише только тогда, когда надо было что-то скрыть от детей. Дома всегда чисто и спокойно, никакой ругани, никаких воплей. Эти спокойные отношения так и остались основным воспоминанием и итогом семейного воспитания... В доме – хорошая библиотека, из которой я почти полностью перечитал собрания сочинений Джека Лондона, Жюль Верна, Герберта Уэллса. Из всего прочитанного, особенно из Джека Лондона, усвоил главное – человек может все. Возможно, это и помогло пережить войну» [1, с. 208]. Семья Трейстеров проживала на улице Розы Люксембург в десяти минутах ходьбы от Дома правительства, что было характерным для довоенного Минска [1, с. 209]. В 1934 г. родители отдали Михаила в нулевой класс образцовой средней белорусской школы № 25 имени Александра Червякова. Все предметы преподавались на белорусском языке [1, с. 211]. К началу войны Михаил успел закончить шесть классов.

На оккупированной территории 14-летний Михаил остался со своей матерью и сестрой. Отец умер еще в 1938 г., а двое старших братьев, когда началась Великая Отечественная война, ушли на фронт. Уже на второй день войны дом, в котором проживала семья Михаила, был разрушен в ходе бомбардировки. Семья Трейстеров предприняла неудачную попытку бежать из города на восток, но вскоре была вынуждена вернуться в Минск. Ввиду того, что родной дом был разрушен, они приблизительно месяц находились у чужих людей. После же издания нацистами приказа о переселении всех евреев города в специально отведенный для них район, они переехали в гетто: «На всех заборах и развалинах – листовки со строжайшим приказом (от 19.07.1941 г.) полевого коменданта: «О создании жидовского жилого района в г. Минске»... В течение 5 суток... Выделены улицы, переулки... Изоляция от остальной части города... Кирпичная стена... Стену возводят сами жидаы... Для покрытия затрат – принудительный заем 30 тысяч червонцев... Собрать в течение 12 часов с момента опубликования настоящего приказа... За любое неподчинение – расстрел. Что касается кирпичной стены – ограничились колючкой. Основное переселение – путем обмена квартирами с неевреями. У нас меняться нечем...» [1, с. 216].

В Минском гетто семья Трейстеров поселилась с десятками других еврейских семей в зале бывшего кинотеатра: «Живем в зале бывшего кинотеатра, что на улице Раковской, напротив хлебозавода. Таких бедолаг в зале – человек сто. Семьи отгораживаются друг от друга одеялами на проволоке... Продукты добываем в обмен на вещи, найденные под развалами нашего дома. Я меняюсь с немцами: мыло на хлеб, табак, сахарин. Торг честный. Мы им бросаем свой товар из окна второго этажа конторы хлебозавода, они нам – свой» [1, с. 216].

Печальные воспоминания остались у Михаила о первом массовом погроме в гетто: «7 ноября 1941 г. Не знаю, от кого мать прослышала о погроме, но в 5 часов утра, проскочив через еще не замкнувшееся окружение, бежим по свежему снегу через еврейское кладбище в единственное место, где можно спастись, – к моей «второй маме» Юзе, домработнице, прожившей в нашей семье 14 лет. Она, рискуя жизнью (в коммуналке от соседей ничего не скроешь), продержала нас три дня, накормила, обогрела. Вернулись мы, потеряв «свой» кинотеатр: район был уже отрезан от гетто. И опять мы – бездомные» [1, с. 217].

В целях выживания Михаил вынужден был выдавать себя за сапожника. В связи с чем и попал на обувную фабрику, где постепенно обучился навыкам данного ремесла: «Все запасы еды и мыла остались в кинотеатре.

А жить надо. На работу в 14 лет, да еще без специальности, не возьмут. Значит, мне 16, и я сапожник. Документы, естественно, сгорели. Это единственное, что было правдой. На геттовской бирже труда меня окинули скептическим взглядом и записали в сапожный цех базы ремонта обмундирования ВВС Восточного фронта. Это – бывшая фабрика «Октябрь». Там, разумеется, поняли, что я такой же сапожник, как и музыкант, но не выгнали, и через месяц я уже был сапожником, причем, не последним. К весне мои коллеги по верстаку и сапожной лапе – и русские, и евреи – признали меня своим» [1, с. 217].

Почти два года ежедневно Михаила в трудовой колонне под конвоем водили на изнуряющую работу, при этом жестоко эксплуатировали за миску мутной баланды и 150 граммов глиноподобного безвкусного хлеба. Остальное он вынужден был добывать иным способом, ежедневно рискуя жизнью [1, с. 218]. Узников гетто использовали исключительно на тяжелых долгосрочных работах: перевозить песок и глину с одного места на другое и обратно, копать землю без лопат, разбирать разрушенные здания, чистить железнодорожные пути, рыть ямы, окопы, убирать город, чистить туалеты и т. д. По воспоминаниям Трейстера, работа не только спасала от голода, но и помогла пережить многие кровавые погромы, проводимые нацистами и их пособниками, так как «в те дни колонну не отправляли в гетто: спали мы, сапожники, под верстаками, портнихи – на грудах шинелей» [2, с. 19]. В портняжном цеху работали также мама Рахиль и сестра Анна, которые вместе с Михаилом оставались ночью на фабрике и таким образом смогли избежать смерти. В иных же случаях помощь оказывали хорошие знакомые.

Повседневную жизнь в гетто Михаил Трейстер описывает следующим образом: «В гетто все направлено на то, чтобы лишить человека не только чувства собственного достоинства, но и человеческого облика. Голод, холод, лохмотья, опознавательные знаки – «латы» и таблички с номерами домов на спине и груди. меховые вещи запрещены, да и откуда им взяться, когда уже все обменено у проволоки на кусок хлеба, ведро картошки. Деликатесом считается лек-рассол из селедочных бочек. В него макают хлеб, когда хлеб есть. Едят оладьи из картофельных очисток, пропущенных через мясорубку. Едят сало, соскобленное со старых шкур на кожзаводе. Едят баланду, приносимую, если удастся, с работы. Постоянные мысли и разговоры о еде. Ходить можно только по мостовой. Завидев немца, метров за пятнадцать следует снимать шапку. Человеческая жизнь не стоит ничего» [1, с. 218].

В гетто не было отопления, магазинов, бани, воду для питья брали из уличных водозаборных колонок и колодцев. Электроэнергией и радиоточ-

ками евреям пользоваться запрещалось. Еврейским детям не разрешалось и посещение школ. Вообще, дети Минского гетто страдали больше всего. В жилых полуразрушенных домах узники освещались свечами, которые они научились отливать в стеклянной трубке из найденного парафина. Иногда использовали лучины, снарядные гильзы под карбидную лампу [1, с. 220]. При плотности заселения, которая образовалась при создании гетто и поддерживалась почти до его ликвидации, в одноэтажном двух-трехквартирном доме проживали до 100 человек, в небольшом двухэтажном – до 200–300 [3, с. 84]. Сложно представить, но примерно на площади 10 м² жило 6–8 человек. Официально на каждого человека разрешалась норма 2 м², однако эта норма не выдерживалась и выходило 1,5 м на человека. Скученность населения гетто и голод приводили к страшным болезням: фурункулез, цинга, сыпной и брюшной тиф. Положение евреев было крайне невыносимое даже для здорового, сильного духом и телом человека: они жили в нечеловеческих, антисанитарных и совершенно неподходящих условиях.

Нацисты и их пособники постепенно, целенаправленно и систематически уничтожали еврейское население, в первую очередь «беспольное» – стариков, женщин и детей. Ликвидация узников гетто осуществлялась путем проведения еженедельных облав, ночных налетов в квартиры населения гетто, массовых погромов, вылавливания людей на улицах и вывоза их в неизвестном направлении, откуда они больше не возвращались. Жуткие, неподдающиеся человеческой логике и разуму последствия одного из ночных налетов пришлось увидеть и Михаилу Трейстеру: «Республиканская улица, переименованная немцами в Миттельштрассе, была сквозной, то есть была выгорожена с обеих сторон колючей проволокой, и там днем ходил обычный транспорт, однако ночью, насколько помню, по ней никто не ездил. И когда ночью на этой улице раздавался рев машин, это означало только одно. Минут через 20–30 где-то рядом слышались крики, проклятия, автоматные очереди, лай собак. Через полчаса все затихало, а затем – звук уходящих машин. У стервятников закончилась ночная смена. Утром, поднимаясь по Обувной к месту сбора колонны, прохожу мимо очередного выбитого дома. Вокруг – на тротуарах, фундаментах, стенах – кровь и мозги (стреляли разрывными). Кругом автоматные и винтовочные гильзы, бутылки из-под водки. Иногда догоняю возы с высокими бортами. Груз накрыт брезентом с бурыми пятнами, из-под брезента свисает то рука, то нога. За каждым возом широкая красная полоса. Груз колышется. Еще не остыл. Возы идут к Сухой и по ней налево, к кладбищу... Сбором и вывозом трупов руководит геттовская (еврейская) полиция с белыми повязками» [1, с. 221].

Большой интерес представляют воспоминания Михаила о том, как узникам приходилось порой необычным изобретательным способом добывать себе еду и необходимые вещи, ежедневно рискуя собственной жизнью: «...Евреи... ходили на работу с банками для баланды – этикие небольшие, литров на пять, цинковые цилиндрические ведра с крышками. Иногда удавалось «закосить» пару лишних черпаков баланды и в банке принести в гетто для семьи, пока семьи были еще живы. Так вот, какой-то гениальный еврей изобрел банку с двойным дном – во внешний цилиндр задвигался внутренний, покороче, с верхним буртиком. В банку наливалась баланда, ставилась ложка с укороченным черенком (для оптического обмана), и в образовавшуюся полость влезало до пяти пар подметок. В короткое время такими чудо-банками обзавелись многие евреи» [1, с. 224].

В своих воспоминаниях Михаил Трейстер упоминает и так называемые «малины» – кратковременные убежища, в которых узники прятались во время массовых погромов. Варианты схронов были разные: ложные стенки или фронтоны, оставляющие свободное пространство для укрытия; потайные чердаки, погреба с замаскированными люками, иногда за пределами дома, с подземными ходами к ним; крайняя комната, дверь в которую маскировалась шкафом. Кто же задвигал шкафы, камуфлировал входы? Трейстер вспоминает, что «...это делали старики, сознательно отдавая свою жизнь ради хоть какой-то надежды на спасение детей и внуков. К сожалению, жертвы часто оказывались напрасными, так как у карателей были свои методы: собаки, простукивание стен, гранаты, дымовые шашки в погреба и т. д... Случалось, ребенок начинал кричать в тот самый момент, когда каратели шарили по квартире. Тогда ребенка душили... Мой скромный «малиновый» опыт сводится к одной ночи, которую я просидел среди десятка других несчастных в узкой щели между двумя стенками. После этого решил, что помирать лучше на свежем воздухе» [1, с. 227].

Довольно подробно и объективно Михаил Трейстер показывает роль еврейской полиции в повседневной жизни узников гетто. Он пишет, что полицейские наблюдали за порядком в гетто, занимались сбором контрибуции в первый период, когда от этого зависела жизнь заложников, вывозом трупов после погромов, иногда облавами и т. д. При этом добавляет, что среди членов еврейской полиции были и подпольщики, например, Зяма Серебрянский (казнен нацистами), Арон Фитерсон (ушел в партизаны) и другие: «...Первоначально полицейских было около сотни, потом много меньше. Оружия им не давали. Многие из этих людей оказались в полиции по принуждению, иные – чтобы не помереть с голоду, кое-кто – по заданию

подпольной организации. Почти все они погибли, за исключением единиц, бежавших в партизаны. Некоторые после освобождения от оккупации отсидели срок. Впрочем, в те годы это отнюдь не говорило о вине. Естественно, я не собираюсь их защищать. Но истина превыше всего, и если говорить о позорных страницах истории, то ведь история – книга толстая, там много страниц...» [1, с. 232].

Следует также отметить, что Трейстер принимал активное участие в сопротивлении в Минском гетто. Так, он выполнял различные поручения подпольной организации, связанной с партизанами.

В июле 1943 г., когда нацисты начали уничтожение трудовых колонн гетто, Трейстеру не удалось убежать и он был направлен в лагерь СС на улице Широкой (теперь ул. Куйбышева). Однако Михаил смог вернуться под ложным именем Наума Розина вместе с отобранными специалистами в гетто. В последнем Трейстер не задержался и через неделю ушел к партизанам. Поскольку в гетто оставались родные Михаила, он добивался от командования направить его туда на задание. Наконец, в сентябре 1943 г. он по поручению командования партизанского отряда направился в Минское гетто. Ему удалось благополучно провести часть узников через колючую проволоку, но позже группа напоролась на немецкий патруль. Многие из беглецов были убиты. В тот день Михаил вывел из гетто многих узников, а также спас свою мать Рахиль Хоновну и старшую сестру Анну [4].

Вплоть до освобождения Беларуси советскими войсками (июль 1944 г.) Михаил Трейстер воевал в 106-м партизанском отряде им. Шолома Зорина, действовавшем в Налибокской пуще. Свой партизанский опыт Трейстер описывает скромно: «Во избежание кривотолков, честно признаюсь: никаких героических подвигов я так и не совершил, хотя в отряде кое-чему научился. Например, валить лес, строить шалаши и землянки, ездить верхом на лошади [...]. Кроме того, за время пребывания в отряде я: [...] обрел настоящих друзей [...] понял, что человеческая жизнь бесценна, но есть кое-что и поважнее» [2, с. 50].

После войны Михаил окончил Минский политехникум, в 1954 г. – вечернее отделение Белорусского политехнического института. Более 45 лет проработал в области энергетики.

В 1991 г. вместе с другими бывшими узниками Михаил Трейстер организовал в Беларуси «Белорусское общественное объединение евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей», а в 1998 г. стал его председателем. Его известные книги «Проблески памяти», «Матрейки», как и множество других публикаций, были изданы и продолжают издаваться в Беларуси, России, Израиле и Германии.

До декабря 2013 г. Михаил Абрамович являлся председателем «Белорусского общественного объединения евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей» и вице-президентом «Международного союза евреев – бывших узников фашизма».

Он собрал значительный объем информации о гетто, лагерях смерти и еврейском партизанском движении в Беларуси. Активно участвовал во многих международных конференциях, круглых столах, выставках, встречах, посвященных памяти жертв Холокоста, являлся организатором и участником исследований по теме «Спротивление бывших узников Белоруссии в партизанских отрядах республики».

Глубочайшую благодарность Михаил Трейстер испытывал к Праведникам народов мира. При его непосредственном участии был составлен и выпущен уникальный сборник документов «Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси».

9 мая 2017 г. после продолжительной болезни Михаил Абрамович Трейстер скончался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Память и время. Выпуск первый / сост. Акоюн В.Н. [и др.]. – Минск: Медисонт, 2013. – 416 с.
2. *Трейстер, М.* Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации / М. Трейстер. – Минск: Ист. мастерская, 2007. – 242 с.
3. *Трейстер, М.* Проблески памяти / М. Трейстер // Мінскае гета. 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 24 каст. 2003 г. / Гіст. майст. г. Мінска; рэдкал.: К. І. Козак [і інш.]. – Мінск: НАРБ, 2003. – С. 79–88.
4. *Трейстер, М.* Минское гетто. Проблески памяти / М. Трейстер // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации: сб. науч. раб. / Истор. мастер. г. Минска, Дортмунд. межд. образ. центр; редкол. : Я. З. Басин [и др.]. – Минск, 2005. – С. 256–286.

ИСТОРИЯ МИНСКОГО ГЕТТО В ОТРАЖЕНИИ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ

А. Г. Цымбал

Аннотация: Статья посвящена изучению истории Минского гетто и Холокоста на территории Беларуси в отражении эго-документов, а именно воспоминаний двух женщин-узниц Минского гетто, Рахили Раппопорт и Берты Маломед, партизанок из еврейского семейного отряда № 106, который был организован из минчан. Особенностью данных двух свидетелей является то, что авторы оказались в Минском гетто будучи взрослыми людьми, которые в полной степени осознавали все происходящее. Воспоминания описывают начало войны, создание гетто и переселение в него, многочисленные погромы, выживание в гетто, помощь подпольщикам, побег из гетто и уход к партизанам.

Ключевые слова: Минское гетто; воспоминания; эго-документы; Холокост.

THE HISTORY OF THE MINSK GHETTO IN THE REFLECTION OF EGO-DOCUMENTS

Summary: the article is devoted to the study of the history of the Minsk ghetto and the Holocaust on the territory of Belarus in the reflection of ego-documents, namely the memories of two female prisoners of the Minsk ghetto Rachel Rappoport and Berta Malomed, partisans from the Jewish family detachment No. 106, which was organized from Minsk residents. A feature of these two witnesses is that the authors ended up in the Minsk ghetto as adults who were fully aware of everything that was happening. Memoirs describe the beginning of the war, the creation and resettlement in the ghetto, numerous pogroms, survival in the ghetto, helping the underground, escaping from the ghetto and joining the partisans.

Keywords: Minsk ghetto; memories; ego-documents; Holocaust

Минское гетто было создано 19 июля 1941 г. по распоряжению коменданта полевой комендатуры № 812 К. Шлегельхофера. На тот момент в Минске проживало около 80 тыс. евреев, а к сентябрю – октябрю 1941 г. их количество увеличилось до 100 тыс. человек. Особенностью Минского гетто являлось то, что сюда были депортированы евреи из стран Западной Европы. Уже в ноябре 1941 г. в гетто было доставлено 6 тыс. 962 европейских еврея. В историографии присутствуют различные оценки количества западно-европейских евреев, привезенных в Минск: от 25 до 80 тыс. человек [1, с 25].

Долгое время история Минского гетто находилась вне научного интереса исследователей, идеологические установки в СССР не содействовали объективному освещению проблематики Холокоста в оккупированной Беларуси. Изменению историографической ситуации в последние 30 лет способствовало увеличению количества отечественных и зарубежных научных трудов, посвященных проблематике Минского гетто [2; 3; 4]. Огромный интерес для исследования представляют эго-документы: воспоминания и дневники свидетелей Минского гетто [5].

Статья основана на воспоминаниях Рахили Раппопорт и Берты Маломед – бывших узниц Минского гетто, партизанок из еврейского семейного отряда № 106, который был организован из минчан. Руководил отрядом Шломо Зорин, комиссар и начальник штаба отряда, в прошлом также бывший узником Минского гетто.

Воспоминания опубликованы в специальном сборнике «Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто», изданном в 2008 г. Национальным архивом Республики Беларусь [6]. Между тем, оригиналы находятся в фондах Музея истории и культуры евреев Беларуси в Минске³.

Эти две истории рассказаны об одних и тех же событиях, об одних и тех же людях. Однако в воспоминаниях представлена своя трактовка, свое понимание событий, которые создают более глубокое и объемное понимание и представление о том, что происходило в Минском гетто и оккупированной Беларуси. Воспоминания отражают особенности идентичности двух человек, что накладывает свой отпечаток на интерпретацию некоторых событий.

Отличительной чертой данных двух свидетелей является то, что авторы оказались в Минском гетто в том возрасте, когда в полной степени осознавали все происходящее.

Авторы отличаются многим. Рахили Раппопорт на начало войны было 30 лет, в свою очередь, Берта Маломед была еще подростком 14 лет.

Разнится время написания воспоминаний. Рахиль Соломоновна Раппопорт свои воспоминания писала в Минске в начале 1980-х гг., писала откровенно, пересказывая множество деталей, мелких событий, ее воспоминания отличаются особым натурализмом.

Сами воспоминания не значительны по объему, однако содержат достаточно много фактов, создающих детальную картину истории Минского гетто, периода оккупации в Минске в целом.

³ Автор высказывает благодарность создателю и многолетнему руководителю Музея истории и культуры евреев Беларуси кандидату исторических наук Инне Павловне Герасимовой.

Мотивом к написанию данных воспоминаний послужили прочитанные Рахилью Раппопорт, видимо, в 1970-е гг. воспоминания другой узницы гетто – Анны Мачиз [7]. Она была юристом по образованию, членом партии, до ВОВ работала в прокуратуре БССР. В 1943 г. ей удалось покинуть Минское гетто, добраться к партизанам, где она дала показания о гетто, которые хранятся в НАРБ, позже для Института истории партии она написала еще одну версию воспоминаний, которая отличается от данных ранее показаний. Отличия касаются в основном деятельности подполья Минского гетто и партизан. Характеристика ситуации в гетто, выживания в условиях нацистского террора идентичны. Рахиль Раппопорт периодически цитирует Анну Мачиз для подтверждения своих слов.

Берта Давидовна Маломед написала свои воспоминания уже в Израиле, где проживала более 20 лет. Писала она для своих детей и внуков. Ее воспоминания насыщены деталями, что также крайне важно для фактографии истории минского гетто.

Авторы воспоминаний отличны и социальным статусом. Рахиль Раппопорт работала врачом в психиатрической клинике в Минске. Берта Маломед, описывая жизнь до войны, говорит, что ее родители были «лишенцами», по ее словам, «теми, кого власть лишала всего – работы, дома и всего имущества», и положение семьи было очень тяжелое. Родственников отца осудили за антисоветскую деятельность, а именно за то, что дома имелась запрещенная литература [6, с. 72].

Воспоминания Рахили Раппопорт называются «Остаться собой» [6, с. 9–69], автор начинает с размышлений о человеке как таковом и причинах возникновения убийц, уверенных в собственной непогрешимости, собственном превосходстве, уверенных в своем праве уничтожать тех, кого посчитали ниже себя. В слова «остаться собой» закладывается смысл, как остаться человеком в таком мире.

Рахиль Раппопорт указывает цель своих воспоминаний как рассказ о малозаметной жизни, ее определенном периоде во время пребывания в минском гетто.

Воспоминания выстроены хронологически от краткого описания жизни до войны, затем – первых дней войны, создания гетто, работы в городской больнице, описания жизни в гетто. Даны характеристики «малин» в гетто, рассказывается о появлении немецких евреев в зондергетто. Далее следуют погром 7 ноября 1941 г., неудачная попытка побега, продолжение ужасов в 1942 г. Описание погрома 2 марта 1942 г., пребывание в концлагере

Тростенец, затем в рабочем лагере в Красном Урочище. Снова возвращение гетто, очередные погромы и спасение от гибели и, наконец, побег из гетто, дорога к партизанам и пребывание в еврейском семейном партизанском отряде. Освобождение и возвращение в Минск.

Свои воспоминания Берта Маломед назвала «Меня расстреляли 2 марта 1942 г.» [6, с. 70–114].

Написать воспоминания ее подтолкнул старший внук, который расспрашивал бабушку о происхождении, генеалогическом древе, о ее жизни. В результате она решилась поведать о своей тяжелой судьбе для того, чтобы внуки, правнуки и следующие поколения знали, что происходило с евреями. Чтоб не допустить страшной катастрофы снова.

Автор описывает свою семью, где их было 6 детей, и жизнь до войны. В отличие от Рахили, в воспоминаниях Берта уделяла семье больше внимания. История показана детально, как память о счастливом детстве, несмотря на тяжелое материальное положение.

Описывается начало войны. Переселение в гетто, погром 7 ноября 1941 г., пребывание в доме Лapidуса, погром 2 марта 1942 г., расстрел в карьере, последующее выживание в гетто, погром 28 июня 1942 г., помощь подпольщикам, подготовка к побегу из гетто и уход к партизанам, а также краткий рассказ о судьбе ее мужа, Арона Маламеда, который также прошел Минское гетто.

Описывая переселение в гетто, оба автора говорят о правилах, введенных нацистами для евреев: желтые латы на груди и спине, расстрел за невыполнение приказов, за попытку спрятать еврея, за пользование транспортом, за чтение литературы, в том числе оккупационных газет. Запрет ходить по тротуарам, здороваться или разговаривать с евреями, требование снимать головной убор при встрече с немцем, запрет ходить по улицам после наступления сумерек.

Берта Маломед отмечает, что многие из местного населения пошли служить в полицию. Немцы по внешнему виду не всегда могли определить, кто еврей, но местные в этом хорошо разбирались.

Рахиль Раппопорт указывает, что представителем немецкого командования в гетто в качестве контролера был назначен немецкими властями некто Городецкий, лет 25, отличавшийся особым садизмом. Документы БШПД в НАРБ показывают [8, с. 124], что его отец – русский, мать – немка. До войны он жил и занимался шпионажем в Ленинграде (чем теперь открыто хвастался). Этому уголовному бандиту были предоставлены неограниченные

права. Его появление в гетто вызывало трепет у всех людей. Он убивал по своему усмотрению кого вздумает. Пьяные полицейские врываются в дома, забирали ценные вещи – часы, золото, серебро и другое, раздевали людей, насиловали девушек и женщин.

Переселяясь в гетто, брали только самое необходимое, что можно было надеть на себя и впоследствии обменять на еду. Обмен через проволоку стал практически единственной возможностью найти пищу. Однако голод наступил очень быстро.

В гетто был создан юденрат и при нем – биржа труда для набора рабочей силы. Рабочих утром выводили колоннами из гетто в различные немецкие организации. Были созданы две больницы: общих заболеваний и инфекционная. Больница была уничтожена во время погрома в июле 1942 г., но немцы не тронули инфекционную, в которую заходить боялись. В результате, она стала одним из центров подполья. Кроме того, открыли детский и инвалидный дома.

По воспоминаниям Рахили Раппопорт, в первую очередь уничтожили интеллигенцию, тех, кто признался, что занимается умственным трудом.

Также сразу уничтожили молодых мужчин, способных к сопротивлению. Уже 16 августа угнали всех попавшихся на глаза мужчин, кроме детей и стариков. К ним присоединили женщин, у которых были плохо пришиты желтые латы. Всех вывезли за город и расстреляли.

Берта Маломед обращает внимание, что самая большая трагедия – это дети. Весь ужас безвыходного положения евреев отражался на них. Ужаснее всего было то, что взрослые не могли их защитить, не могли им ничем помочь.

В гетто пристрелили всех домашних животных, вскоре развелось много мышей, однако и они затем исчезли ввиду отсутствия какой-либо еды. Уже зимой 1941 г. было сожжено все, что могло гореть, для обогрева. Голод, холод, антисанитария, вши, погромы, убийства стали повседневностью жителей гетто. Минск, по словам Берты Маломед, превратился в конвейер смерти.

Обе женщины описывают «малины», тайники в виде скрытых погребов или замаскированных комнат, которые строили жители гетто и где укрывались во время т. н. акций или погромов.

По воспоминаниям, постепенно гетто начало заполняться евреями, успевшими убежать из других городов и поселков Беларуси, где евреев нацисты уничтожали сразу, не создавая гетто.

Вскоре начали привозить и евреев из европейских стран – местные называли их «немецкими» евреями, которых поселили в зондергетто. Часть его жителей нацисты уничтожили во время очередного погрома.

Воспоминания относительно немецких евреев разнятся, Рахиль Раппопорт описывает их как абсолютно чужих людей, с чужим языком, с иной психологией, чуждыми привычками, обычаями, утверждая при этом, что между ними быстро возникла взаимная антипатия. Она была убеждена, что к местным они относились пренебрежительно, как к «большевикам», а местные видели в них немцев и терпеть их не могли [6, с. 27].

В свою очередь, в воспоминаниях Берты Маломед отсутствует подобный негатив, показано только, что им приходилось также тяжело в Минском гетто, как и местным евреям. Она же вспоминает, что все евреи из Германии и других стран были уничтожены в массовом погроме 28–29 июля 1942 г. [6, с. 91–92, 101]. В воспоминаниях обеих женщин отдельно отражен ряд погромов: особенно, 7 ноября 1941 г., после которого Раппопорт совершила неудачную попытку побега, едва не стоившую ей жизни от пули немецкого офицера, внимание которого привлекла ватага подростков, окруживших ее и другую женщину, бежавшую с ней.

Обе женщины отдельно вспоминают погром 2 марта 1942 г., во время которого людей колоннами погнали к карьере. В этот день были уничтожены дом инвалидов, детский дом, часть работников юденрата. Как отмечала Рахиль Раппопорт, страшное зрелище представляла колонна детей из детского дома, от самых маленьких до 13–14 лет. Вся дорога была усеяна детскими трупиками.

Берта Маломед также была в одной из этих колонн. Ее расстреляли в Яме, однако она выжила и смогла выбраться из-под горы тел.

Особый интерес вызывают воспоминания Раппопорт о работах в лагере Тростенец, куда их колонной отправили на предприятие ТОДТа для работы в карьере, а также в Красном Урочище, где находились немецкие мастерские «Галле» [6, с. 41–48].

Особое значение для понимания положения еврейского населения в годы оккупации имеют истории побега героинь из гетто, а также описание еврейского сопротивления. Читая личные воспоминания, можно живо представить, что означало попытаться уйти из гетто одному, без знания направления движения, без знания дороги к партизанам, без знания ситуации в оккупированном городе, особенно если внешность человека сразу выдавала его национальность.

Истории побега из гетто у Раппопорт и Маломед разные. Рахиль Раппопорт, описывая себя, говорила, что с ее типично еврейской внешностью она представляла опасность не только для себя, но и для просто идущих рядом, поэтому рассчитывать на групповой побег ей не приходилось. Особенно не зная куда идти, с постоянными патрулями на улицах. Ее план побега заключался в особых условиях – сильном дожде, который убрал бы многих людей с улиц и нивелировал внимание к ее фигуре, укрытой зонтом. 22 сентября 1943 г. погодные условия были именно такие. Ей удалось проскочить мимо патрулей, которых было особенно много в этот день, и незаметно выйти из гетто. А дальше, продвигаясь через деревни, она смогла сбежать и выйти из города. На одной из дорог Рахиль встретила партизан, которые удивились ей, т. к. в Минске убили гауляйтера Кубе и город был оцеплен.

Берта Маломед присоединилась с одной из подпольных групп в гетто, занималась распространением листовок. В ее словах звучит возмущение, почему в СССР замалчивался вопрос о еврейском сопротивлении: это только поддерживало миф, что евреи безропотно шли на смерть. Она сравнивает ситуацию, например, с военнопленными, которых уничтожали сотнями тысяч, но такого о них не говорится [6, с. 103].

Берте Маломед удалось выйти из гетто в составе группы с проводником в ночь с 5 на 6 сентября 1943 г. и добраться до Налибокской пущи в еврейский семейный партизанский отряд.

В партизанском отряде Рахиль Раппопорт оказалась также осенью 1943 г. незадолго до полной ликвидации Минского гетто в результате последнего массового погрома 21–23 октября 1943 г. Гетто прекратило свое существование, которое длилось 824 дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новікаў, С. Я.* Мінскае гета і Малы Трасцянец : новае даследаванне / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 3. – С. 25–33.
2. Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941–1944): Сб. мат. и док. ; редкол.: Р. А. Черноглазова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1995.
3. *Judenfrei!* Свободно от евреев: История минского гетто в документах / авт.-сост. Р. А. Черноглазова. – Мн, 1999.
4. *Иоффе, Э. Г.* Иностранцы евреи в Тростенском лагере смерти / Э. Г. Иоффе; под ред. М. И. Богдана. – Мн., 2000.

5. Холокост в Беларуси. 1941–1944: док. и мат. ; сост.: И. Г. Иоффе, Г. Д. Кнатько, В. Д. Селеменев. – Мн., 2002.
6. Лагерь смерти Тростенец: док. и мат. ; сост. В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. Е. Колесник, В. Д. Селеменев, Н. А. Яцкевич. – Минск, 2003.
7. Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца): матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. 25–27 красавіка 2002 г. ; рэдкал.: К. І. Козак, А. М. Літвін, У. Н. Сідарцоў (адк. рэд.). – Мінск, 2003.
8. Лагерь смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызму ў Беларусі. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 10 лістапада 2004 г., Мінск ; рэдкал: В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак (адк. рэд.). – Мінск, 2005.
9. Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации: сб. научных работ / сост. и ред. Я. З. Басин. – Мн, 2005.
10. *Хеккер, К.* Немецкие евреи в Минском гетто / К. Хек / редкол.: К. И. Козак (отв. ред.) [и др.]. Пер. с нем. Г. А. Скакун. – Мн., 2007.
11. *Тукала, С. М.* Дэпартацыя яўрэяў краін Заходняй Еўропы ў Мінскае гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны / С. М. Тукала // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* – Серыя 3. – 2007. – № 1. – С. 26–30.
12. *Тукала, С. М.* Ліквідацыя Мінскага гета: асаблівасці, этапы, наступствы / С. М. Тукала // *Веснік Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна.* – Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2007. – № 3. – С. 50–55.
13. *Тукала, С. М.* Правядзенне пагромаў у Мінскім гета / С. М. Тукала // *Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук. канф.,* Мінск, 12 мая 2006 г. ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Вып. 5. – Мінск, 2007. – С. 153–157.
14. *Тукала, С. М.* Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастр. 1943 г.): аўтарэф. дыс... канд. гіст. навук / С. М. Тукала. – Мінск, 2008.
15. *Тукала, С. М.* Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастр. 1943 г.) / С. М. Тукала : аўтарэф. дыс... канд. гіст. навук. – Мінск, 2010.
16. *Rentrop, P.* Tatorte der «Endlösung». Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostenez / P. Rentrop. – Berlin, 2011. – 256 S.

17. Публикации, посвященные свидетелям Минского гетто // Архив свидетелей Минской исторической мастерской [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <http://zeitzeugenarchiv.gwminsk.com/ru/obrazovanie/publikacii-posvyashchennye-svidetelyam-minskogo-getto>. – Дата доступа : 26.02.2023.
18. Выжить – подвиг воспоминания и документы о Минском гетто / сост., предисл.: И. П. Герасимова, В. Д. Селеменев. – Минск : НАРБ, 2008. – 166 с.
19. Мачиз Анна: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг. / сост. Л. Цыринский; под ред. К. И. Козака. – Минск, 2011. – 107 с.
20. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны / Беларусь. Минская область: сб. арх.док. и мат. / Департ. по арх. и делопр. Мин. Юст. РБ [и др.]. – Минск : НАРБ : Москва, Фонд «Ист. память», 2022. – 781 с.

ВОСПОМИНАНИЯ АНАТОЛИЯ ГАРНИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ЕВРЕЕВ В IX ФОРТЕ г. КАУНАСА

С. Е. Новиков

Аннотация. Статья посвящена неизвестным страницам биографии одного из узников IX форта в г. Каунас в 1941–1943 гг. На основе автобиографических сведений, сохраненных в виде архивных материалов следственного дела на Анатолия Ефимовича Гарника, раскрываются малоизвестные аспекты трагедии узников форта. В том числе благодаря авторским карандашным зарисовкам отдельных событий с места уничтожения еврейского населения раскрыты количественные масштабы нацистских преступлений, показана уникальность операции побега узников форта, двое из которых оказались среди белорусских партизан. Научная новизна статьи определяется обращением к источникам личного происхождения – автобиографии, благодаря которой также стало возможным возвращение забытого имени в сегодняшний пантеон памяти жертв войны.

Ключевые слова: автобиография; Анатолий Ефимович Гарник; Великая Отечественная война; воспоминания; нацистская политика уничтожения, советские военнопленные; массовые убийства евреев; IX форт Каунаса.

MEMORIES OF ANATOLY GARNIK AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE MASS EXTERMINATION OF THE JEWS IN THE IX FORT OF KAUNAS

Annotation. The article is devoted to unknown pages of the biography of one of the prisoners of Fort IX in 1941–1943. On the basis of autobiographical information preserved in the form of archival materials of the investigative case against Anatoly Efimovich Garnik, little-known aspects of the tragedy of the fort's prisoners are revealed, including thanks to the author's pencil sketches of individual events from the place of extermination of the Jewish population. The quantitative scale of Nazi crimes is revealed, the uniqueness of the escape operation of the fort's prisoners, two of whom were among the Belarusian partisans, is shown. The scientific novelty of the article is determined by the reference to the sources of personal origin - autobiography, thanks to which it also became possible to return the forgotten name to today's pantheon of memory of war victims.

Keywords: autobiography; Anatoly Efimovich Garnik; Great Patriotic War; memories; Nazi extermination policy; Soviet prisoners of war; massacres of Jews; IX Fort of Kaunas.

Микроистория или личная история человека на войне – один из пока еще малоисследованных нарративов в современной белорусской историографии. Его основой являются редкие эго-документы личного происхождения, среди которых особое место занимают автобиографические тексты, позволяющие увидеть действия, узнать мысли и постигнуть чувства человека, ставшего субъектом уникальных исторических событий, имевших место на территории одного из фортов г. Каунас.

Исследовательской зацепкой для поиска имени Анатолия Ефимовича Гарника явилась «Справка Института истории партии при ЦК КП Белоруссии», попавшая несколько лет назад на глаза автору этой статьи во время экскурсии по экспозиции каунасского музея IX форта. По возвращении в Минск были сделаны попытки поиска следов бывшего узника форта среди документов из различных фондов Национального архива Республики Беларусь, преемника бывшего партийного архива. В результате проведенной поисковой работы автору удалось найти «Дело Анатолия Ефимовича Гарника», основой которого является автобиография, составленная подследственным с 3 по 6 февраля 1944 г. и содержащая уникальные сведения о предвоенных годах и службе в Красной армии в первые дни войны, плене в немецких лагерях, использовании военнопленного Гарника в составе команды на работах по эксгумации убитых евреев в IX форте г. Каунаса, а также о подготовке побега, фактах его успешного проведения, маршруте спасения беглецов и многое другое. Сразу же заметим, что это дело в левом углу титульного листа содержит запись: «Расстрелян [*так в документе.* – С. Н.] при попытке к бегству» за подписью генерал-майора Валерия.

Одесса, Чернигов, Киев (Украина), Гомель, Минск, Барановичи, Белосток, Гродно (Беларусь), Вильнюс и Каунас (Литва), Налибокская пуца (Беларусь) – эти и другие географические точки определяют не только значимые моменты биографии, но и поворотные страницы служебного роста старшего техника по приборам 54-го авиаполка, помощника начальника штаба ВВС Юго-Западного фронта, члена ВКП(б) Анатолия Ефимовича Гарника.

Осенью 1941 г. он был отправлен в Каунас сначала как советский военнопленный, а после выявления его еврейского происхождения летом 1942 г. – в IX форт, где с 10 ноября 1943 г. до даты побега 25 декабря этого же года он входил в состав специальной рабочей группы по эксгумации и сжиганию за пределами форта тел ранее убитых евреев. Оттуда ему вместе с 63 другими заключенными удалось осуществить дерзкий побег в ночь с 25 на 26 декабря 1943 г., а затем в течение месяца выдержать многокилометровый переход и добраться до Налибокской пуцы – места встречи с белорусскими партизанами из отряда им. Чкалова партизанской бригады

«Вперед». На 1 февраля 1944 г. бригада насчитывала 647 человек, включая 188 членов партизанского отряда им. Чкалова, где оказался бывший узник IX форта Каунас: из них 97 белорусов, 45 евреев, 33 русских, 10 украинцев, 2 поляка и 1 представитель другой национальности [1, л. 77]. Согласно записи за № 280 в «Поименном списке личного состава партизанской бригады «Вперед» Барановичской области» А. Е. Гарник числился бойцом отряда с 27 января 1944 г. [2, л. 11 об.–12]. С 31 января по 9 февраля находился под арестом, «подвергался агентурной обработке», допрошен, дал ряд ценных сведений «государственного значения» [3, л. 225]. Последнюю запись боец партизанского отряда им. Чкалова А. Е. Гарник собственноручно сделал в протоколе допроса 8 февраля, заверенном начальником оперативно-следственной группы Лидской зоны, майором госбезопасности Валерием.

В одной из граф вышеупомянутого «Именного списка» указано, что после этого боец отряда «выбыл по приказу штаба партизанской бригады «Вперед» [1, л. 12] в распоряжение начальника Белорусского штаба партизанского движения [3, л. 226]. Но сведений о прибытии А. Е. Гарника в указанное место среди документов не выявлено. Возникает логичный вопрос: почему? Что, собственно, осталось за этой строкой документа, если иметь в виду обвинение генерал-майора Валерия на титуле личного «Дела Анатолия Ефимовича Гарника» на 44 листах: «расстрелян как изменник родины» [4, л. 228].

В связи с этим читателю будет интересно узнать, что 31 декабря 1964 г. по заявлению гражданки С. Р. Гарник (жена А. Е. Гарника. – С. Н.) в партийном архиве Института истории партии ЦК Компартии Белоруссии, где на тот момент хранились засекреченные документы Белорусского штаба партизанского движения (фонд 3500), была выдана архивная справка следующего содержания: «ГАРНИК Анатолий Ефимович, 1915 г. рождения, в списке партизанского отряда на январь 1944 г. числится рядовым партизаном. Дата его прибытия в отряд и данные о его гибели в партизанах отсутствуют. Архивная справка составлена по материалам партархива» [5]. Указанная формулировка из документа требует отдельного исследования. У читателя могут возникнуть вопросы, касающиеся не только причины вышеуказанных неточностей, но и констатации очевидного факта умалчивания сведений, содержащихся в нескольких упомянутых выше документах партархива.

Однако самым сложным вопросом для автора на данный момент остается истинная причина расстрела не просто бойца партизанского отряда им. Чкалова партизанской бригады «Вперед», а, как вытекает из автобиографии, – бывшего члена ВКП(б), советского военнослужащего, помощника

начальника штаба ВВС Юго-Западного фронта. Что же на самом деле стояло за официальной строкой документальной записи «выбыл по распоряжению штаба партизанской бригады», если боец А. Е. Гарник не был исключением в именном списке, а вместе с другими бойцами еврейской национальности составлял почти четверть участников партизанского отряда?

Ответ на этот важный вопрос до сих пор не найден в «Истории возникновения и организации партизанской бригады «Вперед» в Барановичской области БССР, 1942–1944 гг.». [6, л. 28–38], а также в совместном «Специальном сообщении № 0011 от 14 февраля 1944 г. помощника полномочного представителя ЦШПД при Ставке Верховного Главнокомандующего и ЦК КП(б) Белоруссии в Барановичской области Гапеева и начальника оперативно-чекистской группы Лидской зоны Лыскова» [3, л. 225], хотя эти документы имеют прямое отношение к предмету нашего исследования.

В нашем случае единственным документальным источником, способным пролить свет на трагическую судьбу узника IX форта, является «Дело А. Е. Гарника», возникшее в результате допроса начальника оперативно-чекистской группы Лидской зоны майора госбезопасности Валерия и собственные «показания гражданина СССР Анатолия Ефимовича Гарника» на допросе в течение одной недели с 3 по 8 февраля 1944 г. Из автобиографии, находящейся в «Деле А. Е. Гарника», видно, что свою военную карьеру он начал в 1932 году, когда по комсомольскому призыву подал заявление в Московскую военную авиационную школу. Учился год в военном училище техников на курсе авиационных приборов. В 1933 году, после окончания школы, был направлен на службу в Киев, где получил должность младшего техника 13-й авиационной эскадрильи. В 1934 г. ему было присвоено звание техник-4 и он занял должность старшего техника по приборам той же эскадрильи. В 1937 году его перевели в Овруч, где сформировали бригаду отдельных бомбардировщиков, в которой он работал старшим техником до начала войны.

В начале войны 54-й авиаполк, в котором служил А. Е. Гарник, дислоцировался на полевом аэродроме у города Коростень, но после первых немецких бомбежек вынужден был эвакуироваться в район г. Чернигов: там Анатолий Ефимович был назначен на должность инженера по спецоборудованию 54-го авиаполка. В связи с потерей большого количества самолетов и личного состава остатки полка были рассредоточены по другим авиационным частям, в результате чего Гарник был откомандирован в распоряжение командования штаба ВВС Юго-Западного фронта с назначением помощником начальника штаба в г. Бровары под Киевом. 17–18 сентября 1941 г. началась массовая эвакуация. В ходе нее, когда возникла угроза попадания в плен к немцам, он был вынужден обменять свой командирский

мундир на штатский костюм у местной жительницы села Березань Черниговской области, а также закопать партийный билет, удостоверение личности, пропуск в штаб и пистолет ТТ. Там же А. Е. Гарник попал в плен к немцам [4, л. 234].

Так, в Украине начала писаться одна из страниц его биографии – история немецкого пленения советского военного инженера. Первым пунктом в географии его плена был город Чернигов, затем Гомель, а оттуда он был отправлен по железной дороге в вагоне для перевозки скота вместе с несколькими сотнями советских военнопленных по маршруту Бобруйск – Минск – Барановичи – Белосток – Гродно – Вильнюс – Каунас. После доставки в Каунас ему сначала удалось остаться среди украинских и русских военнопленных, которых содержали в качестве рабочей силы сначала в VI, а затем в VII фортах (см. рис. 1). Но с начала декабря 1941 г. по 25 декабря 1943 г. он вместе с другими евреями находился в IX форте, который располагался севернее города на шоссе Каунас – Клайпеда [4, л. 240].

Снаружи это было двухэтажное здание со стенами толщиной до двух метров, металлическими дверями. Фасад обнесен шестиметровой стеной, по углам которой размещены башни. Двор делился на две части. В здании 14 камер и коридор, в нем же находилась водокачка. В большой башне располагались кухня, баня и кузница. В стене были металлические ворота, через которые к месту уничтожения выводили приговоренных к расстрелу. На западной окраине форта с юга на север тянулись длинные ямы длиной 150–200 м и глубиной до 2-х метров. Всего их было 14. Сначала выкопали 10 ям, затем, после их заполнения убитыми, между ними вырыли еще 4 ямы. Они стали местом страшной трагедии уничтожения людей, в том числе детей [4, л. 241].

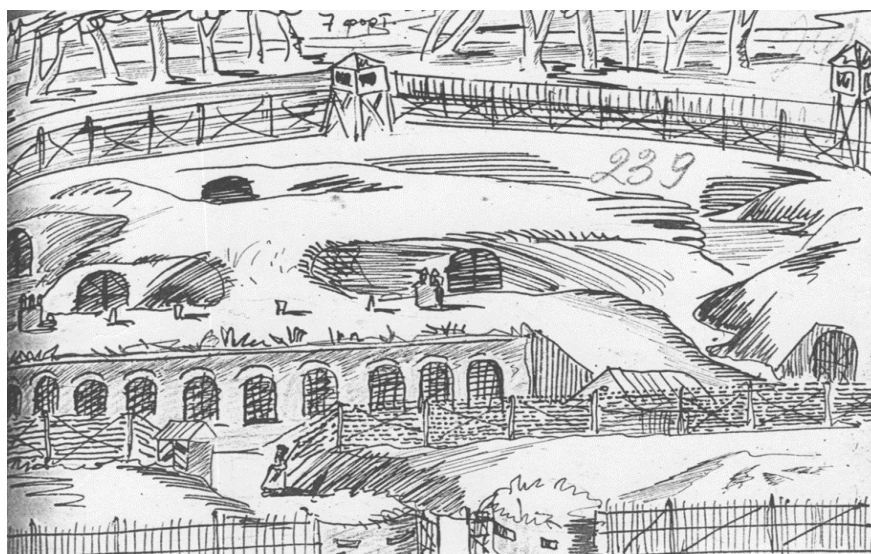


Рис. 1. Общий вид объектов на территории VII форта в Каунасе

По свидетельству А. Е. Гарника, с начала ноября 1943 г. он входил в состав специальной рабочей бригады, которая занималась вскрытием ям с захороненными жертвами массовых убийств и последующим сжиганием тел убитых. Для проведения таких работ в форте была сформирована бригада из 72 человек, в том числе 34 еврейских военнопленных, 14 партизан, 3 русских, 4 женщины и 17 узников Каунасского гетто. Дело было организовано таким образом, чтобы никто из населения не узнал, какие работы ведутся на территории IX форта (см. рис. 2). Поэтому место, где содержались пленные, было обнесено специальным забором. В начале ноября в результате расстрела немецкими охранниками больных, престарелых и инвалидов рабочая бригада потеряла 8 человек [4, л. 246]. До 25 декабря 1943 г., даты побега 64 узников форта, команда откопала 6,5 ям массовых расстрелов и захоронений жертв, из которых были извлечены трупы 12 тысяч мужчин, женщин и детей. Тела убитых сначала складывали в штабель по 300 человек в каждом и затем сжигали. Остатки костров, пепел и кости дробили специальными приспособлениями в виде деревянных кувалд для измельчения всего сгоревшего в порошок и смешивали с землей так, чтобы не оставалось следов.

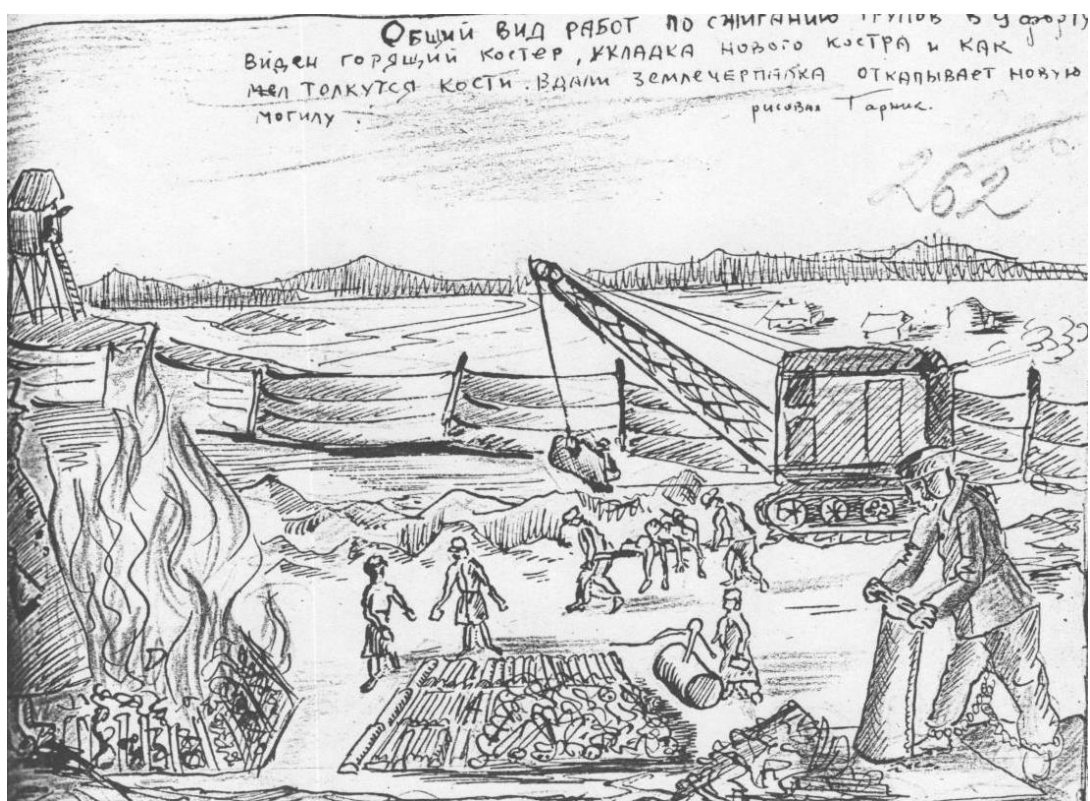


Рис. 2. Общий вид работ по сжиганию трупов на территории IX форта Каунаса

По сведениям А. Е. Гарника, среди сожженных (см. рис. 3) было около 5000 евреев [4, л. 246], привезенных из Австрии (Вена), Германии (Франкфурт-на-Майне, Дюссельдорф, Гамбург, Мюнхен) и Франции (Дранси), небольшое количество (120–150 евреев) военнопленных и около 7000 евреев из Каунаса. При этом евреев из Германии расстреливали и хоронили в одежде (такое положение указывало на то, что их сгоняли в ямы группами, заставляли лечь, а затем расстреливали, иногда закапывали заживо, так как во время эксгумации трупов не было видно пулевых ранений), а остальных перед расстрелом раздевали до нижнего белья. Во избежание побега рабочих приковали цепями, установлена вышка с ручным пулеметом, охранники были вооружены автоматами и пистолетами [4, л. 246].

Во время эксгумации восемь рабочих, вытаскивавших тела из ям с помощью крюков, должны были проверять одежду на наличие денег, драгоценностей или золотых зубов. Эта группа находила часы, кольца, различные расчетные билеты и другие вещи, которые нужно было передать немецкой охране. На практике сдавали только золотые зубы и очки, скрывая для себя некоторые ценные вещи под угрозой смерти. Во время побега, благодаря дружбе с одним из этих рабочих, у А. Е. Гарника оказалось 13 золотых колец, одна пара женских серег и женские наручные часы, а также около 150 г зубного золота. После более чем месячного пути из района Каунаса в Беларусь ему пришлось распрощаться с половиной этих колец, служивших надежным средством обмена и оплаты помощи, оказываемой местными жителями за предоставленный инвентарь, приют, продукты и др. В автобиографии отмечается, что в партизанском отряде он передал эти ценности в полном объеме до начала обыска [4, л. 246].

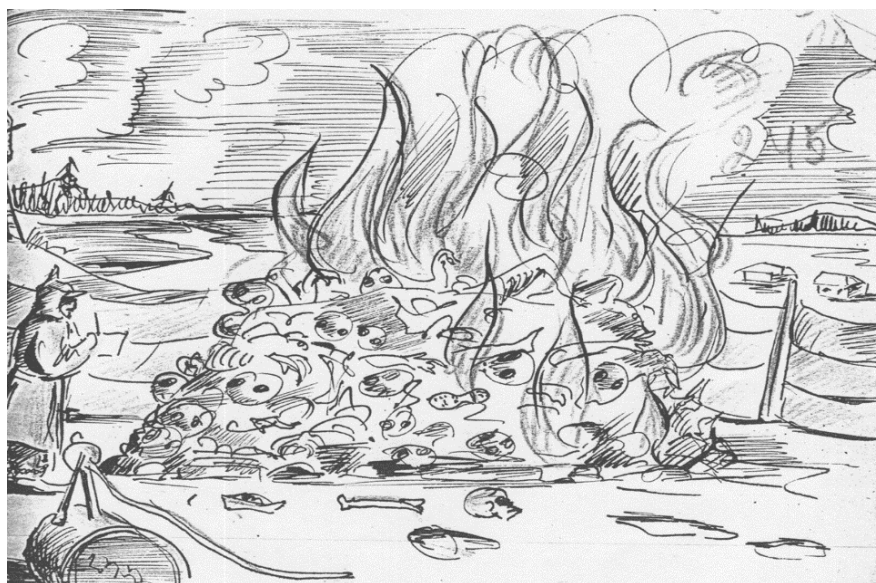


Рис. 3. Учет трупов в ходе сжигания в IX форте Каунаса

Нельзя не обратить внимание на еще более важный момент в воспоминаниях А. Е. Гарника об уникальности подготовки и осуществления побега 64 заключенных из IX форта бывшей Каунасской крепости, обнесенного 6-метровой стеной. Подготовка к побегу заключенных, приговоренных к смертной казни, велась длительное время с учетом прохождения всех участков на намеченном пути побега. Для этого дата Рождества Христова, т. е. ночь с 25 на 26 декабря 1943 г., была выбрана не случайно. В субботу, когда вечером немецкая охрана пришла с проверкой, заключенные спели несколько русских песен и просили не приходить рано утром, так как, по их объяснению, не хотели мешать большому празднику немцев. На момент побега все заключенные были одеты в немецкую форму, так как в подвалах форта находился склад бывшей ранее в употреблении одежды. Обувь была обнаружена при эксгумации тел убитых. Каждый получил по 2 буханки хлеба в качестве временной провизии [4, л. 247].

А. Е. Гарник отмечает в тексте автобиографии, что перед этим были приготовлены ключи, благодаря которым после 9 часов вечера 25 декабря 1943 г. одному из заключенных удалось снаружи открыть двери всех камер. После этого, освещая себе путь в туннели свечами и спичками, беглецы поднимались на второй этаж по железной лестнице, которую накрывали одеялами, чтобы заглушить звук шагов; через подготовленный проход все вышли в последний тоннель. Площадку, которую просматривала охрана, замаскировали белыми простынями, после чего спустились к бетонной стене. Беженцы преодолели 6-метровую бетонную стену с помощью заранее подготовленных коротких 2-метровых лестниц, сложенных в одну целую 6-метровую. Колючую проволоку перекусывали заранее подготовленными щипцами. В итоге группе заключенных общей численностью 64 человека, в том числе 4 женщинам, удалось совершить дерзкий побег [4, л. 248].

Все беженцы были разделены на группы. В основную боевую группу из 25 человек входила добрая половина наиболее близких к А. Е. Гарнику людей. Среди них:

Владимир Санкин, 32 года, уроженец Курска, член ВКП (б). До войны работал в кондитерской промышленности. Еврей, больше 2-х лет находился в IX форте, где работал поваром.

Александр Подольский, 31 год, родом из Белой Церкви. До войны жил в Ленинграде. Был ранен, попал в плен, лечился в лазарете для военнопленных. С апреля 1942 г. как еврей находился в IX форте, где работал электриком. Дважды он пытался бежать, но безуспешно.

Иосиф Козлов из Черикова. В самом начале войны попал в плен, все время работал сапожником.

Борис Штульман из Молдовы, 30 лет. Жил в Днепропетровске, до войны работал на заводе в Каунасе. Затем, когда попал в IX форт, сначала был простым чернорабочим, а потом плотником.

Шепель Захаренко, 25 лет, из Белой Церкви, красноармеец, связист. Служил в артиллерийском полку под Ленинградом, где попал в плен. Находился в IX форте больше 2-х лет. Он был свидетелем расстрелов евреев из Каунаса и Германии, работал печником и просторабочим.

Шлейма Каплун, 25 лет, родом с Западной Украины, по профессии пекарь. Прослужил в армии 2 месяца, пока не попал в плен и тут же был отправлен в VI, а затем в IX форт. Он также являлся очевидцем неоднократных казней евреев.

Ишия Цаперштейн из Западной Белоруссии (Белосток), 25 лет. Служил в Красной Армии 2 месяца. Очевидец неоднократных казней евреев, в том числе из Германии.

Роман Шахов из Пятигорска, 37 лет. Мастер на все руки, владел 13 профессиями, в том числе мог работать кузнецом, жестянщиком, часовщиком и др. Попал в плен под Вязьмой и сначала работал русским поваром у немецкого коменданта VII форта, но после раскрытия еврейского происхождения его отправили в IX форт, где он был стекольщиком.

Иосиф Юрченко, 36–37 лет, из Стародуба. По профессии кожевник, мастер по созданию шляп. В Алитусе его опознали как еврея, откуда сначала отправили в Ковенскую тюрьму, а с июня 1943 г. – в IX форт.

Александр Бузинавер, 30 лет, родом с Донбасса. Старший лейтенант, артиллерист. Работал закройщиком в Ковенской тюрьме, потом был в IX форте.

Фима (фамилия неизвестна), одессит, комсомолец, скрипач, окончил Одесскую консерваторию, часовщик. Он находился на работах в Ковенской тюрьме, только в последние месяцы переведен в IX форт.

Михаил Квятковский, которого привезли из Алитуса в IX форт. Участник предыдущих побегов, один из тех, с кем А. Е. Гарник планировал побег [4, л. 248–249].

Среди других известных беглецов группы были: Рыгор Рыбак из Бессарабии, провизор Борак из Эстонии, Лордтышина из Бердичева, Арон Руданский из Свердловска, Павел Пустыльников (захвачен под Смоленском), Иван Леонов (захвачен под Севастополем), Михаил Неменов из Москвы (Люберцы), три женщины (фамилии неизвестны) из Каунасского гетто и Алена Мечиславовна из Варшавы [4, л. 249].

Согласно биографическим данным А. Е. Гарника, группа бежавших не имела единого специально разработанного маршрута. Они руководствовались определенными инструкциями о том, как добраться до ближайшего леса. Группа, в которую входил Гарник, сначала целых три дня двигалась по заболоченной местности, пока не исчерпала силы. Когда основная группа остановилась копать землянку, Гарника отправили искать одного из тех, кто отстал и в результате заблудился. Та же участь постигла и самого Гарника. Он оказался в районе села Ибяны, 16–17 км севернее Каунаса. Отсюда направление движения было выбрано на юго-восток в районе следующих населенных пунктов: Аванта – Малета – Лабанора – Вильнюс – Новая Вилейка – Рудамина – Тургели – Тарасовщина – Тробы – Юратишки – Ивье – Старченяты [4, л. 251].

В автобиографии А. Е. Гарник отмечает, что факт побега был обнаружен охраной только через 4 часа после исчезновения рабочей группы из IX форта. На поиски беглецов были направлены воинские части и местная полиция. Однако усилия гитлеровцев и их местных пособников не привели к полному успеху, было схвачено и тут же расстреляно лишь 37 беглецов. Некоторым удалось добраться до ближайших партизанских отрядов, часть из них примкнула к каунасскому подполью. Среди тех, кто проник на территорию Беларуси, были двое беглецов. Один из них – Анатолий Гарник, второй – Алексей Файцельсон, 1923 г. р., оказавшийся в другом белорусском партизанском отряде, в составе которого участвовал в боях за освобождение Минска и закончил свою военную биографию красноармейцем под Кенигсбергом [8].

Однако почему так трагически закончилась судьба второго из них, причем в партизанском отряде, среди соратников еврейской национальности, доля которых в отряде была достаточно высока. Вопросы, на которые до сих пор не найдены убедительные ответы на основании обнаруженных документальных источников. Почему бывший узник того же Каунасского IX форта остается бойцом одного из белорусских партизанских отрядов, вступает в ряды Красной армии и воюет в ее составе до конца войны, а судьба второго трагически обрывается? Вопросы, вопросы, вопросы... Но документальных убедительных ответов на них пока нет.

Таким образом, перед читателем остаются открытыми не только вышеперечисленные вопросы, но и новые исследовательские задачи, связанные с поиском дополнительных документальных источников, которые могли бы раскрыть последние страницы трагической судьбы А. Е. Гарника, бойца партизанского отряда им. Чкалова партизанской бригады «Вперед» Барано-

вичской области. Сделать это на данном этапе не удалось даже с учетом нашего обращения к руководству Каунасского музея IX форта, специалистам Института геноцида в Вильнюсе и руководству научно-просветительского объединения «Холокост» в Москве. При этом необходимо иметь в виду, что из официальной справки, выданной партархивом при ЦК КП Белоруссии, жена и дочь так и не получили точных сведений о муже и отце.

Кроме того, в семье не узнали о трагедии узника каунасского IX форта и бойца партизанского отряда им. Чкалова Анатолия Ефимовича Гарника, оставившего для истории уникальнейший документ – воспоминания, написанные сразу же после имевших место исторических событий. Они отражены в автобиографии, созданной по горячим следам свершившихся дел, сохраненных навсегда в памяти имен и глубоких личных переживаний. Описание насилия, жестокости, голода, страха и постоянной угрозы смерти содержатся почти в каждой строке воспоминаний, говорящих о сложнейших жизненных ситуациях, выжить в которых означало лишь одно – совершить подвиг во имя своего будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сведения о составе партизанской бригады «Вперед» по состоянию на 1.02.1944 гг. // НАРБ. – Ф. 1399. Воп. 1. Спр. 243.
2. Именной список № 209 личного состава партизанской бригады «Вперед» Барановичской области (начало 03.1942 г. – окончание 1944 г.) // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 431.
3. Спецсообщение № 0011 от 14 февраля 1944 г. помощника уполномоченного ЦШПД при Ставке Верховного Главнокомандующего и ЦК КП (б) Беларуси по Барановичской области Гапеева и начальника оперативно-чекистской группы Лидской зоны майора госбезопасности Лыскова // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 8.
4. Автобиография Анатолия Ефимовича Гарника // НАРБ. – Ф. 3500. Оп. 2. Д. 8.
5. Архивная справка партархива Института истории партии ЦК Компартии Белоруссии от 31 декабря 1964 г. // Экспонат из настенной экспозиции каунасского музея IX форта.
6. История возникновения и организации партизанской бригады «Вперед» Барановичской области БССР, 1942–1944 гг. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 316.

7. Любарский, Л. Дерзкий побег 64 заключенных из девятого форта Каунаса / Л. Любарский // Заметки по еврейской истории. – 2014. – № 4 [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://izrus.co.il/history/article/2014-09-05/23126/html>. – Дата доступа: 11.12.2022.
8. Заметки по еврейской истории. – 2014. – № 4 [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer4/Lubarski/php>. – Дата доступа: 11.12.2022.
9. Файтельсон, А. Налибокская пуца / А. Файтельсон // Мишпоха. – 2000. – № 7 [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:is7oLlFxAcJ:mishpoha.org/7/puss.html&num=1&hl=ru&gl=by&strip=0&vwsrc=0>. – Дата доступа: 11.12.2022.

ВОСПОМИНАНИЯ БЕЛОРУССКИХ ОСТАРБАЙТЕРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА В ГЕРМАНИИ

К. И. Козак

Аннотация: В период германской оккупации нацистами была уничтожена треть населения Беларуси. Особую категорию жертв составили около 400 тыс. жителей, депортированных на принудительные работы в страны оккупированной Европы. Выжившие и вернувшиеся на Родину бывшие узники и принудительные рабочие в своих воспоминаниях персонально представляли реальные условия депортации, рабский труд на объектах промышленности, сельского хозяйства, в домашних условиях, а также трагические смерти родных и близких. Особо значимо, что задокументированные воспоминания бывших принудительных рабочих являются ценным источником по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Они широко используются в исследовательской, культурной и образовательной сферах с конца XX – начала XXI ст.

Ключевые слова: Белоруссия; оккупация; депортация; остарбайтеры; рабский труд; знак «OST»; воспоминания.

MEMOIRS OF BELARUSIAN OSTARBEITERS AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF THE USE OF SLAVE LABOR IN GERMANY

Summary: During the German occupation, the Nazis destroyed a third of the population of Belarus. A special category of victims were about 400,000 people deported for forced labor to the countries of occupied Europe. Former prisoners and forced laborers who survived and returned to their homeland in their memoirs personally represented the real conditions of deportation, slave labor in industry, agriculture, domestic conditions, as well as the tragic deaths of relatives and friends. It is especially significant that the documented memories of former forced laborers are a valuable source on the history of the Second World War and the Great Patriotic War. They have been widely used in research, cultural and educational fields since the end of the 20th – beginning of the 21st century.

Keywords: Belarus; occupation; deportation; Ostarbeiters; slave labor; OST sign; memories.

Историографические истоки проблемы. Общее представление о белорусских остарбайтерах и их рабском труде в Германии было дано рос-

сийским историком Павлом Поляном [1, 2]. Одновременно в Беларуси велась работа с документальными архивными ресурсами [3, 4]. Центром сбора, систематизации и публикации воспоминаний бывших узников концлагерей, гетто и мест принудительного содержания стала Историческая мастерская имени Леонида Левина. На протяжении 2003–2022 гг. здесь совместно с общественными объединениями бывших узников нацизма удалось издать семь сборников в серии «Живые свидетельства Беларуси». Это около 300 важных свидетельств белорусских узников о пребывании в местах принудительного содержания на территории Третьего рейха [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. Кроме этого, ряд свидетельских историй о принудительном труде был собран и издан в виде отдельных книг [13, 14, 15, 16, 17, 18] и в региональных документальных сборниках [19, 20, 21, 22]. Научные исследования были представлены в рамках ряда международных научно-практических конференций [23, с. 97–186; 24, с. 213–234]. В итоге первая кандидатская диссертация Е. А. Гребеня об организации Германией принудительного труда среди жителей Беларуси получила высокую научную оценку [25; 26, с. 47–82; 27, с. 237–242; 6, с. 16–55; 8, с. 19–71].

Исторический контекст событий. Итоги Второй мировой войны для Беларуси имели катастрофические последствия, когда 3 млн ее жителей стали жертвами нацистской оккупационной политики. Еще одной значимой характеристикой стал принудительный труд военнопленных, когда 810 тыс. из них умирают от физического труда, голода и болезней. Еще около 400 тыс. были принудительно вывезены для работ в страны Третьего рейха, а более 1,5 млн граждан использованы на принудительных работах в Беларуси [28, с. 96–201; 29].

Процесс депортации населения на принудительные работы характеризуется тремя этапами деятельности оккупационных органов (1941–1942, 1943, 1944), из которых второй и третий осуществлены во время массовых антипартизанских акций, при наличии «мертвых зон» без населения и жилого фонда. По данным государственных органов, около 224 тыс. смогли вернуться назад, а около 150 тыс. из них, как узники концлагерей и гетто, воспитательно-трудовых лагерей и т. н. «других мест заключения», подневольные рабочие в промышленности, рабочие фермерских хозяйств и дети-заключенные смогли участвовать в реализации немецких федеральных компенсационных программ с 1993 по 2007 гг. [3; 4; 30]. При этом их показания и свидетельские данные послужили материалом для определения группы принудительных работ.

Страх как причина выживания. Разрушение в ходе германской оккупации традиционного уклада жизни, проведение нацистскими палачами массовых карательных акций против евреев, населения партизанских зон, организация лагерей для военнопленных и гражданского населения вызвало тотальный страх. Большинство респондентов рассказывают о трагических событиях в семьях, начиная с первых дней и недель войны летом 1941 г. Мария Николаевна Камоцкая (Старостенко) (1925): *«Вот уже в самом начале войны погиб отец, дом сгорел. Мама жила с детьми в землянке»* [8, с. 110]. Вскоре немало свидетелей рассказывают о массово сожженных деревнях. Людмила Матвеевна Ромашкевич (1931): *«В начале 1943 г. фашисты сожгли деревню и расстреляли родителей, мы с сестрой остались живыми. До конца 1943 проживала в г. Минске. В конце 1943 была арестована вместе с хозяевами, которые меня приютили»* [8, с. 161]. По словам Матрены Кирилловны Кошевенко (1933): *«Эти последние годы войны были настолько страшными: расстрел отца, убийства других людей, что мне казалось – пришел конец, что нас всех расстреляют. Мне было так страшно, что я думала, скорее бы это случилось. Я даже сожалела, что меня не расстреляли вместе с отцом, настолько было страшно. Пережить этот страх было невыносимо, иногда легче умереть, чем быть охваченным таким страхом»* [6, с. 29; 23, с. 136]. В большинстве своем население испытывало страх перед оккупационными органами и их политикой вывоза части населения на принудительные работы.

Депортация. На первом этапе депортации только часть жителей смогла преодолеть путь от места своего проживания до железнодорожной станции – пункта отправления на принудительные работы в Германию или другие страны Европы. Отбор наиболее крепких и готовых к физическому труду происходил за счет быстрого пешего передвижения на расстояния 10–20 км. Как правило, жертвами становились пожилые, больные, ослабленные физически, а также женщины с малолетними детьми. По данным представленных свидетельств, из каждой сотни до станции отправления не доходило 8–15 человек. Длительный переезд без должных условий (питание, вода, туалет) на протяжении 3–7 суток вызывал смерть еще 8–10 человек. Этап распределения или отбора для последующей работы на заводах, предприятиях, сельхозработах продолжался от 2 до 7 суток. При этом больные направлялись на мнимое лечение, которое заканчивалось смертельным исходом. Это в полной мере соответствовало нацистской практике «мертвых зон» при борьбе с партизанами или же наступающими частями Красной Армии. При этом жители, которые отказались подчиниться и быстро

покинуть свое жилье, за невыполнение приказа подлежали расстрелу. Так, в соответствии с приказом коменданта Гомеля, жители города должны были эвакуироваться к 17 октября, а оставшиеся до 24 октября 1943 г., в соответствии с решением командования, приговаривались к расстрелу [32, с. 548; 33, л. 14–23]. Фактически большинство населенных пунктов Беларуси становились безлюдными. К примеру, из полесской глубинки, д. Ольшаны Давид-Городокского района, только за 1943–1944 гг. вывезли 265 человек молодежи [34, л. 1–53, 59].

Таким образом, не менее 10 % от общего количества отобранных для работы были вывезены в Германию. Как правило, их фамилии не фиксировались, учет не велся, а имена даже со стороны свидетелей назывались в редких случаях. Валентин Власович Пуховский (1929): *«Везли в Германию целую неделю, но остановки были. И там открывают вагон и спрашивают и смотрят полицейские и немецкий представитель с собаками – живые перед ними или мертвые. Если мертвые, стаскивали. Вот с соседнего вагона вытащили и прямо на обочину, где выступ. Шлаком присыпали и все»* [8, с. 154]. Любовь Ивановна Капустина (Курнец) (1931): *«В конце августа 1943 г. нас снова посадили в товарные вагоны станции и повезли. Дорога оказалась длинной и мучительной. На всех бросали буханку хлеба и пачку маргарина. Всем хотелось есть. Остановки необходимы были, чтобы избавиться от умерших. Они были на нашем пути. Вот и наш братик Коля совсем ослаб и его еще живого выбросили на грудку камней. Мама кричала, но все было бесполезным. Дверь закрылась и поезд тронулся. Теперь нас из шестерых осталось четверо»* [35, с. 148]. Регина Александровна Лаврович (Молокович) (1933): *«В Минске формировался состав для отправки в Германию. После Бреста 16 суток ехали по Польше, Германии, Бельгии и Франции. Нас привезли в город Шербур. Когда пришло время переезда в Германию, для перевозки заключенных дали старые, но пассажирские вагоны. Лагерь, который был в 25 километрах от города Штутгарта, разместили в бараках»* [11, с. 83–85].

Их передвижение нередко служило своеобразным щитом от нападения партизан, обеспечивало разминирование лесных дорог. Так, Надежда Т. (16 лет) говорит, что во время отступления немецкие войска использовали ее в качестве щита от партизан. Гнали в составе местного населения перед собой до Литвы, а оттуда – в лагерь под Линцем [8, с. 90]. Николай Иванович Браим (1932): *«Наш поезд наскочил на мину. Четыре вагона, в том числе и наш, влезли друг в друга. Паровоз лежал на боку, а с трубы шел дым. Двери немцы открыли. И выгнали в заболоченное место. Там стояла вода. Лапти*

промокли, и нам стало еще холоднее. Согреваясь на месте, мы стояли там долго, пока не отремонтировали дорогу. Снова в путь, но кормить ничего не давали» [8, с. 90; 12, с. 95–96; 15, с. 98–147].

Место дислокации и статус. Лагеря, расположенные вблизи населенных пунктов и городов, как правило, полностью или же частично обеспечивали работу на предприятиях. Так, Василий Васильевич Егоров (1928) отмечает, что узников лагеря Кельгенселен для работ перевозили поездом в город Ульм. Работали там по 12 часов [10, с. 43]. При этом национальная принадлежность или статус советского гражданина имели порой определяющее значение для существования. Роман Волчков (1927): *«Я, как видите, черный, на еврея похож. Полицай мне кричал «Юде!». А я кричу: «Найн! Их вайс русиш!».* А он меня бил по голове, чтобы я говорил правду» [9, с. 31]. При выявлении лиц еврейской национальности их отправляли в специальные лагеря. Прибывших с территории Беларуси считали русскими, советскими, и они получали в лагерях маркировку «R» (русский), «SU» (советский) или же «P» (поляк) и только с конца 1943 г. в ряде мест – белорусскую маркировку в форме цветка. Работающие на промышленных предприятиях и в хозяйственных учреждениях получали для постоянного ношения на одежде отличительный знак «OST». Небольшая часть – от одного до нескольких человек, работающих у бауэра, – могли не носить такой знак на одежде [36, с. 92].

Работа на промышленных предприятиях. Зинаида Дмитриевна Горячко (Шаврова) (1931): *Зиген. «Баракы находились под наблюдением полицейских. Хорошо запомнила двоих – Отто и Густава. Отто очень много кричал, но бил палками меньше, нежели Густав. Нас было 7 подростков. Когда нас привели на фабрику, мастер сказал: «Одна неделя – и вы будете специалистами». Мы были по специальности автогенщики – варили металлические трубы. Нам не платили денег, кормили черпаком кольраби, условия были очень тяжелые. Дышали гарью. Работали и в выходные. Приводили на отдых в баракы. Обязанности были такие. Нам привозили трубы, перед нами – верстаки, а мы доставали зажигалки, настраивали огонек, чтобы шов был. И варили в течение всего дня. Мама работала на этой же фабрике. Мы были вместе. Она была рядом. У отца была очень тяжелая работа. Отец разрубал железо на куски. У мамы работа полегче была – убирать стружку» [11, с. 47]. Феня Федоровна Колик (1924): «Как партизанку меня арестовали и посадили в минскую тюрьму. Там я пробыла больше месяца, меня пытали, били, почти не кормили. Еда в тюрьме была очень скудной. Затем я была вывезена в Германию для работы на шахте, где нужна была*

молодежь для тяжелых работ. Затем перевезли во Францию, где работала на руднике» [11, с. 74]. Бронислава Михайловна Астровко (1930): «Привезли под Ганновер на фабрику резиновых изделий. Там работали поляки, французы, пожилые немцы. Я работала на станке с пожилым немцем, его звали Угольман. Он ко мне относился по-человечески, не обижал, иногда делился со мной своим завтраком» [10, с. 20]. Тамара Сергеевна Ведерникова (Лесикова) (1937), вблизи г. Вена: «Я хорошо помню многие фрагменты своего детства, проведенного в этом лагере, но вспоминать и тем более писать очень тяжело и унижительно. Один из фрагментов – горел завод. Это было очень страшно. Завод был военным, и там делали боеприпасы. От взрывов при пожаре разрушались бараки, люди бегали по территории лагеря и кричали, я была среди них, я видела открытые рты, но ничего не слышала. Был очень яркий свет от пожара, и больше я ничего не помню. В основном передвижение от бараков было под конвоем, затем передавали заводской администрации. Продолжительность рабочего времени составляла примерно 12 часов. Группы были смешанными по национальному составу, однако преобладали выходцы из СССР» [10, с. 28]. Викентий Стефанович Клименков (1938), г. Виттен-Аннен: «Со мной мама Мария Ивановна и сестра Эльвира (1926). Разместили в концлагере, который являлся филиалом концлагеря Бухенвальд. Определили на завод Круппа «Рурстальверк» в сталелитейный цех, который изготавливал отливки для запасных частей к самолетам. Работали постоянно 12 часов. Поднимали нас в 5 часов утра, а в 6 были уже на заводе. В 18 часов сдавали смену. Через неделю смены менялись на дневную и ночную. Через некоторое время нас переместили в другой лагерь в этом же городе» [10, с. 55]. Инесса Георгиевна Кулаго (Буякова) (1939): «Мама Антонина вместе с другими взрослыми каждое утро с 6 до 18 часов работала на заводе фирмы «Ханомаг» (Ганновер). Она сверлила гайки, вывозила стружку. По окончании их строем снова приводили в барак. Мы же, дети, оставались в бараках» [10, с. 64]. Антонина Антоновна Мистюкевич (1927): «В 1942 г. меня вывезли в Германию, в деревню, которая находилась неподалеку от Дюссельдорфа. С 15 лет я работала на фабрике по изготовлению черепицы. Вместе с остальными работниками проживала в каменных домах. На завтрак мы получали хлеб с маргарином и кофе, на обед – суп с хлебом. Рабочий день длился 8 часов» [11, с. 96]. Анна Лукьяновна Савчук (1926): «В Германию я попала несовершеннолетней. Работала на фабрике в Берлине, район Кеппенинг. Узникам не хватало еды и одежды, много вреда причинила деревянная обувь, ношение которой сейчас сказывается на суставах» [11,

с. 101]. И даже в канун освобождения принудительные рабочие продолжали трудиться. Мария Ивановна Каптур (1926), г. Кельн: *«Нас вел полицейский на работу, и тут сирена, стали бомбить. Полицейский сбежал, а собаки за ним. Остались мы одни, ни с кем и ни с чем. Идите, куда хотите, делайте, что хотите. Каждый выживал, как мог»* [10, с. 52].

Работа в сельском хозяйстве. Клавдия Михайловна Лизунова (Кашина) (1935): *«Так как у матери зрение было плохое, и она не способна была работать, да и маленький ребенок, то ее определили к бауэру. Она должна была каждый день туда ходить. Потом, когда мы стали постарше, то нас периодически посылали на поле горох собирать. Строго-настрога приказывали не есть. Надзиратель объезжал поле на лошадке. Мы, дети, были послушными и никто не нарушал этого приказа»* [10, с. 75]. Анна Васильевна Романовская (Савлевич) (1927), г. Гера: *«У моего бауэра был огромный участок, большущий дом и очень большое хозяйство. Эта зажиточная семья держала две лошади, 30 коров, более 30 свиней и несчетное количество кур, большой огород. В мои обязанности входило доить 2 раза в день 10 коров, уход за огородом, уборка по дому. Мы работали с 5 утра до 12 ночи. На завтрак нам давали хлеб, размоченный водой (есть было невозможно из-за того, что очень кисло!). На обед давали по 3 картофелины в мундирах и какой-нибудь салат или квашеную капусту, а на ужин как придется»* [10, с. 121]. Эдит Владимировна Полякова (1945, Германия): *«Бабушку Лиду 16 декабря 1943 г. для сельскохозяйственных работ в Дренкфурт Мариен-Вальде. Жила в курятнике. Кормили ее плохо. В основном давали сыворотку от молока. Мама была в рабстве г. Картхауз, брат мамы Леванович Витольд Адамович умер в плену и похоронен в Ламиновице (1942). Мама после моего рождения была парализована»* [11, с. 98–99].

Работа в домашних условиях. Мария Ивановна Трус (1925), г. Розенберг: *«Наша семья – четыре человека – трудилась один год на сельскохозяйственных работах. После этого мы работали на угольном заводе. Самой сложной была работа на заводе, так как рабочий день длился по 12–14 часов. Кроме того, был голод, нехватка питья, лекарств. Чтобы получить свою долю хлеба, необходимо было простоять много часов в огромных очередях. Повседневная жизнь в оккупации была самым страшным периодом. После работы на заводе меня взяли домработницей в дом немецкого офицера, в котором жили его жена и четверо детей. Там я выполняла самую черную работу: мыла посуду, работала на огороде, убирала в доме, смотрела за детьми. Работала я с 5 утра до 12 ночи. Затем меня запирали на чердаке, где я спала в хранилище для зерна. И снова*

в 5 утра меня будили, продолжался бесконечный рабочий день. Так было с 21 ноября 1942 г. вплоть до 11 сентября 1944 г.» [11, с. 103–104]. Софья Александровна Шалима (1923): «Сначала немецкие власти отправили меня выполнять обязанности прислуги в немецкую семью (1944). Хозяева относились к нам хорошо, по-человечески. Питалась я с ними за одним столом, была довольна своим положением. Но через несколько месяцев меня забрали в лагерь Гафельверг. Там оказалась и моя младшая сестра. Я работала на авиазаводе фрезеровщицей. Рабочий день там начинался в 6 утра и заканчивался в 6 вечера, кормили баландой 2 раза в сутки. Качество пищи было плохим. В баланде попадались черви. Бараки были разбиты на 5 комнат, в каждой из которых жило по 20 человек. Спали на двухэтажных койках, и, поскольку было очень холодно, приходилось прижиматься друг к другу» [11, с. 107–108].

Женский труд. Вера Дмитриевна Антоневиц (1927): «Отправили нас в г. Берхтегаден. Образовали женский лагерь. Делали из песка, цемента и воды блоки. Перемешивали вручную. Все это было тяжелым, где-то 60–70 килограмм. Форму мы переносили в другое место для того, чтобы она постояла 3–4 дня. Здесь я должна сказать, что на такой работе использовали женщин от 16 до 20 лет. Мы же молоденькие. То знаете какие болезни были? Кроме тяжелого состояния, когда теряешь сознание, тут мне не совсем удобно здесь об этом говорить, – это женские болезни. Открывались кровотечения. А условий никаких не было для лечения. Надсмотрщики стояли и били палками за любую провинность, да и когда, если кто-то пробовал не работать или симулировать. Правда, нас время от времени проверяли врачи. Измеряли давление. А другого, пожалуй-то, и не было ничего» [8, с. 76–77]. Анастасия Яковлевна Захарчук (Вышковская) (1925): «В бараках женщины жили отдельно. Никакого не было насилия или преследования. И в городе его не было. Даже наоборот, если солдаты приставали, то их преследовали за это гестаповцы. Закон такой был, который запрещал» [8, с. 107]. Тем не менее имеются и другие примеры. Мира Алексеевна Разина (1937): «Однажды бабушку так сильно ударили. Она оказала сопротивление, когда немец из охранников пытался изнасиловать маму. Я кричала. Потом ее увезли в больницу, а я бежала за машиной рядом» [8, с. 159]. Феодосия С. из Бреста во время принудительных работ на железной дороге была многократно изнасилована начальником и солдатами. Ей в принудительном порядке был произведен аборт. Рассказала в кругу семьи лишь после смерти своего мужа [12, с. 272].

Детский труд. Инесса Георгиевна Кулаго (Буякова) (1939): «Прямо у нас на глазах расстреляли 5 человек: 4 парней и одну девушку. Их уложили на землю и объявили, что так будет с каждым, кто попытается бежать» [10, с. 64]. Галина Анатольевна Ладик (1936), г. Дрезден: «Это был кошмар, который я не могу забыть до сих пор. Горели дома, немецкие женщины и дети, обвязанные подушками, выбрасывались из окон домов. В сквере горели большие деревья. Мы бежали (около 20 человек) непонятно куда. Потом увидели яркий свет в небольшом здании и распахнутые двери, заскочили туда и увидели бильярдный стол, шары и пиво в больших кружках. Через какое-то время мы побежали дальше и добежали до трамвайного кольца, трамваи горели, трещали стекла. Потом мы выбежали на шоссе – справа был какой-то небольшой завод, а слева лагерь за колючей проволокой. В этот момент опять началась бомбежка, за проволокой горели бараки, бежали и кричали люди» [10, с. 67]. Клавдия Михайловна Лизунова (Кашина) (1935), г. Магдебург: «На протяжении недели простужается одна, затем вторая сестра. С воспалением легких они за неделю угасли. Их пришлось похоронить» [10, с. 74].

Смертельный исход. Данные о гибели 66–91 тыс. принудительных рабочих, использование труда которых целиком отнесено к антигуманной деятельности немцев, корректируются персональными свидетельствами. Их немного, они разделены на категории, точной информации явно не хватает. Большая часть смертей произошла вследствие бомбардировок 1944–1945 гг., меньшая – как результат физической непосильной работы, заболеваний, нарушений техники безопасности и редко связана с участием в антигерманской деятельности. Валентин Власович Пуховский (1929): «Я видел, как в лагере умирали дети 4–5 лет. Они, как захватили семьями с детьми, вот они пожили, детишки эти, наверное, неделю, не больше, ведь какое им питание было. И умерли... То что с голоду умирали, это да. В этот день видел, как вывозили умерших. Лошадь подъезжает к баракам. Их закрывали брезентом. Их, наверное, было 2–3 человека в бараке» [8, с. 155, 158]. Как от непосильной работы умирали члены семьи, рассказывает Нина Степановна Лакоза (1926): «Работала я на прессах, где из дерева делали опилковую массу, а мы эту массу на вагонетках отправляли в другие цеха. Работа тяжелая, мокрая, ноги все время были в сырости. Поэтому мы часто болели, нас косил туберкулез. Моя сестра и две мои подружки заболели и умерли, остались лежать там. Пусть будет им вечная память» [9, с. 139]. Алимпиада Букина (1932): «Есть было нечего, многие умирали от голода, от болезней. Кормили все брюквой. Когда заболела дифтерией сестра Галина, то

приезжал на санитарной машине врач. На нем был одет белый халат. Вот тогда и увезли сестру, но она вскоре умерла» [8, с. 65]. Анастасия Максимовна Бибчикова (Денисенко) (1938 г., депортировано 5 членов семьи): «Мать, Анна, от тяжелого труда умерла. Захоронена она в Гранцине» [10, с. 34]. Раиса Афанасьевна Глядко́вская (1936), г. Магдебург: «Поместили в лагерь. Здесь были бараки, обнесенные колючей проволокой. Людям дали полосатую одежду с клетчатым воротником и нашитым номером. Все люди болели тифом. Очень много было вшей. Люди умирали. Трупы выносили и сбрасывали в кучу. Потом сжигали в топке. Маленькую Раису тоже вынесли как мертвую. Но топка вовремя не приехала, а мать Раисы Афанасьевны спросила, кто видел ее дочь. Когда сказали, что девочку вынесли и бросили в кучу трупов, мать настояла идти искать среди трупов Раису, так как чувствовала, что ее девочка жива. Ее нашли, отогрели. Переместили к бауэру, где работали только взрослые. Братик и дочка тети Марии умерли в лагере» [10, с. 38–39]. Бронислава Сергеевна Зенькович (Рабцева) (1934): «Заболел брат. Лежал обессиленный, и умер у меня на руках. Я нашла маму в поле, но надзиратель ее не пускал. Он ударил ее палкой по голове, потом повезли ящик наподобие гроба и хотели уложить туда Володю, но мама его держала на руках и кричала. Собрались рабочие. Стали возмущаться. Пришел управляющий и приказал привезти гроб. Мама положила Володю в гроб и его повезли, мама тоже пошла за гробом. Где Володю похоронили, я не знаю. Маму туда с нами не пускали» [10, с. 45]. Самые многочисленные потери наблюдались во время бомбардировок. Александра Ивановна Бандыко (Буракова) (1927), г. Дуйсбург: «Вот упала бомба, где находился детский дом, и все 22 ребенка погибли. Помнится, что среди них были и две русские Верочки, которые обслуживали малышей» [6, с. 59; 8, с. 115, 142, 149–158].

Сейчас около 20 свидетелей из Минска горячо обсуждают свое последнее желание – хотя бы раз в жизни посетить места захоронений своих родных, которых они потеряли во время принудительных работ.

Положительные эмоции. При всей сложности ситуации, смерти близких нередко позитивные события сообщали положительные оценки всему периоду. Анастасия Яковлевна Захарчук (1925): «Как-то все стабилизировалось, и я даже писала письма домой. Получала ответ. На рождество прислали мои посылку. А в этой посылке была бутылка самогонки. Я ее подарила бауэру. Как он был рад. И все хвалил. Так она ему понравилась». Она же одна из немногих сохранила фотоальбом с городскими видами и бодрым настроением. «...Фотографии в беспорядке. Стыдно. Я, между прочим, на дачу езжу, там хорошая женщина есть. Ей:

«Миленькая, куда мне девать? Ну куда мне их девать? Детям не нужно. Нужно сжечь». Так она: «Не сжигайте, они нужны еще для истории» (Рассматриваем фотографии). Это в Германии. Вот, видите, как меня наряжали» [8, с. 108]. Так, в сборнике «Украденное детство: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси» в рубрике «Они помогли жертвам нацизма» сами свидетели впервые представили для публикации сохраненные ими фотографии тех, кто был к ним по-человечески внимателен [6, с. 91–103; 129, 145–146, 241].

Типичный портрет. Дина Константиновна Семашко (1929), переживая все этапы принудительного труда в Германии, оценивает свое прошлое, потеряв родителей, умершего после ранений брата-партизана: «Я снова осталась одна. <...> Счастье быть дома, которого у меня нет». Нанесенная травма осталась в одиночестве. В память она сохранила свой знак «Ост», фотографию коллектива принудительных рабочих пороховой фабрики Гамбурга. Ее воспоминания характеризуются особым состоянием униженного рабским трудом человека, оторванного от родины, семьи и надеющегося на возвращение, встречу, продолжение семейной жизни [6, с. 171].

Вывод: В настоящее время в Беларуси в важном диалоге поколений участвуют лишь немногие из проживающих 8 тыс. бывших принудительных рабочих, узников нацистских лагерей на территории других европейских стран. Благодаря имеющимся воспоминаниям белорусские исследователи продолжают формирование летописи свидетельств трагических последствий германской оккупации периода Великой Отечественной войны [37].

ЛИТЕРАТУРА

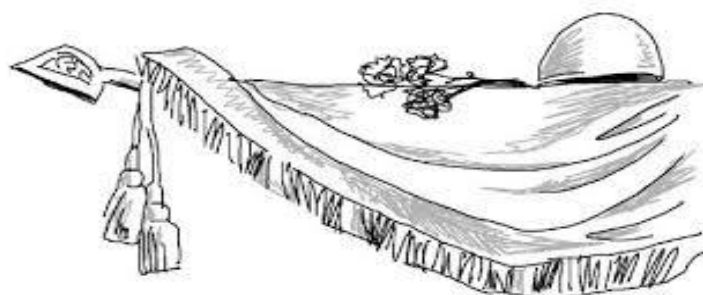
1. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация / П. М. Полян; Ин-т географии Рос. акад. наук (Москва), Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Грац-Вена). – Москва : Ваш выбор, ЦИРЗ, 1996. – 442 с.
2. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть совет. военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине / П. М. Полян ; Ин-т географии Рос. акад. наук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : РОССПЭН, 2002. – 894 с.
3. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы в 2 кн. – Кн. 1. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1942) / сост. Г. Д. Кнатько [и др.]. – Минск: НАРБ, 1996. – 304 с.

4. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы в 2 кн. – Кн. 2. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1943–1944) / сост. Г. Д. Кнатько [и др.]. – Минск: НАРБ, 1997. – 472 с.
5. Война и память 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / сост. А. И. Науменко, К. И. Козак. – Минск: Лимариус, 2015. – 204 с.
6. Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси / сост. Е. И. Люлькина; под ред. К. И. Козака. – Минск, 2009. – 264 с.
7. Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси, вып. 2, доп. и перераб. / сост. Е. И. Люлькина; под ред. К. И. Козака. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск, 2010. – 214 с.
8. Детство войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / сост. Л. А. Александренко, К. И. Козак, Т. А. Кузьмичева. – Минск, 2012. – 216 с.
9. Малолетние заложники войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / сост. Л. И. Щеникова, Г. И. Змушко, К. И. Козак. – Минск, 2012. – 264 с.
10. Тени Тростенца 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / Минский международный образовательный центр им. Йоханнеса Рау, Ист. маст. им. Л. Левина, ОО «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма Заводского района г. Минска». – Минск, 2015. – 45 с.
11. Трагедия и мужество партизанского края 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / сост.: К. И. Козак, И. А. Рипп, И. А. Щая-Зуброва. – Минск : Р. М. Цимберов, 2022.– 172 с.
12. Оstarбайтеры. Принудительный труд белорусского населения в Австрии. Документы и материалы – Ostarbeiter weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich; Dokumente und Materialien = Ostarbajtery. – Минск: Graz-Минск, 2003.– 332 с.
13. *Грыбаў, М.* Запіскі оstarбайтэра / М. Грыбаў. – Брэст: Акадэмія, 2005. – 227 с.
14. *Горячко, З. Д.* Я перед вами с памятью своей... / З. Д. Горячко; под ред. К. И. Козака. – Минск, 2014.– 61 с.
15. *Давыдова, Г. Р.* От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: док. повесть / Г. Р. Давыдова. – Минск: Четыре четверти, 2000.– 231 с.
16. *Нехай, О.* Ради жизни на земле / О. Нехай. – Минск: [б. и.], 2004.
17. *Nechai, O.* Gedanken in Erinnerung an mein Leben / O. Nechai. – Oranienburg, 2006. – 239 S.

18. Очищение: сборник статей / сост. Н. Полякова. – Минск: [б. и.], 2008. – 144 с.
19. Асколкі болю (успаміны былых вязняў фашызму Брэстчыны). – Брэст: выдавецтва С. Лаўрова, 1999. – 64 с.
20. Доля: Связь времен и поколений / ОО «Бывших узников фашизма Парт. р-на г. Минска», «Доля» / авт.-сост.: А. П. Лаврович, Р. А. Лаврович. – Минск, 2015. – 308 с.
21. На абпаленых крылах: кніга ўспамінаў непаўналетніх вязняў фашызму / укл.: Л. Г. Філатаў, Л. П. Раманенка, І. В. Бараноўскі. – Мінск: Кнігазбор, 2012. – 240 с.
22. Плач об украденном детстве: [воспоминания бывших узников] / Рогачевская гор. (районная) орг. ОО «Бел. асс. бывших несов. узн. фаш.». – Мінск : Кнігазбор, 2013.– 250 с.
23. Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання: [мат.міжн.нав.-практ.канф., 4 сак. 2005 г., Мінск / рэд. савет: В. Ф. Балакіраў [і інш.]. – Мінск : [б. в.], 2006.– 243 с.
24. Першая і Другая сусветная вайна: акупацыя і яе наступствы на Беларусі / адк. рэд-ры В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск : Гістарычная майстэрня, 2006.– 255 с.
25. *Гребень, Е. А.* Привлечение нацистской Германией граждан Беларуси на принудительные работы (1941–1944 гг.) / Е. А. Гребень: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 2005. – 19 с.
26. Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) : зб. нав. артыкулаў / Мін. адукацыі РБ, МДЛУ, Інст.гіст. НАН Бел. – Мінск, 2010. – С. 47–82.
27. *Новікаў, С. Я.* “Беларускія оstarбайтэры” ў Германіі: спроба навуковага аналізу / С. Я. Новікаў // Бел. археграфічны штогоднік. Вып. 3. – Мінск, 2002. – С. 237–242.
28. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук.) [и др.]. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 504 с.
29. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg, 1999. – 1234 p.
30. Белорусские оstarбайтеры: ист.-аналит. иссл. / Г. Д. Кнатько [и др.] / Под ред. Г. Д. Кнатько. – Минск: НАРБ, 2001. – 336 с.
31. Белорусские оstarбайтеры: угон населения Беларуси на принуд. раб. в Германию, 1941–1944: док. и мат.: в 2 кн. – Кн. 2: 1943–1944. – Минск: НАРБ, 1997. – 471 с.

32. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гомеля ў 2 кн. – Кн. 1. – Мінск: БЕЛТА, 1998.– 608 с.
33. НАРБ. Бел. штаб партизанского движения Ф. 1450. Оп. 2. ЕХ. 1384. Л. 14–23.
34. ЗГА в Пинске. Фонд отдела переселения и репатриации исп. ком. Пинского обл. Сов. деп. труд. Ф. 710. Оп. 1. ЕХ. 19. Л. 1–59.
35. *Борисова, А. В.* Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. – Минск, 2009. – 379 с.
36. *Гребень, Е. А.* Принудительный труд в Германии по воспоминаниям белорусских остарбайтеров / Е. А. Гребень // *Vesture: avotiuncilveki : proceedings of the 23th International Scientific Readings of the Faculty of Humanities. History XVII.* – Daugavpils : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgads «Saule», 2014. – С. 91–97.
37. *Козак, К. И.* Летопись памяти: места памяти в Беларуси и Европе // Народны летапіс Вялікай Айчыннай вайны: успомнім усіх! Кн. 1 / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі / склад.: А. М. Літвін [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука.

Часть 3.
БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА
В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ



ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ Ж. К. АЙДАРОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Н. Ж. Айдаров

Аннотация: В статье представлены архивные материалы музыканта Ж. К. Айдарова, участника первого исполнения в блокадном Ленинграде Симфонии № 7 Д. Д. Шостаковича. Освещается процесс подготовки легендарной премьеры 9 августа 1942 г., работа с дирижером К. И. Элиасбергом, быт и творческая жизнь оркестра Радиокомитета.

Ключевые слова: Симфония № 7; Д. Д. Шостакович; К. И. Элиасберг; блокада; письма.

JAVDET AIDAROV'S PERSONAL DOCUMENTS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF BESIEGED LENINGRAD

Summary: The article represents the materials from the archive musician of Jevdet Aidarov, a participant of the first performance of Dmitri Shostakovich's Seventh Symphony in besieged Leningrad. These materials elucidate the process of preparing the legendary première that took place on August 9, 1942, the musicians' collaboration with the conductor Karl Eliasberg, the everyday life and creative work of the Radio Committee Orchestra.

Keywords: Symphony № 7; Dmitri Shostakovich; Karl Eliasberg; the siege of Leningrad; letters.

«Каждый раз по пути в Ленинград на очередную годовщину исполнения Седьмой симфонии я невольно задумываюсь: “Боже! Неужели это было? Неужели истерзанные войной и голодом мы были способны достойно воспроизвести партитуру сложнейшего произведения?” Но, придя в белоколонный Большой зал филармонии, увидев там портреты Шостаковича и дирижера Элиасберга, обняв, увы, немногих коллег, уже не сомневаешься – было» [1, с. 42].

Приведенные строки, произнесенные Жавдетом Караматуловичем Айдаровым (1918–2000) во время одной из встреч со студентами⁴, воскрешали

⁴ В 1951 г. Ж. К. Айдаров закончил дирижерско-хоровое отделение Ленинградской консерватории, был дирижером Оркестра народных инструментов Читинского радиокомитета (1951–1952), художественным руководителем рабочей хоровой капеллы Ижорского завода (1954–1958), хормейстером карельского ансамбля «Кантеле» и главным хормейстером декады Карельского искусства в Москве (1958–1959), художественным руководителем ансамбля песни и танца Татарской республики (1959–1965), доцентом кафедры народных инструментов Казанской консерватории (1965–1975), директором Специальной музыкальной школы при Казанской консерватории (1969–1973), преподавателем Казанского музыкального училища (1975–1998).

в его памяти эпизоды блокадной эпопеи. Ему было трудно возвращаться к этой теме – невыразимо тяжелыми оказались пройденные испытания, – и все же он считал своим долгом рассказывать о подвиге ленинградцев – деятелей искусства, о легендарном городе-фронте, об исполнении Симфонии № 7 Д. Д. Шостаковича...

Великая Отечественная война застаёт Ж. К. Айдарова рядовым музыкантом на армейской службе в Образцовом оркестре Ленинградского военного округа. Он, как и все оставшиеся в городе, встает на его защиту: строит укрепления, становится членом МПВО (местной противовоздушной обороны), экспедитором. В письме к матери от 16 июля 1941 г. он пишет: «После объявления войны работаем как комендантская команда. Насчет отправки на фронт ничего не слышно пока» [2, с. 51]. Эта тема так и останется открытой – его не отправят на передовую, он станет «бойцом музыкального фронта».

В сохранившихся письмах Ж. К. Айдарова к родным почти всегда встречаются фразы «все в порядке», «жив и здоров», тогда как в реальности дела обстоят критически. Разумеется, в письмах из блокадного Ленинграда находим только воодушевляющие слова, самые общие сведения о жизни города, ибо вся корреспонденция проходит контроль военной цензуры. В этом отношении поразительна одна из прорвавшихся фраз в письме от 15 мая 1942 г.: «В Ленинграде идет почти нормальная жизнь, ходят трамваи, работают радио, телефоны. Вчера и сегодня был большой артиллерийский обстрел города». Страшные происшествия стали уже обыденностью. О многом музыкант будет молчать и поведает уже после окончания войны.

Из писем блокадных лет к отцу К. А. Айдарову и матери Л. Д. Динмухаметовой.

11 декабря 1941 г. «Мама. Я тебя еще попрошу выслать мне денег, мне нужно выкупить фотокарточки, которые я тебе могу послать. Деньги ужасно быстро расходуются. Ничего, мама, я расплачусь после войны, если буду жив и здоров. Пока что получаю 10 рублей, которые уходят в фонд обороны. Твое письмо получил, которое шло ровно два месяца и шесть дней».

17 января 1942 г. «Дорогая Мама! От тебя недавно получил письмо, на которое уже ответил. <...> Я сам пока жив и здоров. В каком положении находится Ленинград, ты наверно знаешь из газет».

5 февраля 1942 г. «Как, мама, я по тебе соскучился и как хочется видеть тебя, если бы я увидел тебя и поцеловал, я бы был самый счастливый»

человек на Земле. Я теперь убедился, что мать – это самое близкое и самое родное существо у человека, и тот самый счастливый человек, который имеет мать, не считая, какая она не есть».

11 февраля 1942 г. «Сегодня у нас радостный день, почти праздник: сегодня прибавили хлеба двести граммов, итого мы теперь получаем шестьсот грамм. Я просто хотел поделиться моей радостью с тобой. Сегодня позавтракал с двумястами граммами хлеба, набил полный рот хлеба и ощущал, что я ем хлеб. <...> В Ленинграде жизнь налаживается, к первому марта, думаю, что Ленинград будут обеспечивать продовольствием вполне нормально».

17 февраля 1942 г. «Я сам пока жив и здоров, себя начал чувствовать немножко лучше, но некоторая слабость организма еще осталась, тяжело с ногами, очень трудно ходить и ноги быстро устают, это, конечно, от недостатка жиров в организме. Надеемся на лучшее, когда будут выдавать больше жиров. Теперь я убедился, что никакой роскоши для Человека не нужно, что самое ценное – это питание. Теперь если буду я жив и здоров и жизнь будет такой же хорошей, как до войны, то буду все свои деньги, все-все-все тратить на питание».

7 мая 1942 г. «Праздничные дни в Ленинграде для меня прошли почти незаметно, даже праздничного настроения не было. Не знаю, почему это так, возможно, что это, может, и от погоды, хотя погода 1-го числа была изумительной, был солнечный теплый день, хотя вчера, то есть 6-го мая, опять шел снег и сегодня чертовски холодно, или это меня кровь не греет, или это осадок голодной блокады. Как хочется теперь быть где-нибудь на юге, где тепло. <...> Я по-старому нахожусь все на старом месте, но, будучи музыкантом, очень мало приходится заниматься по своей специальности. Работаю все время экспедитором. Сейчас, как пошли трамваи, стало легче для ног: не так уж устаешь и меньше приходится ходить».

15 мая 1942 г. «Я пока жив и здоров, но в эти дни чувствую некоторую усталость, особенно устают ноги, наверное, следствие нехватки жиров. Но ничего, скорее бы кончилась война; тогда я бы приехал к тебе и мы вместе копали огород и сажали овощи, в общем, наготовили бы столько продовольствия на зиму, что нам бы хватило до следующего урожая овощей. Купили бы рису, круп разных. Ты бы варила плов. О, как хочется попробовать плов, разные каши, я бы работал, в общем, голодные не сидели. Но, кажется, я размечтался о дальнейшей жизни, надо выйти из войны живым и невредимым, тогда все остальное будет».

27 мая 1942 г. «Дорогой Отец! Поздравляю с наступающим праздником первого мая. Может быть, это письмо дойдет как раз к этому сроку. Я пока жив и здоров, чувствую себя неплохо. В Ленинграде с 15 апреля заходили трамваи, пока еще не все маршруты, но все же они охватывают всю центральную часть города. После длительного перерыва трамвайного движения, когда я услышал визг трамвайных колес, охватило радостное чувство и показалось, что город проснулся после долгого сна. Ленинград приводится в порядок, везде наводят чистоту в домах, во дворах и на улицах и площадях».

Январь 1944 г. «Спешу написать тебе радость всех Ленинградцев с их освобождением от вражеской блокады, в которой Ленинград находился 15 месяцев. Когда сообщили о прорыве блокады, то не было конца ликования Ленинградцев. Люди плакали от радости, целовали друг друга» [3, с. 52–57].

Летом 1942 г. происходит знаменательное событие в его жизни. По радио объявляют призыв в оркестр Радиокomiteта для подготовки премьеры Симфонии № 7 Д. Д. Шостаковича под управлением К. И. Элиасберга. Ж. К. Айдаров, как и его друзья-соратники по военному оркестру, получает командировочную расписку и поступает «в распоряжение начальника Радиокomiteта». Начинается сложный этап подготовки премьеры симфонии.

Особую ценность представляет недавно обнаруженное в личном архиве нашей семьи интервью Ж. К. Айдарова, состоявшееся в середине 1980-х годов. (Публикуется впервые.)

Корр. Как фронтовая дорога привела вас в оркестр К. И. Элиасберга?

Ж. К. Знакомство с К. И. Элиасбергом произошло в 1939 г. на Ленинградском радио. В том году был создан Малый симфонический оркестр, который состоял целиком из артистов оркестра Театра оперы и балета им. С. М. Кирова, которым управлял дирижер С. О. Брэг. Оркестр еженедельно исполнял легкую музыку, классические оперетты и т. д. Видимо, меня заметили на радио, и однажды инспектор Большого симфонического оркестра – Алексей Романович Прессер – пригласил для участия в исполнении Фантастической симфонии Г. Берлиоза (в партии вторых литавр в IV части). На репетиции симфонии состоялось мое первое знакомство с К. И. Элиасбергом.

В 1940 г. я был призван на действительную службу в РККА в Образцовый оркестр Ленинградского военного округа. Когда началась война, как вы знаете, многие творческие организации и театры были эвакуированы. В городе остались только на радио Большой симфонический оркестр, Театр

музыкальной комедии и Театр им. М. Горького. В 1942 г., когда само-летом доставили в Ленинград партитуру 7 симфонии Шостаковича, в БСО осталось очень мало музыкантов. Многие умерли от голода, другие еле держались на ногах, если и играли, то только какие-нибудь маленькие ансамбли, а целиком исполнять большие симфонические полотна не могли. Возник вопрос, как исполнить симфонию? Тогда было принято решение собрать музыкантов из военных частей. Таким образом, и я был откомандирован вместе с моими товарищами из Образцового оркестра Ленинградского военного округа. Так произошла моя встреча уже в годы блокады с Элиасбергом, которая потом перешла в большую дружбу до самой кончины Карла Ильича. Он дважды приезжал в Казань, гостил у меня.

Корр. Как проходили репетиции?

Ж. К. Было очень голодно, холодно. Люди обессилены. Почти все музыканты жили в здании радиокомитета на казарменном положении. Все были солдатами МПВО. Во время налетов авиации дежурили на крышах и тушили зажигательные бомбы. Репетировали в день 3 раза. Репетировать подряд 3–4 часа не было сил. Губы у духовиков, руки у музыкантов плохо подчинялись музыке. Репетировали в 3 приема понемногу. Но К. И. Элиасберг – дирижер требовательный, строгий, хотя сам тоже обессиленный, похожий на вопросительный знак – умел добиваться чистого звучания и верного интонирования.

Корр. Какова реакция ленинградцев, слушавших симфонию?

Ж. К. Реакция самая радостная. Исполнение 7 симфонии для ленинградцев означало победу, означало мужество, торжество. После появления афиш билеты были быстро распроданы. В зале много было военных, рабочих Кировского завода, много интеллигенции, знаменитые писатели. После исполнения слушатели устроили овации дирижеру и оркестру, маленькая девочка преподнесла К. И. Элиасбергу букетик цветов. Об исполнении 9 августа 1942 г. 7 симфонии Шостаковича художественно убедительно писали Алексей Толстой, Николай Тихонов, Ольга Берггольц, Евгений Петров.

Хочу вам рассказать об одном важном факте, о котором я узнал лишь недавно. В 1982 г. в сентябре я был приглашен в Ленинград на встречу по случаю 40-летия первого исполнения 7 симфонии Шостаковича. Не буду говорить о радостных встречах, полных слез. Здесь нас, музыкантов, познакомили с группой воинов-артиллеристов. Мы не знали о приказе командующего Ленинградским фронтом – обеспечить 80 минут тишины для исполнения произведения. Артиллеристы до начала концерта подавили вражеские батареи, а авиация дежурила, не допуская вражеские самолеты

на Ленинградское небо. Воины Советской армии приложили свое мастерство, чтобы прозвучало новое произведение, посвященное мужеству ленинградцев.

Вот этот факт сам по себе уже говорит о значимости 7 симфонии Шостаковича.

Корр. Чем вы объясните, что 7 симфония Д. Д. Шостаковича так быстро обошла мир?

Ж. К. Мне кажется, как я понимаю, Д. Д. Шостакович жил событиями страны, переживал все вместе с народом. В его гениальной симфонии переданы в I части и радость мирной жизни, и трагедия войны; все выражено с большой художественной убедительностью [4].

Ж. К. Айдаров трепетно относился к выдающемуся дирижеру К. И. Элиасбергу, который в критический момент спас ему жизнь. Это был, пожалуй, один из самых ярких, драматических эпизодов блокадной эпопеи, навсегда врезавшихся в память Жавдета Караматуловича:

«Во время одной репетиции я голодный, обессиленный, упал в обморок. Очевидно, меня приняли умершим и отнесли в соседнюю со студией комнату (туда относили умерших).

Элиасбергу сообщили, что я умер, и он зашел в комнату, где я лежал без признаков жизни. Вдруг чуткое ухо дирижера уловило еще слышимый звук дыхания. “Да ведь он жив! – воскликнул Карл Ильич. – Слышите, – он дышит!”» [2, с. 51.]

Юного ударника вернули в строй. Дополнительный кусочек хлеба дал ему силы. Он остался среди оркестрантов и впоследствии принял участие в премьеры Симфонии № 7.

И в дальнейшем, уже после окончания Великой Отечественной войны, Ж. К. Айдаров бескорыстно продолжал служить родному искусству, многие силы отдал педагогической работе, стал известным деятелем культуры Поволжья. Он всегда оставался истинным интеллигентом, для которого высокие нравственные принципы были неотъемлемой частью всей жизни, важной составляющей облика музыканта-профессионала.

В заключении одного из выступлений перед молодыми музыкантами Ж. К. Айдаров сказал:

«Мне часто задают вопрос: “Как Вы исполняли Седьмую симфонию Шостаковича? Вы же были все обессиленные?” С тех пор прошло более 40 лет. Естественно, многие детали стерлись из памяти. Но одно незабываемо: чувство радости от того, что наш симфонический оркестр живет, что слушать нас пришли Ленинградцы – самые стойкие люди страны, –

и чувство ненависти к фашизму. Эти два чувства наполняли нас несказанной силой. Скажу со всей ответственностью, что мы играли неплохо. Симфония звучала убедительно. Всем известна истина: судьба произведения, его будущее – в руках исполнителей. Мы донесли до слушателей изумительное содержание симфонии Шостаковича. <...>

Из пережитого делаю один вывод: велика сила музыки. Она объединяет людей, она поднимает людей на подвиг. Если бы мне предложили заново начать жить, заново выбрать себе профессию, я остался бы верен музыке. Стал бы музыкантом, но приложил бы все свои способности быть еще лучшим» [1, с. 48].

Имя Ж. К. Айдарова навсегда осталось связано с городом на Неве. Он стал ленинградцем, потому что это звание дается не только по месту рождения, но и по степени включенности в духовный контекст города. В служении музыке он нашел свое призвание. И этот путь оказался для него спасительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдаров, Н. Ж.* Служение музыке: страницы воспоминаний Ж. К. Айдарова / *Н. Ж. Айдаров* // Musicus. 2012. № 1 (29). – С. 42–48.
2. *Айдаров, Н. Ж.* Боец музыкального фронта // Дилетант, 2022, № 081, сентябрь. – С. 50–53.
3. *Айдаров, Н. Ж.* Блокадная эпопея Ж. К. Айдарова: письма из города-фронта / *Н. Ж. Айдаров* // Musicus, 2015, № 3 (43). – С. 50–57.
4. Интервью Ж. К. Айдарова. Рукопись. // Личный архив Н. Ж. Айдарова.

**«ХРАНЮ, КАК РЕЛИКВИЮ, ПОЖЕЛТЕВШИЙ ЛИСТОК
ТЕХ ДАЛЕКИХ БЛОКАДНЫХ ДНЕЙ». ПАМЯТЬ ОБ ЭВАКУАЦИИ
В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ЭГО-ДОКУМЕНТАХ ОТДЕЛА
РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ**

Ю. З. Кантор

Аннотация. В статье анализируются и вводятся в научный оборот документы личного происхождения, дающие возможность реконструировать эмоционально значимые эпизоды эвакуации из Ленинграда. Этот массив материалов, хранящийся в Отделе рукописей РНБ, позволяет услышать «голоса блокады».

Ключевые слова. Ленинград; блокада; голод; эвакуация; вокзал; Ладожское озеро; дневники; воспоминания.

**«I KEEP, AS A RELIC, A YELLOWED LEAF OF THOSE DISTANT
BLOCKADE DAYS». THE MEMORY OF THE EVACUATION IN
UNPUBLISHED EGO DOCUMENTS OF THE MANUSCRIPTS
DEPARTMENT OF THE RUSSIAN NATIONAL LIBRARY**

Annotation. The article analyzes and introduces into scientific circulation documents of personal origin, which make it possible to reconstruct emotionally significant episodes of evacuation from Leningrad. This array of materials stored in the Department of Manuscripts of the RNB allows you to hear the “voices of the blockade”.

Keywords. Leningrad; blockade; famine; evacuation; railway station; Lake Ladoga; diaries; memoirs.

Тема эвакуации из Ленинграда в годы Великой Отечественной войны является одной из наиболее востребованных в современном дискурсе изучения блокады. Сохранившиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки неопубликованные материалы – дневники, воспоминания и другие документы личного происхождения – дают возможность реконструировать сюжеты, связанные с эвакуацией из Ленинграда, рефлексией на нее. Они являются эмоциональным и при этом фактологически значимым материалом для научного анализа. Введение их в научный оборот становится актом сохранения памяти об их создателях – эвакуируемых, сотрудниках транспортной милиции, водителях легендарных «полуторок», пересекавших Ладожское озеро, публицистах. А, следовательно, – возможностью укрепления исторической памяти и передачи ее будущим поколениям.

«Храню, как реликвию, пожелтевший листок тех далеких блокадных дней, где своей рукой записала всех своих родных:

36 лет – мама умерла 3 мая 1942 года в 9 часов 30 минут;

14 лет – Коля умер 29 марта 1942 года в 7 часов утра;

10 лет – Валя умерла 31 марта 1942 г. в 4 часа вечера;

8 лет – Тоня умерла 1 февраля 1942 года в 4 часа вечера;

5 лет – Толя умер 15 мая 1942 года;

5 лет – Люся умерла 22 февраля 1942 года в 2 часа ночи;

3 года – Вова умер 26 мая 1942 года» [1, л. 17], – этот страшный документ, по глубине трагизма подобный всемирно известному дневнику Тани Савичевой, до сей поры находится в одной из папок «блокадного» фонда РНБ. Его автор передала рукописные воспоминания в библиотеку еще в 70-х гг. Это голос блокадного ребенка, к счастью, пережившего войну: «Когда началась эвакуация предприятий, мы тоже могли выехать с фабрикой «Красная нить», там работал отец, но мама не решилась ехать с нами одна: что, говорит, я там буду с ними делать одна, да и ты тут без нас умрешь». Вот так и остались» [1, л. 5]. Из всей семьи до победы дожила только автор воспоминаний. К эвакуации поначалу многие ленинградцы отнеслись без малейшего энтузиазма. Но городу, к черте которого стремительно приближалась линия фронта, предстояла «разгрузка» – здесь должны были остаться только те, кто работал на нужды обороны. И еще до блокады эвакуация началась.

Московский вокзал принял на себя всю тяжесть первой, доблокадной, массовой эвакуации. В каждом эшелоне уезжало по 1500–2000 человек, отправлять старались по несколько эшелонов в день [2, л. 3–4]. «Залы ожидания, дворы прибытия и отправления поездов – все было забито людьми и вещами. Настроение у всех было тяжелое: враг приближался к родному городу, нелегко было расставаться с местом, где долгие годы протекала мирная, счастливая, трудовая жизнь. Люди нервничали, томились тревогой, неизвестностью» [2, л. 3].

Труднее всего было организовать посадку, поддерживать порядок, бороться с кражами в таком человеческом потоке: «Весь состав дорожной милиции московского вокзала – 150 человек – был брошен на эту работу. Двести курсантов милицейской школы были даны им в помощь» [2, л. 3]. На вокзале посадка шла сразу с нескольких платформ. «Вот тут и нужно было не дать проскользнуть вору, пользовавшимся таким огромным движением» [2, л. 4].

Ночью старались разгрузить вокзал и все платформы. Каждую минуту могли налететь немецкие самолеты, нельзя было держать массы людей в поездах на главных путях. У работников вокзалов и дорожной милиции к этому времени был уже тяжкий опыт эвакуации людей под бомбардировкой, который они приобрели на станциях Октябрьской железной дороги, откуда тоже двигался поток отъезжающих. Эти поезда подвергались бомбежке и при посадке, и в пути следования. «Дорожные милиционеры приняли здесь свое боевое крещение. Сопровождая поезда, они брали на себя охрану безопасности людей и вагонов. Сколько раз, забывая об опасности, грозившей их собственной жизни, расцепляли они горящие вагоны, тащили из них людей, перевязывали раненых, рассредоточивали пассажиров, направляли их в лес, подальше от опасного в эти минуты железнодорожного полотна» [2, л. 5].

Зимой люди, ослабевшие от голода и холода, пешком отправлялись через весь город на вокзал, чтобы нести службу. Нередко им приходилось идти с Московского на Финляндский вокзал ночью по замершему городу, в напряженной тишине города-фронта, перманентно прерывавшейся бомбежками и обстрелами. И ни одного случая неисполнения приказа или ухода дорожных милиционеров с поста зафиксировано не было. [2, л. 8].

«Самым тяжелым временем в период ладожской эвакуации было самое ее начало – зимой, – вспоминала блокадница Р. Д. Мессер. – Сколько раз, явно оповещенные кем-то, немцы начинали сильный артиллерийский обстрел в самый разгар посадки. Бывало, во время такого огневого налета на небольшой участок, где скапливались эшелоны, падало один за другим до двадцати осколочных снарядов» [2, л. 15]. Не меньшую опасность представляли и регулярные артиллерийские обстрелы: карты у немцев были, участки железных дорог им хорошо известны, пристреляли местность они также довольно быстро. Вокзалы, депо, водоемные сооружения, крупные станции и мосты были целью люфтваффе.

В РНБ хранится эпическое эссе-воспоминание о работе ледовой трассы через Ладогу – Дороги жизни. «По этой дороге обширные заводы перевозились вглубь страны, чтобы там они жили полной жизнью, недостижимые для бомб и снарядов. По этой дороге десятки тысяч обессиленных лишениями граждан переправлялись в города родной страны, чтобы там они отдохнули, подкормились, окрепли. В холодную ноябрьскую ночь сорок первого года вышли на ладожский лед защитники Ленинграда, чтобы проложить эту дорогу. За их плечами был темный, голодающий, мерзнувший город, кругом – кольцо вражеских войск, впереди – родная страна. Весь запас пищи у каж-

дого состоял из 150 г сухарей. Вражеские самолеты летали над ними, бросали бомбы на лед и посылали в них пулеметные очереди. Люди шли, отмечая вехами путь, по которому понесутся колонны автомашин и потянутся конные обозы» [3, л. 2].

В материале содержатся и конкретные факты, характеризующие повседневность тех, кто работал на Дороге жизни, и дающие возможность предположить, почему этот очерк, вероятно, не был опубликован. «Пищью в первые дни были убитые обстрелом лошади. На снежной равнине озера, у каменного порога островка, чернели вмержшие в лед машины. Это были пионеры дороги. Они затонули в те первые ночи и дни, когда тонкий осенний лед трещал и ломался» [3, л. 3].

«Дорога» в те ноябрьские ночи и дни была громадным полем серого льда с белыми и черными пятнами в тех местах, где лед зажал воду. И на этом громадном ледяном поле «не было иных ориентиров, кроме невидимых во мраке тонких палочек – вех, расставленных на расстоянии 50-ти м друг от друга, да гаснувших на ветру фонарей, да регулировщиков, простуженными голосами кричавших в темноту шоферам невидимых машин: “Стой, здесь трещина!”» [3, л. 4].

В декабре ледяной путь стал настоящей трассой – полоской, по которой едут машины. По сторонам его появились дорожные знаки: поворот, восклицательный знак, выросли километровые столбы и столбы-указатели направления дороги» [3, л. 5].

В феврале 1942 г. началась вторая массовая эвакуация населения из Ленинграда. Уезжали женщины с детьми, старики, инвалиды. Город, продолжавший борьбу, должен был избавить от предстоящих испытаний всех, кто не был необходим обороне. Уезжающим нужно было помочь отправиться организованно, не теряя лишних сил. Люди уезжали на машинах через Ладогу. В пути дорожная милиция всячески оберегала уезжающих от краж. А кражи возможны были, и начинались они уже на месте отправления, на самом Финляндском вокзале. Были они самые разнообразные. На вокзале люди выкупали хлеб и продукты в дорогу. «И тут, бывало, набрасывался какой-нибудь грабитель и, рывком выхватив продукты, убежал. Это была кража явная, элементарная. Но бывали кражи и посложнее. Воры проникали в состав проводников на Финляндскую дорогу и организованной шайкой раскрадывали вещи у пассажиров» [2, л. 11–12]. Все надежды были на транспортную милицию – к ее сотрудникам обращались за помощью, которая хоть и была действенной, но все же не могла в полной мере защитить от злоумышленников. «Из тридцати восьми человек, направленных в первые

дни этой [зимней. – Ю. К.] эвакуации на Финляндский вокзал, только двенадцать были работоспособными, физически неистощенными» [2, л. 15]. 38 человек, даже если бы они были в отличной физической форме, то что могли они сделать в переполненном вокзале, с его эвакуационным хаосом... Основным местом, куда было приковано внимание дорожной милиции, – была станция Ладожское Озеро. Здесь происходила перегрузка с машин в вагоны и открытые платформы [2, л. 12]. «На Финляндском вокзале, перед посадкой в поезд, нам дали на дорогу по буханке хлеба и миску овсяной каши. Как только поезд тронулся, я принялась за еду. И, пока мы ехали до Ладожского озера, я съела всю кашу и целую буханку хлеба [5, л. 14]. Мне было настолько плохо, что я потеряла сознание. Рядом сидела моя тетья, а на руках у нее была Аллочка, которая тоже переела, но тихим голосом говорила: “Мама, дай мне еще хлебца.”». [4, л. 15].

Ледовая трасса пропускала теперь в сутки до двух с половиной тысяч машин. Защитники Ленинграда сделали лед Ладожского озера первоклассной дорогой, дорогой союзного значения [4, л. 8]. «Мы учили их не думать о том, что под машиной трещит лед. Мы учили их думать о том, что за ними Ленинград» [3, л. 13].

В конце марта переправляться через озеро на автомобилях стало невозможно – лед растаял. Возобновилась переправа водным транспортом. «Передвигаться я могла, только опираясь на лыжные палки, – вспоминала ленинградка, девочкой эвакуированная летом 1942 г. – На пароход нам помогали садиться моряки... большинство из нас было – маленькие дети. Моряк взял меня на руки. Посадил на какой-то ящик, привязал к стойке шарфом, улыбнулся и сказал: “Возвращайся здоровой”. Своей улыбкой он вселил в меня искру жизни» [4, л. 15].

В конце августа 1942 г. на Ладоге начались штормы. Переправа нередко задерживалась на несколько дней. На берегу в ожидании конца шторма скапливалось до 35 эшелонов – тысячи людей [2, л. 14–15]. И именно в такие дни бомбардировки люфтваффе были особенно массированные. «Сколько раз, явно оповещенные кем-то, немцы начинали сильный артиллерийский обстрел вокзала и платформ в самый разгар посадки» [2, л. 15].

Они обстреливали изможденных женщин и детей, пльвших на открытых баржах. «Когда наш пароход отплыл далеко от берега, то мы увидели на воде крышку от чемодана, а на ней зацепилась белая панамка. Кроме того, на воде плавали деревянные обломки, мячик и другие вещи. Моряки нам сказали, что здесь недавно был потоплен пароход с эвакуированными» [4, л. 15].

Достигнув на восточном берегу Ладожского озера населенных пунктов Кобона и Лаврово, со станции Жихарево, эвакуируемые отправлялись далее по Северной железной дороге в многодневное изнурительное путешествие к месту назначения. «На каждой стоянке из эшелона выносили мертвых и тяжело больных» [4, л. 16].

Сотням тысяч ленинградцев, добравшихся до регионов, принимавших их, эвакуация спасла жизнь, дала возможность (пусть и в весьма непростых условиях) прийти в себя, окрепнуть, встать на ноги в прямом и переносном смысле. Многие считали места эвакуации «своей второй родиной», где они «потихоньку оживали» [1, л. 12]. Но, «потихоньку оживая», считая места эвакуации «своей второй родиной», они – взрослые и маленькие – сохранили любовь к родному городу, мечтали туда вернуться: «Мы очень скучали по Ленинграду. Все наше желание было: хлеб и Ленинград» [1, л. 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленцман (Иванова), Е. Н.* Воспоминания о войне: рукопись / Е. Н. Ленцман (Иванова) // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 1273. Д. 13.
2. *Мессер, Р. Д.* На рельсах, на вокзалах: очерк о работе ж/д милиции во время ВОВ [1944]: рукопись / Р. Д. Мессер // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 552. Д. 122.
3. *Хмельницкий, С. И.* Дорога жизни. Рассказ: рукопись / С. И. Хмельницкий // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 709. Оп. 2. Д. 307.
4. *Чурилова, В. В.* Детские воспоминания о войне и блокаде: рукопись / В. В. Чурилова // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 1273. Д. 13.

**«...ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ В ВОЗМОЖНОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ДВОРЦА И СОДЕЙСТВОВАТЬ ЭТОМУ ВОССТАНОВЛЕНИЮ...».
ДОКУМЕНТЫ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ТУРОВЫХ**

В. Ф. Плауде

Аннотация: Тема эвакуации музейных ценностей из пригородных дворцов Ленинграда достаточно изучена. Существует ряд серьезных изданий, выпущенных музеями и частными лицами, посвященных этой странице Великой Отечественной войны, в которых подробно освещены трудности, связанные с сохранностью национального достояния в этот тяжелый период. Однако значительный пласт источников личного характера, имеющих фактологическую ценность, не введен в научный оборот. Данная статья построена на личных письмах В. В. Лемус к Е. Л. Туровой из Сарапула, где в 1941–1945 гг. находились произведения искусства из дворцов-музеев г. Пушкина. Документы, хранящиеся в личном архиве семьи Туровых, освещают вопросы эвакуации с неофициальной стороны, что является важным моментом в изучении этой темы.

Ключевые слова: Воспоминания; личные письма; музейные ценности; пригородные дворцы; эвакуация.

**«... I WANT TO BELIEVE IN THE POSSIBILITY OF RESTORING
THE PALACE AND CONTRIBUTE TO THIS RESTORATION...».
DOCUMENTS OF THE FAMILY ARCHIVE OF THE TUROVS**

Annotation: The evacuation of museum valuables from the Leningrad suburban palaces has been sufficiently studied. There are a number of serious publications issued by museums and individuals that are dedicated to this page of the Great Patriotic War. However, a significant layer of personal sources with factual value has not been introduced into scientific circulation. They cover in detail the difficulties associated with the preservation of the national heritage during this hard period. This article is based on the personal letters of V. V. Lemus to E. L. Turova from Sarapul, where the pieces of art from Pushkin palaces-museums were stored in 1941–1945. The documents from the personal archive of the Turov`s family cover the issues of evacuation from the unofficial side, which is very important in the study of this theme.

Keywords: Memoirs; personal letters; museum valuables; suburban palaces; evacuation.

Тема эвакуации музейных ценностей из пригородных дворцов Ленинграда достаточно изучена. Существует ряд серьезных изданий, выпущенных музеями-заповедниками «Царское Село», «Павловск», «Петергоф», посвященных этой теме, а также напечатанные в 2020 г. «Сохраняя наследие» (г. Новосибирск) и «Особый груз» (г. Сарapul), в которых подробно освещена тема эвакуации экспонатов в годы Великой Отечественной войны в эти города. Данная статья построена на воспоминаниях и личных письмах В. В. Лемус (рис. 1) к Е. Л. Туровой (рис. 2), которые хранятся в архиве семьи Туровых и освещают тему эвакуации не с официальной стороны.



Рис. 1. В. В. Лемус



Рис. 2. Е. Л. Турова

По воспоминаниям И. Л. Гириной-Сомовой – сестры научного сотрудника, хранителя архитектурных сооружений дворцов-музеев и парков г. Пушкина Е. Л. Туровой, – последним указанием райкома партии для оставшихся научных сотрудников-коммунистов было не покидать города при вступлении немецких частей, чтобы предотвратить гибель невывезенных музейных ценностей. Предписано объяснить немцам, что работники дворца – люди нейтральные, чуждые войне и политике, их единственная задача состоит в том, чтобы не пострадали памятники культуры. Когда уже шли бои за парк, кто-то, знавший об этих указаниях, успел предупредить: «Уходите немедленно! В Слуцке [так до 1944 г. назывался Павловск. – В. П.] всех коммунистов вешают на фонарях...». [1, с. 2].

С собой в осаждаемый город из оставленных домов взять не успели практически ничего. И. Л. Гириная, уехавшая в Ленинград немногим раньше, вспоминала: «Мы торопились, сказали брать с собой все необходимое. Поискав глазами вокруг, я взяла мамину шерстяную кофту и Лешины кубики» [2, с. 2].

Е. Л. Турова, В. В. Лемус и Т. Ф. Попова [3, с. 2] покинули Пушкин 16 сентября, накануне начала оккупации города. В этот день они пришли в Исаакиевский собор. Тема эта достаточно изучена, хочется только отметить, что с сотрудниками, работающими в соборе (в то время – Антирелигиозный музей) [4, с. 2], прожили до лета 1942 г. дети: Гарик и Рита (дети Вейсов, сотрудников Павловска); Леша Туров, сын Евгении Леонидовны Туровой; Витя Максимов, племянник Екатерины Васильевны Абрамович. Алексей Алексеевич Туров, ныне покойный, вспоминал, что никакие уговоры не могли заставить детей, уже теряющих интерес к жизни, двигаться, тогда им поручали работу – разгребать снег. Только это приводило к желаемому результату [5, с. 2].

«Служащие» карточки на хлеб передавались по наследству – от сотрудников, уехавших в эвакуацию, тем, кто остался. В. В. Лемус выехала из осажденного города в марте 1942 г. с огромным трудом. Существует официальная историческая справка, написанная Верой Владимировной, (до 1972 г. возглавлявшей научный отдел Екатерининского дворца), в 1980 г., по памяти, но ее письма к Е. Л. Туровой, с которой их связывала крепкая дружба, – особая страница, помогающая понять и увидеть эвакуацию с другой, неофициальной стороны (рис. 3).



Рис. 3. Конверт с почтовым адресом Е. Л. Туровой

В Сарапуле Вера Владимировна хранила экспонаты Екатерининского дворца-музея, как говорила она сама: «...190 посадочных мест», – но попала она в хранилище не сразу. Первоначально ее, больную и истощенную, отправили в Горьковскую область, в г. Дзержинск, и в первых письмах к Евгении Леонидовне, описывая условия жизни, она упоминает, что еще слишком больна и обессилена. Через две с половиной недели Нина (родная сестра В. В. – В. П.), забрала ее в деревню, в 20 км от Горького, где в тот

момент находилась в эвакуации. Рассказывая в письме от 8 апреля 1942 г. о жизни в деревне, В. В. отмечала: несмотря на то, что последние 10 дней у нее появилась большая работоспособность, идеологическая сторона жизни только начала вылезать на первый план и, прежде всего, выявлялась, кроме чтения, «...в желании работать – с одной стороны, и в обострении грусти – с другой» [5, с. 3].

Музейным работником, научным сотрудником Ленинградского хранилища музейных фондов, В. В. стала только с июня 1943, больше года проработав в Горьковской области, как она писала, «в сельском хозяйстве».

В одном из первых Сарапульских писем Е. Л. Туровой В. В. раскрыла свое отношение к эвакуации, которая была мерой необходимости для нее, так как еще 3 недели в Дзержинске она боролась со смертью: «... истинное содержание слова «эвакуация» может быть понято только тем, кто имел счастье купить себе жизнь за такую высокую цену. По собственному опыту и по впечатлениям от писем, могу сказать, что и в Горьковской области, и в Сарапуле, и в Новосибирске, и в Ленинске-Кузнецком, и в Джамбуле, и решительно везде эвакуированные переживают одни и те же чувства, но все «несчастливы по-своему» [5, с. 3].

В Горьком В. В. была рабочим и мечтала об интеллигентном труде и соответствующем окружении. В музейном деле в Сарапуле ей все казалось важным, интересным и прекрасным («...впрочем, и теперь продолжает казаться» – из письма), но, по ее словам, тогда она не могла представить, что у других может быть иное настроение, что прекрасное можно потопить в мелочах, что трудности и гадости в работе можно создавать в тихом углу, где нет ни бомб, ни снарядов, где такая работа, как у них, могла бы служить источником большой радости. Для В. В., например, такая работа, как вскрытие ящиков, всегда представляла большой интерес и напоминала «подарки с сюрпризами», особенно в тех случаях, когда к ящикам не было паспортов. С теплотой она вспоминала коллектив пушкинских дворцов, где главным было общее увлечение делом, общая «...не то что любовь, а страсть к дворцам и “садам прекрасным”».

В Сарапуле, как и в Новосибирске, велась непрерывная работа с художественными ценностями: распаковка ящиков и составление актов о наличии и сохранности вещей, их санитарная обработка, обеспечение в хранилище нормального режима температуры и влажности. Для проведения специальных реставрационных работ в Сарапуле не было условий (в отличие от Новосибирска), но профилактическая обработка предметов проводилась систематически, так как использованное при упаковке сено оказалось плохо просушенным и потребовалась срочная борьба с коррозией и очистка от ржавчины металлических экспонатов.

В каждом письме В. В. выражает недовольство политикой Михаила Александровича Легздайна [5, с. 4], считая его распоряжения своевольными и необоснованно жесткими, а заботу о сохранности музейных ценностей – своеобразной. (М. А. Легздайн, с 1942 по 1945 гг. – директор Центрального хранилища музейных фондов ленинградских дворцов-музеев в г. Сарапул).

Так, в темный осенне-зимний период для усиления охраны здания, которое круглосуточно охранялось постовым и на втором этаже которого находилась директорская квартира с телефоном, были введены дежурства музейных хранителей в канцелярии, что явилось для всех тяжелой и, по существу, ненужной работой.

Приказы по хранилищу, пересылаемые вместе с отчетами в Главное управление культуры Ленинграда, часто воспринимались как курьезные анекдоты: например, приказ «О возложении обязанностей по ловле мышей в хранилище на старшего научного сотрудника Н. И. Васильеву». Но тем, на кого возлагались эти приказы, было трудно.

В письме от 30 января 1944 г., В. В. поздравляет сотрудников, оставшихся в Ленинграде, с великим праздником – «...освобождением от обстрела и занятий наших пригородов» – и сообщает, что директор 24 января уехал в Ленинград, и теперь она исполняет его обязанности. «Момент довольно трудный – лошади, которые должны были возить дрова для хранилища, сбежали. 4 человека из штата были наняты на «скорую руку» перед самым отъездом барина и оказались тут всякие подозрительные...». Вместе с тем, она отмечает, что их стычки с Легздайном носили принципиальный характер, а лично он оказал ей много услуг, и переживает, удастся ли ей вернуться в Ленинград, так как в разговоре с директором она выразила это желание. О трудностях работы хранилища в этот период говорят строки из письма В. В. Лемус: «...Работников у нас мало, а дела ужасно много. При хорошем директоре работа могла бы быть очень интересной – создавать образцовое хранилище (!). Страшно не хватает ученых, консультантов и книг...» [6, С. 4]

Решение Ленсовета о эвакуации музейных ценностей приняли 25 июля 1945 г. Оно было связано с определенными трудностями: требовались упаковочные материалы, ремонт старых ящиков и изготовление новых и т. д. В этот период сестра В. В. Лемус, Нина Владимировна, была откомандирована в Москву, в результате чего отгрузили большую партию ящиков, переданных Третьяковской галереей, уже возвратившейся из Новосибирска. В. В. в то время руководила работой коллектива сотрудников в Сарапуле, М. А. Легздайн находился в Ленинграде [5, с. 4]: «Не имея необходимого опыта работы административно-хозяйственного плана, я была

встревожена свалившейся на меня ответственностью... И вот, разговаривая с директором завода пиломатериалов в Ижевске, я вдруг заметила, что не узнаю свой голос: так изменился он, когда выяснилось, что завод останавливается на два месяца... Нельзя закрывать завод сейчас! – взволнованно кричал в трубку мой новый голос. – Есть указания правительства! Вагоны бронированы! Ленинград ждет! И т. д и т. п. Не знаю, добились ли мы толку без помощи руководящих сарапульских организаций, но все устроилось так, как было нужно» [7, с. 4].

Первые пять вагонов были отправлены в Ленинград в конце октября 1945 г. в сопровождении старшего научного сотрудника И. Д. Карпович [7, с. 5]. Остальной груз вывезли в декабре 1945 г. В этом эшелоне ехали все сотрудники музейного хранилища, связанные с Ленинградом. Товарный поезд с 30 вагонами, заполненными ценным музейным грузом, прибыл на станцию Детское Село 25 декабря. Разгружали ящики и перевозили на машинах в Александровский дворец пленные немецкие солдаты.

С этого времени начинается новый этап в жизни пригородных ленинградских дворцов. В 1959 г. после проведенных восстановительных работ открылись первые залы Екатерининского дворца, и многие спасенные в войну шедевры вернулись на свои исторические места. Сохранить это национальное достояние в условиях военного времени оказалось делом очень сложным, поэтому оправдана наша гордость за то поколение музейных работников, которые в далекие 40-е смогли сберечь его для потомков. Эти люди относятся к истинным подвижникам музейного дела, которым пришлось не только хранить уникальные экспонаты из императорских дворцов, но спасти их в годы войны. Имена В. В. Лемус и Е. Л. Туровой, на основе личной переписки которых построена эта статья, а также всех остальных сотрудников, неразрывно связаны и с возрождением ансамбля пушкинских дворцов и парков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здесь и далее устные воспоминания И. Л. Гиринской-Сомовой. Записаны племянницей Ирены Леонидовны, Е. А. Туровой.
2. Леша, сын Е. Л. Туровой, племянник И. Л. Гиринской.
3. Из воспоминаний В. В. Лемус.
4. Устные воспоминания А. А. Турова.
5. Из архива семьи Туровых.
6. М. А. Легздайн, воспоминания.
7. Из воспоминаний В. В. Лемус

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ ЛЕНИНГРАДА В ДНЕВНИКАХ 1941–1943 гг.

Д. Ю. Асташкин

Аннотация: Статья исследует тему эвакуации детей Ленинграда на примере дневников. В частности, автор изучает эмоциональное отношение ленинградцев ко всем волнам эвакуации детей. Критические оценки первой эвакуации 1941 года в Ленинградскую область (без матерей) содержатся минимум в 10 процентах дневниковых записей. С 10 августа 1941 г. в Ленинграде началась принудительная эвакуация матерей с детьми. Власть подчеркивала, что августовская эвакуация детей будет эффективней первой эвакуации, что пункты назначения значительно удалены от фронта. Эвакуация матерей с детьми оборвалась к концу августа 1941 г. из-за движения фронта, списки эвакуированных были отложены. Эта вынужденная пауза некоторым принесла фаталистическое успокоение. С ноября 1941 г. тема эвакуации опять была поднята властью. Страдания в городе изменили отношение ленинградцев к эвакуации.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Ленинград; эвакуация; нацизм; дети; дневники; эго-документы

THE EVACUATION OF LENINGRAD CHILDREN IN THE DIARIES OF 1941–1943

Summary: The article explores the theme of the evacuation of the children of Leningrad on the example of diaries. In particular, the author studies the emotional attitude of Leningraders to all waves of evacuation of children. Critical assessments of the first evacuation in 1941 to the Leningrad region (without mothers) are contained in at least 10 percent of diary entries. On August 10, 1941, forced evacuation of mothers with children began in Leningrad. The authorities emphasized that the August evacuation of children would be more effective than the first evacuation, that the destinations were far from the front. The evacuation of mothers with children was interrupted by the end of August 1941 due to the movement of the front, the lists of evacuees were postponed. This forced pause has brought fatalistic reassurance to some. Since November 1941, the topic of evacuation was again raised by the authorities. The suffering in the city changed the attitude of Leningraders towards the evacuation.

Keywords: World War II; Leningrad; evacuation; Nazism; children; diaries; ego documents

В экстремальных условиях у общества может слететь налет цивилизации, сместиться понятие нормы. В кризисах проявляются новые практики выживания, которые ситуативно меняются. Отношение к самым слабым членам общества в кризис – индикатор состояния самого общества. История блокады Ленинграда многое сказала о ленинградцах, которые самоотверженно эвакуировали десятки тысяч детей. Как писал историк блокадного Ленинграда Сергей Яров: «Эвакуация Ленинграда – великое и благородное дело, она позволила спасти и тех, кто уехал, и тех, кто остался. <...> Некоторые документы читать нелегко. Меняют ли они существенно наши представления об облике ленинградцев? Нет, они остались такими, какими и были, с неутраченной человечностью. Обратим внимание, как много на фотографиях детей среди эвакуированных, – их же не бросали, не подкидывали, их закутывали как можно теплее, берегли, опекали» [1, с. 226].

Об эвакуации из Ленинграда существует немало исследований (например, выделим недавнюю коллективную монографию «Побратимы» [2]), но именно об эвакуации детей, со всей ее специфичностью и сложностью, написано меньше. В этом контексте отметим исследования Л. Л. Газиевой: эвакуации детей из Ленинграда посвящена 3 глава ее диссертационного исследования [3], также она проанализировала организационный и финансовый аспекты эвакуации детей [4]. О неэффективной летней эвакуации детей из Ленинграда в Ленинградскую область в 1941 г. нами написана глава в коллективной монографии «Побратимы» [5] и статья об обстреле детского эшелона на станции Лычково [6]. Использовали дневники для анализа феномена пешей эвакуации В. Л. Пянкевич и А. Н. Чистиков в статье «Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г.» [7]. В рамках изучения эго-документов большой интерес представляет и статья Д. А. Вычерова «Эвакуация в дневниках ленинградских детей и подростков в 1941–1942 гг.» [8], где автор последовательно изучил эмоции ленинградских детей и подростков относительно этапов эвакуации 1941–1942 гг.

Мы попытаемся развить и дополнить вышеприведенные исследования об эвакуации детей на примере дневников взрослых ленинградцев. В частности, нам важно проследить эмоциональное отношение ленинградцев ко всем волнам эвакуации детей из города. В исследовании мы вдохновлялись методами С. В. Ярова по анализу общественных настроений в дневниковых записях [9] и методологией Габриэллы Янке (Gabriele Jancke) по изучению дневников в пересекающихся контекстах [10]. Для этого мы используем анализ эго-документов: основу наших источников составили дневники 1941–

1943 гг. из базы дневников Центра «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге. По ключевым словам «Ленинград», «дети», «эвакуация» в периоде 22 июня 1941 – 31 декабря 1943 г. мы выявили 180 дневниковых записей 86 авторов. Особый источниковедческий интерес представляют подробные ретроспективные записи в дневниках 1942 и 1943 гг. с оценкой эвакуации 1941 г.

Итак, по отчету городской эвакуационной комиссии от 26 апреля 1942 г. эвакуация населения Ленинграда имела два периода: «а) первый период – эвакуация с 29 июня по 27 августа 1941 г., до блокады города; б) второй – эвакуация во время блокады» [11]. Первый этап имел две особенности: «а) нежелание эвакуироваться из Ленинграда; б) много детей из Ленинграда эвакуировано в районы Ленинградской области (восточные и юго-восточные). Всего за первый период были эвакуированы 395 091 детей, из них возвращено обратно в Ленинград 175 400» [11]. То есть в июне-июле 1941 г. десятки тысяч детей из Ленинграда были эвакуированы в Ленинградскую область – место их традиционного летнего отдыха, но фактически они попали в хаос войны, под вражеские обстрелы.

Тревога родителей росла по мере оккупации районов Ленинградской области (здесь и далее речь идет об административных границах до 1944 г.). Некоторые ленинградцы не выдерживали неизвестности и отпрашивались у начальства для поиска детей. Так, директор Архива Академии наук СССР в Ленинграде Г. А. Князев записал в дневнике 18 августа 1941 г. «С эвакуированными детьми неблагополучно. Матери едут за своими детьми. Я отпустил служащую у нас машинисткой Т. К. Орбели в Боровичи за своими двумя дочками 9 и 12 лет» [12]. Судя по дневникам и воспоминаниям педагогов, родители начали приезжать за своими детьми с середины июля 1941 г.: «18 июля. Появляются в других детских домах [*Любытинского района – Д. А.*] мамы, забирают детей домой. <...> 22 июля. Ко мне еще нет движения мамаш» [13].

Реэвакуация в августе 1941 г. становилась все сложнее – враг оккупировал важные транспортные узлы: Старая Русса (9 августа), Новгород (19 августа), Чудово (20 августа), – эшелоны постоянно обстреливались с воздуха. Из дневника педагога А. Мироновой: «2 августа. Как страшно за детей! Их 4000 человек. Мы можем ехать только ночью. Днем бомбит ж.-д. ст. Вишеру, Окуловку. Днем дети сидят в лесу, уводим из состава. Старшие понимают опасность. Сосредоточены. 3 августа. Проскочили ряд станций. <...> На наш состав было несколько налетов. <...> Дети не плакали,

они стали взрослые за эти три дня. <...> девочки были сосредоточены, испуганы. Мальчики держались с достоинством – мужчины, засыпали со мною детей узлами, бельем. Мы в Ленинград уже привезли других детей...» [13].

Из-за обстрелов большинство детей были уже в августе 1941 г. реэвакуированы (властями и родителями) в Ленинград, который все плотнее блокировали немецко-финские войска. Некоторых детей успели отправить из восточных районов Ленобласти в другие области (Ярославскую, Кировскую). Удалось вывезти не всех: часть детей погибла при обстрелах, а часть пропала в оккупации. Как утверждает исследовательница Л. Л. Газиева: «Потери детей при эвакуации за 1941 г. составили 81 426 пропавших в Ленобласти» [14]. Дневники взрослых эмоционально пересказывали впечатления вернувшихся в Ленинград детей, причем рассказы об обстрелах еще могли вызывать сомнения. Из дневника Георгия Князева, 21 июля 1941 г.: «Вернулись педагоги с детьми с Валдая. <...> Гога, наш сосед по квартире. Рассказывает всякие небылицы, как они голодали, ночевали в лесу и т. д. Конечно, было нелегко, но вряд ли рассказы Гоги передают действительность без искажения. <...> Жаль, что так плохо вышло с эвакуацией детей из Ленинграда. Понемногу все опять съезжаются. У нас полон двор ребят» [12].

В целом, в дневниках ленинградцев есть немало негативных оценок первой эвакуации лета 1941 г., сделанных по горячим следам. Так, Ольга Берггольц 14 августа 1941 г. характеризует эвакуацию как «преступные действия»: «Масса нелепых, почти – да нет, прямо преступных действий, – как, например, первая эвакуация детей, затем – паника, которую подняли оправдомы при второй [нашей] эвакуации, рытье траншей на Средней Рогатке и т. д. и т. д. Бездарно-с!» [15].

Химик Алексей Тумарев в дневнике 19 октября 1941 г. перечислял проблемы эвакуации на личном семейном примере: «Решено было эвакуировать из Ленинграда детей. Однако проведена эта операция была неудовлетворительно с самого начала до конца. <...> На месте оказалось, что штат служащих детдомов не может справиться с оравой детей, которые неотлучно находятся круглые сутки. В довершение оказалось, что и районы, выбранные для эвакуации, неудовлетворительны. Родители начали брать детей частным образом, а вскоре оставшихся привезли в Ленинград организованно. В результате потеряно время, измучены дети и родители, бесполезно работал транспорт, поставлена под вопрос польза эвакуации вообще. Моим ребятам тоже пришлось участвовать в этой кутерьме. Уехали одни с детским садом ДУ.

Мать не могла примириться с разлукой. Рвалась к детям. Кое-как полулегально удалось ей туда пробраться. (Великое одолжение!). Приехали обратно, надолго утратив охоту к путешествиям, да уже и упустили благоприятный момент для отъезда» [16].

Спустя год некоторые авторы дневников заново анализировали произошедшее, искали виноватых, печальный опыт пережитого сделал их оценки еще резче. Из дневника Николая Ласточкина, ретроспективная запись 6 августа 1942 г.: «Июнь 1941 г. Начинают поговаривать об эвакуации детей в районы Ленинградской области. Эта безумная вражеская мысль, поддерживаемая нашими головоотяпами, стоила жизни сотням ребят, не говоря уже о страданиях и страхах родителей. Детей отправляли в Порхов, Старую Руссу, то есть по направлению к наступающему врагу» [17].

Отметим, что критические оценки «летней» эвакуации 1941 г. в Ленинградскую область звучат минимум в 10 процентах записей из изученных нами. Такие оценки действий властей были опасны для авторов, поскольку спецслужбы тщательно фиксировали подобные «типичные высказывания». Так, Никита Ломагин в книге «Неизвестная блокада» приводит спецсообщение Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду 10 декабря 1941 г. (документ № 55), где содержатся «слухи, что проходящая частичная эвакуация населения является подготовкой к сдаче города немцам», «отрицательное отношение к эвакуации» и «жалобы на неорганизованность проведения эвакуации» [18]. Так, в спецсообщении цитировалось мнение директора 1-го Автогрузового парка Крупицкого с критикой эвакуации через Ладогу на примере эвакуации июля 1941 г.: «Не подумав, эвакуировали детей в Старорусский, Демянский и др. районы области и в результате много детей загубили» [18].

С 10 августа 1941 г. в Ленинграде началась принудительная эвакуация матерей с детьми. Алексей Тумарев ретроспективно, 16 октября 1941 г., перечислял меры властей с уже поздним пониманием их слабой эффективности: «10 августа выходит постановление об обязательной эвакуации. Рассылаются повестки с предложением выехать в трехнедельный срок. Не подчинившимся не будут выданы продкарточки, дети будут взяты в очаг, и матери отправлены на труд. работы. Составляются эшелоны к отправке. Но это легче написать, труднее практически вывезти из Ленинграда миллионы матерей с детьми в условиях быстро приближающегося фронта. Отправка эшелонов начинает откладываться, преимущественно вывозятся некоторые заводы. Прошло немного времени (27–28 авг.), и эвакуация практически прекратилась» [16].

Власти приходилось подчеркивать, что августовская эвакуация детей будет эффективней июльской, что ошибки первой эвакуации учтены, а пункты назначения значительно удалены от фронта. Из дневника театрального художника Николая Ласточкина, август, 1941 г.: «Эвакуация (первая) в разгаре. Вечером собрание во дворе дома. Какой-то дядя из Райсовета агитирует женщин с детьми на отъезд. Ему резонно напоминают «эвакуацию» детей, окончившуюся так печально. Теперь эвакуация организованная, обязательная, с питанием в пути и обязательством предоставить работу на месте. Выбор – предуральские, сибирские и среднеазиатские области» [17].

Ленинградцы испытывали мучительные сомнения в поисках верного решения. С одной стороны, тревога за судьбу детей и опасения бомбардировок города побуждали к эвакуации. С другой стороны, страхи перемены дома, потери имущества, прощания с друзьями и с городом – все это держало людей в Ленинграде. Ленинградцы несколько раз в день советовались друг с другом, выбирая оптимальный вариант. Несомненно, что и опыт первой неудачной эвакуации июня-июля 1941 г. сильно влиял на восприятие этой августовской эвакуации. Так, об этом эхе «позорно неудачной эвакуации» пишет Ирина Зеленская, начальница планового отдела 7-й Государственной электростанции, в двух записях 11 августа и 18 августа 1941 г.: «Опять встал на очередь вопрос эвакуации детей, после того, как их, благодаря негодной организации дела, в большинстве вернули назад или позабирали родители» [19], «Женщины, уже обжегшиеся на первой, позорно неудачной эвакуации, упираются, отказываются ехать, потом соглашаются, потом опять отказываются – мука! А я с ужасом смотрю на детей, которые по-прежнему кишат в Ленинграде. Не знаю, сколько их уехало, но на улицах и в трамваях детей не стало меньше. И это – ужасающее непонимание событий! Иногда я готова завидовать этим беспечным, неведающим, но я не хотела бы быть на их месте, когда они поймут и замечутся в панической растерянности. Я-то ко всему готова» [19].

Характеристику «неудачная» по отношению к первой эвакуации использовала в дневнике и Мария Руднева (жена известного советского архитектора Бориса Руднева) 13 августа 1941 г.: «Опять эвакуация матерей с детьми, и после первой неудачной никто не хочет ехать. Вопли и слезы. Потеряли детей и перенесли много ужасов матери в первую эвакуацию. Везде же за Ленинградом голод и бомбят поезда и железную дорогу. По Московской железной дороге, говорят, разбиты все вокзалы» [20].

Кроме того, авторы дневников отмечали сильный страх неизвестности. Из дневника Георгия Князева, 18 августа 1941 г.: «Очень многие уезжают; женщины с детьми, уезжая неведомо куда, почти обезумели от отчаяния. На вокзале (Октябрьском) – столпотворение... Один путь для отъезжающих – через Вологду. Октябрьская дорога жестоко бомбится. Конечно, море всевозможных слухов, преувеличений, создание всяких ужасов. На службе две уезжающие матери [одна из них – Т. К. Орбели-Алексеева, о которой см. ниже. – Д. А.] измучили себя и нас. Конечный пункт маршрута изменили, теперь не Чимкент, а Челябинск. Это их и расстроило еще более. Что они будут там делать, чем жить!» [12].

На этом фоне страха и неуверенности возникали панические слухи об эвакуации как о предвестнике сдачи Ленинграда. Из дневника Георгия Князева, 14 августа 1941 г.: «Город полон всевозможными слухами. Особенно в нервном состоянии женщины. До последних дней они крепились. Сейчас не выдержали нервы. Вчера, говорят, целые толпы возбужденных женщин толпились у Смольного. Тому, чему я так радовался, – спокойствию, выдержке пришел конец. Одной женщине, не желающей подвергать своего ребенка всем испытаниям, в районном совете ответили: «Не хотите выехать организованно, потом пешком пойдете». Что же это? Подготовка к эвакуации всего населения, к сдаче Ленинграда? Сегодня даже стойкие люди струхнули. <...> Газеты полны ужасами, пережитыми жителями в оставленных городах. Действительно, самое страшное – массовая эвакуация, и одинаково страшное – быть захваченным немцами и подвергнуться террору палачей. Я об этом стараюсь не думать. У многих развивается «паникерское» настроение. Ждут бомб, ждут немцев, ждут кошмара эвакуации, ждут сокращения, безработицы...» [12].

Более уверенно себя чувствовали те, кто направлялся в эвакуацию к родственникам, которые могли помочь жильем и едой. Педагог Ксения Ползикова-Рубец записала в дневнике 24 августа 1941 г. наблюдение о том, как пятиклассник Коля, оптимистично собиравшийся в эвакуацию к деду Николаю из деревни Гнездово (Ярославская область), приглашал туда и свою учительницу: «У нас можно пожить, изба большая, корова есть, молока много!» [21]. Вместе с тем, как пишет Д. А. Вычеров, по детским дневникам видно, что подавляющее большинство ленинградских детей и подростков не желали покидать Ленинград в первые месяцы войны, это было «стремление прикоснуться к войне, нежелание разрывать сложившиеся практики и процедуры своей повседневной жизни» [8]. Однако большое

количество несовершеннолетних изменило свое отношение к эвакуации по мере ухудшения ситуации с продовольствием, теплоснабжением, безопасностью на улицах.

Эвакуация матерей с детьми оборвалась к концу августа 1941 г. из-за движения фронта, а списки эвакуированных были отложены. Парадокс, но эта вынужденная пауза некоторым принесла фаталистическое успокоение. Это психологическое облегчение отметил 31 августа 1941 г. медик поликлиники № 27 Октябрьского района Дмитрий Дмитриев: «В первые дни многим имеющим детей до 12-ти лет повестками из жактов предписывалась эвакуация в короткие сроки. Много слез было пролито. Но затем постепенно этот вопрос перестал быть острым. Много матерей с детьми покинуло Ленинград, но большинство осталось, и убыли детей на улицах Ленинграда не замечается. Всех детей эвакуировать, конечно, не представлялось возможным, т. к. не могло бы хватить железнодорожных вагонов, и, постепенно, матери к настоящему времени успокоились» [22].

Это успокоение было обманчивым, некоторые тревожные родители тайно, чтобы не обвинили в пораженчестве, готовили детей к выживанию в оккупации. Актриса Татьяна Булах-Гардина записала в дневнике 6 сентября 1941 г.: «Многие усиленно крестят детей, не крещеных раньше из-за антирелигиозных воззрений, пропаганды и преследований. Одевают им образки и кресты, чтобы немцы не приняли их за евреев» [23].

Поскольку в сентябре 1941 г. массовая эвакуация стала невозможна из-за движения фронта, тема ушла из актуальной повестки, и, следовательно, частота ее упоминания снизилась в дневниках на фоне проблем выживания. Вместе с тем условия для детей значительно ухудшились, что отразилось в дневниках повсеместно.

С ноября 1941 г., когда установился лед, тема эвакуации опять была поднята властью, ленинградцы обсуждали пеший переход по льду Ладожского озера. За осень Ленинград уже испытал голод (так, в последней декаде ноября 1941 года служащие, иждивенцы и дети до 12 лет получали в день 125 г хлеба), это изменило отношение к эвакуации, даже к пешей. Как замечают В. Л. Пянкевич и А. Н. Чистиков: «Характерными особенностями декабрьских записей по сравнению с ноябрьскими были, во-первых, их развернутость, во-вторых, оценка ленинградцами своих сил для предстоящего «пешеходно-бомбежного», по выражению И. Ф. Кратта, похода. Перспективу пешком вырваться из блокадного кольца горожане воспринимали не только с большой надеждой, но и с тревогой, с опасениями» [7, с. 59].

В итоге, женщины с детьми были настроены на эвакуацию решительнее прочих ленинградцев. В частности, это было видно по сотрудницам Архива Академии наук СССР, о которых написал Григорий Князев в дневнике 3 декабря 1941 г.: «Хотят уезжать Орбели с тремя детьми (9-ти, 12-ти и 15-ти [лет]), Урманчеева тоже с тремя детьми (1-го, 3-х и 5-ти [лет]), Травина колеблется. Остальные отказались, идти пешком придется около 150–200 километров. Багаж и детей обещают везти. Панический ужас перед голодом бросает людей на большой риск. Орбели говорит: “Все равно: здесь умереть голодной смертью, идти – иметь какой-то шанс на спасение”» [12].

Таким образом, зимой 1941 г. Ленинград уже воспринимался как опасное место, а эвакуация как спасение. Авторы дневников отмечали это резкое изменение отношения за три месяца. Ирина Зеленская записала в дневнике 5 декабря 1941 г.: «Возобновилась эвакуация заводов и рабочих с семьями, но пешим порядком. Километров 200 надо идти путь через Ладогу. Нелегкое путешествие, но многие соглашаются даже с детьми, лишь бы прочь из Ленинграда. А как приходилось уговаривать людей 3 месяца тому назад, как все упирались! Теперь же, когда дети стоят вплотную рядом с голодом, – другой разговор. А детей в Ленинграде невероятно много, будто их и вовсе не вывозили. Очень страшно за них» [19].

На долгом пути по льду женщины и дети просили помощи у шоферов грузовиков. В одних дневниках содержится информация о том, что шоферы старались помочь, но есть и неверифицированные слухи, что машины давили людей, которые хватались за колеса. Так, художница Любовь Шапорина записала в дневнике 18 декабря 1941 г. пересказ чужого пересказа: «Их знакомый военный приехал с Ладоги, насмотревшись на пешую эвакуацию. Люди замерзали. Матери теряли детей, возвращались и находили их мертвыми. Толпы бросались на проезжающие машины, хватались за колеса, бросались под автомобили, которые ехали, катились дальше с окровавленными колесами. «Это тоже одно из преступлений», – добавил А. А.» [23]. В целом же, как отмечают В. Л. Пянкевич и А. Н. Чистиков, в дневниках встречается двойное отношение ленинградцев к идее пешей эвакуации по льду: «Одни, избавляясь от голода и холода, были готовы рискнуть, чтобы в случае удачного исхода найти спасение на Большой земле, другие пытались здраво соотнести свои силы и условия перехода, понимая реальную опасность такого способа эвакуации» [7, с. 64].

Судя по дневникам, на возросший интерес к зимней эвакуации повлиял также ряд других страхов: часть ленинградцев думала, что весной не сможет уехать по воде, часть боялась весеннего гниения мертвых тел в городе, часть

опасалась летнего вражеского наступления и сдачи города. Некоторые матери самоотверженно готовили своих детей к эвакуации, откладывали для них продукты, а сами болели от голода и умирали. Так, Георгий Князев описал в дневнике 16 марта 1942 г. смерть своей сотрудницы Т. К. Орбели-Алексеевой, которая эвакуировала трех дочерей, но сама не смогла уехать: «На службе мне сообщили, что Т. К. Орбели-Алексеева на днях (13. III) умерла. Она мучительно и долго погибала. Слегла она в январе. Перед эвакуацией детей (трех девочек) в начале февраля добрела до Архива, держась за стенки домов, слегла, и окончательно уже. Проводить детей ей не удалось. Они одни уезжали. А она осталась... И умерла в холодной нетопленной комнате, всеми оставленная... <...> Когда я видел ее в последний раз перед эвакуацией ее детей, у нее еще теплилась надежда, что, может быть, и она сможет уехать. Добравшись до дому (кто знает, как она добралась до него!), она поняла, что никуда не сможет уехать. Надо спасти во что бы то ни стало детей, а самой остаться умереть. Матери, матери, которым попадут эти строчки, вы поймете, что должна была пережить эта несчастная мать трех девочек. Вы никогда не допустите совершиться тому безумству в мире, которое называется войной!» [12].

Через дневник Георгия Князева можно фрагментарно проследить не только судьбу бывшей жены академика Иосифа Орбели и ее детей, но и меняющееся материнское отношение к эвакуации. Да, директор Архива и машинистка не были близки, но историк Георгий Князев обладал большой эмпатией и методично фиксировал наблюдения за эмоциями окружающих в дневнике. Через его записи с августа 1941 г. по март 1942 г. мы видим страдания многодетной матери Т. К. Орбели-Алексеевой во временной динамике: неудачная летняя эвакуация двух девочек (одна из них с больной ногой) на Валдай, их поиски матерью и возврат, мучения и сомнения из-за новостей о принудительной эвакуации августа (не хватает денег, страшно ехать в неизвестность). Затем – голодная осень, болезни, удачная эвакуация детей, невозможность уехать из-за болезни, смерть матери. За одной такой судьбой стоят тысячи судеб ленинградских матерей и детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яров, С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. – М. : Молодая гвардия, 2013. – 313 с.
2. Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается / редкол.: Ю. З. Кантор (отв. ред.) [и др.]. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 951 с.

3. *Газиева, Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Л. Л. Газиева. – СПб., 2011. – 313 с.
4. *Газиева, Л. Л.* Полемические вопросы финансирования эвакуации детей из Ленинграда в 1941–1942 гг. (к статье А. В. Зотовой «О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда») / Л. Л. Газиева // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20 (№ 2). – С. 51–53.
5. *Асташкин, Д. Ю.* Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область / Д. Ю. Асташкин // Побратимы: Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. – Москва : Политическая энциклопедия, 2019. – С. 119–144.
6. *Асташкин, Д. Ю.* Гибель ленинградских детей при реэвакуации из Ленинградской области: обстрел станции Лычково 18 июля 1941 г. / Д. Ю. Асташкин // Новгор. ист. сб. науч. статей / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Т. 18 (28). – Вел. Новгород : НГУ им. Ярослава Мудрого, 2019. – С. 275–284.
7. *Пянкевич, В. Л.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале дек. 1941 г. / В. Л. Пянкевич, А. Н. Чистиков // Новейшая история России. – 2019. – № 1. – С. 56–69.
8. *Вычеров, Д. А.* Эвакуация в дневниках ленинградских детей и подростков в 1941–1942 гг. / Д. А. Вычеров // Наука. Общество. Оборона. – 2019. – № 2. – С. 1–6.
9. *Яров, С. В.* Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века / С. В. Яров. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 430 с.
10. *Янке, Г.* Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени / Г. Янке // Новое лит. обозрение. – 2019. – Т. 157. – № 3. – С. 89 – 106.
11. Отчет Ленгорэвакокомиссии 26 апреля 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. 7384. ОН. 3. Д. 50. Л. 189–193.
12. *Князев, Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 / редкол.: Н. П. Копанева (отв. ред.) [и др.]; под. текста А. Г. Абайдулова [и др.] / Г. А. Князев. – СПб. : Наука, 2009. – 1220 с.
13. Из дневника Мироновой Александры Николаевны // Оборона Ленинграда, 1941–1944. Воспоминания и дн. уч-ков. – Л. : Наука, 1968. – С. 756.
14. *Газиева, Л. Д.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–43 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. н. 07.00.02 / Л. Д. Газиева. – СПб, 2011.

15. *Берггольц, О. Ф.* Мой дневник: в 3 т.: 1941–1974 / сост. А. Н. Гаврилова, Н. А. Стрижкова [и др.] / О. Ф. Берггольц. – М. : Кучково поле – Т. 3. – 2020. – 840 с.
16. *Тумарева, Т. А.* «Единственное, что меня поддерживает, это вера в свою судьбу» / Т. А. Тумарева // Блокада глазами очевидцев / сост. С. Глезеров. – СПб. : Остров, 2019. – 256 с.
17. *Ласточкин, Н. А.* Осадное сидение / Н. А. Ласточкин // Блокада глазами очевидцев. Кн. 8. – СПб. : Остров, 2021. – С. 23–73.
18. Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 38. Л. 73.
19. Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Т. Великотной, В. Берхман, И. Зеленской / сост. Н. Соколовская. – СПб. : Лениздат, Команда А, 2014. – 512 с.
20. *Руднева, М. М.* Блокадный дневник (1941–1942) / М. М. Руднева. – СПб: Коло, 2020.
21. *Ползикова-Рубец, К. В.* Дневник учителя блокадной школы (1941–1946) / К. В. Ползикова-Рубец. – СПб. : Тема, 2000.
22. *Дмитриев, Д. К.* Дни нашей жизни. Дневники, письма / Д. К. Дмитриев. – СПб., 2013. – 152 с.
23. *Шапорина, Л. В.* Дневник: в двух томах / Л. В. Шапорина.– М. : Новое лит. обозр., 2011. – 640 с.

**«ПЕЙЗАЖ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА»
В НАРРАТИВНЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ –
ОБЛИК ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА**

В. Л. Пянкевич

Аннотация: В статье анализируются нарративные и изобразительные свидетельства о «пейзаже блокадного Ленинграда» – дневники, письма, воспоминания, фотографии, живопись, рисунки и графика, с разной степенью достоверности отражающие реальность. В совокупности они обладают достаточным потенциалом для решения исследовательских задач по воссозданию облика осажденного города и его жителей.

Ключевые слова: Блокада Ленинграда; пейзаж; дневники; воспоминания; живопись; графика; фотография.

LANDSCAPE OF BESIEGED LENINGRAD IN NARRATIVE AND VISUAL SOURCES

Abstract: The article analyzes the narrative and visual evidence of the landscape of besieged Leningrad Diaries, letters, memoirs, photographs, paintings, drawings and graphics, reflecting reality with varying degrees of reliability, together have sufficient potential to solve research problems to recreate the appearance of the besieged city and its inhabitants.

Keywords: Siege of Leningrad; landscape; diaries; memories; painting; graphic arts; photo.

Облик блокадного Ленинграда получил отражение в нарративных, изобразительных документах. В первых (дневниках, письмах, воспоминаниях, интервью), часто носящих глубоко личный, порой исповедальный характер, представлен весь спектр восприятия города, в том числе звуковой пейзаж. Свидетельства из этих документов позволяют воссоздать образ города и горожан на протяжении всего периода войны и блокады. Дневниковые, эпистолярные, мемуарные повествования содержат не только подробное описание зданий, улиц, города в целом, но облика, поведения и эмоционального состояния ленинградцев. Многие темы и сюжеты из нарративных документов воспроизводились и в изобразительных источниках (фотографии, живописи, рисунках, графических листах).

Фотографировать в блокадном городе имели право только военные корреспонденты, хотя среди снимавших были фотографы других организаций и, крайне редко, любители [1, с. 604; 2, с. 268]. Основной массив

снимков – это постановочные, каноничные и строго функциональные фотоплакаты, которые монументализировали войну и ее героев. Сравнительно небольшое количество фотографий – кадры повседневной жизни осажденного Ленинграда. Город для военных корреспондентов, которые рвались на фронт, был проходным, неинтересным объектом [2, с. 269]. Немногие обнаруживали неплакатные сюжеты для съемки в городе. Хотя все больше становилось понятно, что Ленинград стал в подлинном смысле фронтом.

Городской пейзаж зафиксирован в работах художников, коих здесь было немало. Многие из них создавали востребованные плакаты, которые в контексте горьких сообщений о быстром наступлении врага подчас представлялись горожанам неуместными. В то же время визуальная пропаганда, конкурируя с привычными штампами и устойчивыми представлениями, формировала адекватный образ безжалостного врага, воодушевляла и помогала выжить. Ленинградским художникам по сути было запрещено работать на улицах [1, с. 604]. Да и не всем это было по силам. Но кто-то писал, в том числе во время обстрелов. Многие рисовали город по памяти, порой годы спустя. Немало изображений блокадного Ленинграда создали архитекторы. Во время блокады создавались не столько живописные, сколько графические работы. Преобладающими стали пейзаж и бытовой жанр. Некоторые художники и архитекторы создали целые блокадные серии, которые нередко представляют собой изобразительные «дневники» и «письма» из блокадного Ленинграда.

Во всех источниках описаны первые жаркие и солнечные дни войны в Ленинграде, толпы взволнованных и удрученных горожан под уличными радиорепродукторами, очереди у магазинов и сберегательных касс, нестройные ряды мобилизованных, около которых плачущие женщины, грузовики, танки, орудия, заклеенные бумажными полосами окна домов, закрытые досками витрины магазинов, изменившийся до неузнаваемости Невский.

Ощущение угрозы создавали появившиеся в небе аэростаты. В городских парках и садах рыли щели, улицы перегораживали баррикадами, угловые квартиры первых этажей с заложенными кирпичами окнами становились дотами. Иногда целые дома превращались в крепости. Железные «ежи» и цементные пирамиды усеяли город. Укрывали, убрали со своих мест памятники, прежде служившие украшением города. Зарывали в землю городскую, садово-парковую скульптуру, обкладывали мешками с песком и обшивали деревянными щитами большие монументы.

Совершенно меняла образ города маскировка и светомаскировка. Камуфлирование военных объектов, зданий и сооружений, укрытие памят-

ников, маскировка шпилей, куполов, разрушенных жилых домов не только дезориентировало врага, но значительно влияло на восприятие города – его красота меркла. На годы Ленинград был погружен в темноту.

Ошеломлял вид открывавшихся взгляду жилых пространств, когда после прямого попадания фугасной бомбы многоэтажный дом раскалывался до основания. Скрытая от посторонних личная, частная жизнь представляла в виде странного, страшного, сюрреалистического зрелища. Вид страдания, гибели сограждан сочетался с антропоморфным восприятием разрушенных зданий, которые вызывали ассоциации с ранеными и убитыми.

Блокада продолжалась очень долго, но в нарративных и изобразительных источниках главное внимание уделяется смертному времени 1941–1942 гг. Тогда, первой блокадной зимой, город был в состоянии катастрофы – отсутствие транспорта, уличного освещения, воды и света в домах, разрушения, прекращение работы предприятий, трупы на улицах, тишина, заснеженность, пустыньность, пожары, которые становились частым и горестным следствием немецких авиационных бомбардировок и артиллерийских обстрелов, а также неосторожных действий самих блокадников в борьбе за тепло и свет. Сгоревшие жилые дома полностью уничтожались огнем на глазах их обитателей, а остовы зданий становились частью ленинградского ландшафта.

Возможность жизни и смерти в огромной мере определяла погода. Привычным стало огорчаться солнцу и радоваться ненастью. Звездное небо и луна превратились в знаки смертельной угрозы. Пустынный Ленинград был покрыт огромным количеством снега, чистыми сугробами, как саваном.

Важной приметой облика блокадного Ленинграда стали сани, в том числе детские салазки. На них доставляли с хлебозаводов в магазины хлеб, возили дрова и, конечно, воду. Часто санки превращались в погребальные повозки. Живописные и графические работы, фотографии, кинокадры содержат изображения санок, которые обычно женщины и дети влекут по заснеженному городу на фоне известных архитектурных символов города, покрытой льдом и снегом Невы.

Многие блокадники свидетельствуют о необыкновенной, «издевательской» красоте осажденного города. Война и блокада стали временем исчезновения в Ленинграде городской цивилизации XX века. Отсутствие городского транспорта, уличного освещения, заводских гудков, чистота воздуха и снега, уменьшение числа людей, хождение за водой на Неву, трава, по весне пробивающаяся сквозь булыжник мостовых, возвращали Ленинград

в прошлое. Тишина, прерываемая воем сирены, гулом самолетов, разрывами бомб и снарядов, плотно окутала город. К январю 1942 г. город обезлюдел. Еще меньше людей на улицах стало летом 1942 г. после вымирания и массовой эвакуации.

В середине осады были уже привычными мертвецы на улицах. Моргами под открытым небом стали напоминавшие высокие поленницы дров штабеля трупов. Невыносимое впечатление производили, надолго оставаясь в памяти, автомобили, заполненные трупами. Изменился вид оставшихся в живых. «Мужчины и женщины, старые и молодые – все выглядели одинаково» [3, с. 75]. С января 1942 г. повсюду встречались люди с землисто-темными лицами, вялыми, медленными движениями, тихими голосами. Голод и холод меняли горожан так, что возникал «блокадный человек – не мужчина и не женщина, а существо без пола, без возраста» [4, л. 50]. Особенно мужчины поражали своим агонизирующим видом: за редким исключением они не могли передвигаться самостоятельно. Бросались в глаза изменения в одежде. Женщины стали ушивать юбки, чтобы не сваливались, ходить в мужской обуви, шароварах, сменили модные шляпки на теплые платки [5, с. 106]. Мужчины перепоясались поверх пальто ремешками, а иногда просто веревками. Ненужными стали костюмы и галстуки [6, с. 156]. Все ослабевшие интеллигенты держали портфель не в руках, так как не было сил, а носили на ремне через плечо [7, с. 151]. Даже летом истощенные блокадники часто оставались в зимней одежде.

В честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады 27 января 1944 г. в городе состоялся праздничный салют. Нарративные описания, художественно-изобразительные источники, а также фотографии и кинокадры с разной степенью достоверности отражают образ ленинградского торжества 1944 г. Реакция ленинградцев, потрясенных салютом, была весьма эмоциональной. Незнакомые люди обнимались, целовались, кричали, пели и плясали. В то же время в Ленинграде царил печаль о тех, кто не дождался праздника. Блокадники плакали, что не получило отражения в живописных полотнах, графических листах и фотографиях. Последние, однако, не подтверждают нарративных свидетельств о большом количестве горожан, вышедших на улицы, площади, мосты, набережные Невы.

Свидетельства, зафиксированные в нарративных и изобразительных источниках, дополняя и корректируя друг друга, в совокупности позволяют воссоздать пейзаж Ленинграда времени войны и блокады.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. – СПб. : Лики России, 1995. – 640 с.
2. Рахманова, Т. Д. Ленинград летом – осенью 1941 г. в работах фотокорреспондентов / Т. Д. Рахманова // Северный рубеж. 1941. К 80-летию начала Великой Отечественной войны. Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 16–17 июня 2021 г.: сб. докл. – М. : РОССПЭН, 2022. – С. 267–274.
3. Горышина, Т. К. Воспоминания о блокаде и дороге жизни / Т. К. Горышина // История Петербурга. – 2007 – № 1 – С. 71–76.
4. Лелюхина, С. Б. Воспоминания о блокаде // Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга. – Ф. Р - 107. Оп. 6. Д. 7.
5. Князев, Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 / Г. А. Князев. – СПб. : Наука, 2009. – 1220 с.
6. Кулагин, Г. А. Дневник и память. О пережитом в годы блокады / Г. А. Кулагин. – Л. : Лениздат, 1978. – 380 с.
7. Назимов, И. В. Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. – СПб. : Лениздат, Команда А, 2014. – С. 127–200.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айдаров Надим Жавдетович, кандидат искусствоведения, сотрудник института театра, музыки и хореографии РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Aidarov Nadim Javdetovich, Ph D, Researcher of the Institute of Music, Theater and Choreography of the Herzen University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: n.aidarov@yandex.ru

Антонова Ксения Александровна, магистр исторических наук, руководитель Народного музея боевой славы, учитель истории Государственного учреждения образования «Средняя школа № 2 имени Е. А. Трапезниковой города Новополоцка» (Новополоцк, Республика Беларусь).

Antonova Ksenia Alexandrovna, Master of Historical Sciences, head of the National Museum of Military Glory, history teacher of the State Educational Institution “Secondary School No. 2 named after E.A. Trapeznikova of the city of Novopolotsk” (Novopolotsk, Republic of Belarus).

E-mail: kseni323@mail.ru

Асташкин Дмитрий Юрьевич, доцент, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Astashkin Dmitry Jurjevitch, candidate of historical sciences, associate Professor. Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Senior researcher, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: strider-da@ya.ru

Белов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент; Финансовый университет при Правительстве РФ (РФ, г. Москва); ведущий методист, Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации Министерства обороны Российской Федерации (РФ, г. Москва).

Belov Dmitry, candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of Humanities (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia); Leading methodologist (Central Museum of Armed Forces of Russian Federation, Moscow, Russia).

E-mail: dbelov@list.ru

Волынец Наталия Михайловна, старший научный сотрудник, государственное учреждение «Лидский историко-художественный музей» (Лида, Республика Беларусь).

Volynets Natalia Mikhailovna, Senior Researcher, State Institution “Lida Historical and Art Museum” (Lida, Republic of Belarus).

E-mail: mus@lixmuseum.by

Иванов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центрального музея Тавриды, (отдел «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь «Красный»); старший преподаватель кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма (Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация).

Ivanov Vyacheslav Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, researcher at the Central Museum of Taurida; Department “Memorial to the Victims of the Fascist Occupation of Crimea in 1941–1944 “Krasny Concentration Camp”; Senior Lecturer, Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation).

E-mail: slavik1855@gmail.com

Кантор Юлия Зораховна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Kantor Yulia Zorakhovna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: juliakantor@yandex.ru

Ковалев Борис Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Kovalev Boris Nikolaevich, Doctor of History, Leading Researcher St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: bnkov@mail.ru

Козак Кузьма Иванович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета БГУ (Минск, Республика Беларусь).

Kozak Kuzma Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, associate professor of the history faculty of BSU(Minsk, Republic of Belarus).

E-mail: kozak@ibb.by

Корсак Алеся Иосифовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и туризма Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (Полоцк, Республика Беларусь)

Korsak Alesya Iosifovna, Associate Professor, Head of History and Tourism Department Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk (Polotsk, Republic of Belarus).

E-mail: a.korsak@psu.by

Мох Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией историко-обществоведческого и социокультурного образования НМУ «Национальный институт образования» (г. Минск, Республика Беларусь).

Mokh Elena Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Historical, Social Science and Sociocultural Education, "National Institute of Education" (Minsk, Republic of Belarus).

E-mail: dokunovabsu@tut.by

Новиков Сергей Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социальных наук учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Novikau Siarhei Yaugenjevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, head Department of the History and Social Sciences of the Educational Establishment "Minsk State Linguistic University" (Minsk, Republic of Belarus).

E-mail: siarhnovikau@gmail.com

Плауде Виктория Феликсовна, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Царское Село» (Санкт-Петербург, Россия).

Plaude Victoria Felixovna, Senior Researcher The Tsarskoe Selo State Museum-Preserve (St. Petersburg, Russia).

E-mail: fototeka-zs@rambler.ru

Пянкевич Владимир Леонидович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Piankevich Vladimir Leonidovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the St. Petersburg State University; Leading Researcher, St. Petersburg Institute of history (St. Petersburg, Russia).

E-mail: v.pyankevich@spbu.ru

Тукало Сергей Николаевич, руководитель исторической мастерской имени Леонида Левина (Минск, Республика Беларусь).

Tukalo Sergei Nikolaevich, head of the historical workshop named after Leonid Levin (Minsk, Republic of Belarus).

E-mail: tukalo@ibb.by

Хотянович Наталья Александровна, заместитель директора по научно-исследовательской деятельности, государственное учреждение «Лидский историко-художественный музей» (Лида, Беларусь).

Khotyanovich Natalia Alexandrovna, Deputy Director of Research Activities, State Institution “Lida Historical and Art Museum” (Lida, Republic of Belarus).

E-mail: mus@lixmuseum.by

Цымбал Александр Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Tsymbal Alexander Georgievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Social Sciences of the Educational Establishment “Minsk State Linguistic University” (Minsk, Republic of Belarus).

E-mail: aleksander.g.t@gmail.com

Научное издание

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ О ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сборник докладов белорусско-российского круглого стола

15 декабря 2022 г.

Ответственный за выпуск *С. Е. Новиков*

Редактор *Т. М. Нехай*

Компьютерная верстка *Н. В. Мельник*

Подписано в печать 05.12.2023. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура PT Astra Serif. Ризография. Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 8,20. Тираж 100 экз. Заказ 60.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.